

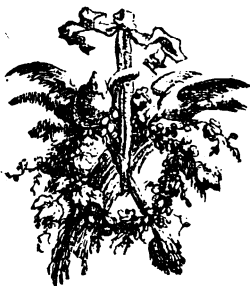
Д Ъ Т С К О Е

Ч Т Е Н І Е

Д Л Я

С Е Р Д Ц А и Р А З У М А.

Ч А С Т Ъ І V.



М О С К В А,

Въ Университетской Типографіи,

у Н. Новикова,

1785.



ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ.

И не введи насъ во искушеніе, но избави насъ отъ лукаваго. Машѣ. гл. 6. ст. 13.

I.

Разговоръ между отцомъ и дѣтьми о снахъ.

Андрей. Здравствуй, Лизанька. Какое во проводила ты нынѣшнюю ночь?

Лизанька. Слава Богу, хорошо. А ты?

Андрей. И я также спалъ спокойно. Не приснилось ли тебѣ чтонибудь хорошинькое?

Лизанька. Я видѣла изрядной сонъ. Мнѣ снилось, будто я спояла у пруда и ловила рыбу руками, наловила очень много, продала и выручила много денегъ.

Андрей. Твой сонъ хорошъ и веселъ; а мой не таковъ. (*Вздѣхнувши*) И я видѣлъ сонъ.

Лизанька. Ты вздохнулъ ; конечно приснилось тебѣ что нибудь печальное.

Андрей. Я и теперь еще дрожу , лишь только вспомню объ этомъ. Мнѣ снилось , будто бабюшка , матушка и мы съ шобою ходили по полю. Мы взошли на пригорокъ и увидѣли недалеко отъ нашего дому пожаръ. Мы всѣ побѣжали домой ; пожаръ часъ отъ часу становился больше ; безпрестанно били въ прещетки ; люди бѣгали взадъ и впередъ. Я шакъ напугался , что у меня и теперь еще сердце бьется отъ спраху.

Лизанька. Въ самомъ дѣлѣ сонъ твой очень спрашенъ. — Но послушай , что я теперь вздумала : у нашей Марьи есть книга , въ которой все располковано , что какой сонъ значитъ. Я знаю , куда она кладетъ эту книгу ; сыщемъ ее , и посмотримъ , что значатъ наши сны.

Лизанька побѣжала искать книгу , и потчасъ принесла ее къ своему брату. — „Я сперва посмотрю , сказала она , что мой сонъ значитъ. „ — Она начала искать и нашла : „рыба значитъ большую ссору и досаду.

„Ахъ ! братецъ , какъ я несчастливъ , ва ! мой сонъ значитъ большую ссору и досаду.

Андрей. Покажи-шка мнѣ. (*Читаетъ.*)
 Ахъ! и въ самомъ дѣлѣ такъ. Бѣдникъ-
 кая! мнѣ тебя очень жаль. — Но по-
 смошримъ, что-то мой сонъ значить.
 — — Пожаръ — „пожаръ значитъ
 радость, прибыль и счастье.

Лизанька повѣсила голову и была
 очень невесела; Андрей же цѣловалъ кни-
 гу и прыгалъ отъ радости, хотя и самъ
 не зналъ, чему онъ радовался. Онъ по-
 бѣждалъ рассказывать всякому о своемъ
 счастьѣ.

Марья, старая Лизанькина корми-
 лица, пришла къ ней и подтвердила пол-
 кованіе сна, совѣтовала ей остерегаться
 въ этотъ день отъ ссоры, и увѣряла ее, что
 книга никогда не обманываетъ, и что
 все сбывается точно такъ, какъ шутъ
 написано. Лизанька заплакала. Отецъ
 ее, вошедши въ то самое время въ ея
 комнату, спросилъ у нее, о чемъ она
 плачетъ?

Лизанька. Ахъ! бабушка, я видѣла
 въ нынѣшнюю ночь сонъ.

Отецъ. Что жъ? въ этомъ нѣтъ еще
 ничего худого.

Лизанька. Я видѣла страшной сонъ.
 Правда, самъ по себѣ онъ хорошъ; но
 значить очень худое. Мнѣ приснилось,

будто я ловила рыбу и продавала ее; а это значить, что я сегодня буду иметь ссору и досаду.

Андрей вбѣжалъ въ то время въ комнату и кинулся на шею къ своему опцу. — „Бапюшка!“, говорилъ онъ; „порадуйшесь со мною; я сегодня буду очень щасливѣн, получу радость, прибыль и счастье. Правда, за это въ нынѣшнюю ночь довольно я и напугался.

Отецъ. Конечно и ты сонъ видѣлъ. Что жь тебѣ приснилось?

Андрей. Пожаръ. — А пожаръ значить радость и счастье.

Отецъ. Кто это тебѣ сказалъ?

Андрей. Вошъ въ этой книгѣ такъ написано; а Марья наша сказывала, что тушь все правда.

Отецъ. Мнѣ очень жаль, что ты повѣрилъ своему сну и этой книгѣ. Послушай же, какое твое счастье: любимая твоя канарейка улетила сегодня, какъ хотѣли чистить ее къшку; а маленькая твоя собачка умерла.

Андрей. Ахъ! бапюшка, не вправду ли такъ? — (Онъ бросаетъ книгу на полъ.) Негодная книга! какъ ты меня обманула!

прежде вѣрно это знала. Погода была бы такая, хотя бы ты ни слова о помѣ напередъ не говорила, и также могла бы хороша быть, хотя бы ты безпрестанно твердила, что будетъ дурная погода. Точно такъ же надобно принимашь и полкованіе сновъ. Я постараюсь освободить васъ отъ эпова суевѣрія. Хошите ли вы прилѣжно меня слушашь?

Дѣти. Да, мы будемъ слушашь очень прилѣжно.

Отецъ. Вы знаете, что душа наша не спитъ и тогда, когда шло спитъ.

Лизанька. Да, мы это знаемъ; вы давно уже полковали намъ, что душа всегда бываетъ въ дѣйствіи.

Отецъ. Изрядно. Также знаете вы и то, что душа можешъ предсавляшь, себѣ вспоминать что нибудь, думаешь то, что она прежде думала.

Лизанька. Конечно; на примѣрѣ, я очень еще помню, какъ брапецъ ходилъ въ бѣлинкомѣ камзолчикѣ съ алымъ кушакомъ; а этому уже около пяти лѣтъ.

Андрей. А я помню, какъ я пошохоньку высыпалъ изъ сахарницы мелкой сахаръ, и какъ мапушка однажды насыпала шуда соли вмѣсто сахару.

Отецъ.

Отецъ. И такъ, когда душа никогда не спитъ, но всегда что нибудь думаетъ, вспоминаетъ или представляетъ себѣ что нибудь, что жь изъ эпова слѣдуешь?

Андрей. Мнѣ кажется, изъ эпова слѣдуешь то, что хотя человекъ и спитъ, однако душа думаетъ, вспоминаетъ и представляетъ себѣ что нибудь.

Отецъ. Точно такъ. Однако и шло наше должно имѣть участіе въ дѣйствіяхъ души. Когда жь шло спитъ, или бываетъ безъ дѣйствія, то и душѣ это препятствуетъ. Съ нею точно такъ же происходитъ, какъ съ солнцемъ. Оно всякой день надъ нами бываетъ; но иногда густыя облака проходятъ между имъ и нами, и дѣлаютъ препятствіе его лучамъ.

Лизанька. Ага! теперь я нѣчто примѣчаю.

Отецъ. Посмотримъ, справедливо ли швое примѣчаніе. — И такъ когда душа находитъ препятствіе въ своихъ дѣйствіяхъ, то иногда смѣшиваетъ она мысли свои страннымъ образомъ; она представляетъ себѣ то, что думала за нѣсколько лѣтъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, что она вчера думала. Отъ эпова часто происходятъ странные сны, веселые и спраш-

ные. Но такая смѣсь продолжается только до тѣхъ поръ, пока шѣло проснешся и опять начнешь помогать душѣ въ ея дѣйствіяхъ. Иногда жь представляешь она мысли споль порядочно, какъ бы не во снѣ, и какъ бы не имѣя никакова ярепятствія. Однако и эшо дѣйствіе не иное что, какъ сонъ, не иное что, какъ мысли, кошорыя душа имѣешъ въ шо время, когда шѣло спитъ.

Лизанька. Теперь вижу я, какъ глупо сновѣ бояшься. Когда боишься сновѣ, шо надобно и днѣмъ бояшься своихъ мыслей.

Отецъ. Ихъ надобно бояшься еще больше. Сны не имѣюшъ никакихъ слѣдствій; а мысли, кошорыя мы не во снѣ имѣемъ, безъ слѣдствій не бываюшъ. И по шому, шо хорошо такому человѣку, кошорой всегда такъ думаетъ, что не находишъ причины бояшься своихъ мыслей.

Лизанька. Отъ чего жь людямъ пришло на умъ шоковать сны?

Отецъ. Эшо ведется между просполоудимами, кошорые не имѣюшъ понятія о свойствахъ души. Можешъ бышь сперва кто нибудь видѣлъ сонъ, кошорой оспался у него въ памяши, и вскорѣ приключилось съ нимъ нѣчто досшопамяшное; онъ почелъ эшо приключеніе слѣдствіемъ

сна и пересказалъ о томъ другимъ людямъ, и съ того времени спали думая, что предъ такимъ приключеніемъ снишься такой сонъ. На примѣрѣ, Лизанькѣ въ нынѣшнюю ночь приснилось, будто она рыбу ловила, и послѣ экова получила она подарокъ; она пересказала бы о томъ своему брату, и вы оба спали бы думая, что кому привидится во снѣ рыба, томъ на другой день подарокъ получишь.

Андрей. Я хочу спросить васъ еще объ одномъ, — Иногда снишься мнѣ такое, чего совсѣмъ нѣтъ въ свѣтѣ, да и быть не можешь. Напримѣрѣ, однажды приснилось мнѣ, будто въ нашемъ саду на всѣхъ деревьяхъ и кусточкахъ растутъ сахарные конфеты. — Опъ чего это происходитъ?

Отецъ. Вопъ опъ чего! Ты охотникъ до конфетовъ; можешь быть ходилъ ты когда нибудь по саду и думалъ: „ахъ! когда бы на всѣхъ деревьяхъ и кусточкахъ росли конфеты; то-то было бы хорошо; тогда и не вышелъ бы я опсюда.“

Андрей. Вы опгадали, бапюшка; это точно такъ было.

Отецъ. Можешь быть эта мысль представилась во снѣ душѣ твоей, хотя

и чрезъ долгое время; и опѣ того - по видѣлъ шы дерева съ конфекшами. — Сверхъ же этова душа наша имѣешъ шакую силу, что можешъ предсавляшь себѣ и воображашъ шакія вещи, кошорыхъ мы никогда не видали, да и видѣшь не можно. Эша сила называется фаншазією. Напримѣрѣ, фаншазія можешъ предсавишь себѣ высокую башню споль же высокимъ человекѣмъ. Душа иногда и не во снѣ дѣйствуешъ эшою силою.

Лизанька. Мы благодаримъ васъ, что вы все эшо намъ сказали. Впредѣ буду я засыпашъ спокойно; а прежде всегда ложась спать, думала я: что - по миѣ вѣ нынѣшнюю ночь приснишь, и что - по этошъ сонъ будешъ значить? „ Теперь не спану, ужъ бояшься, что бы миѣ ни снилось.

Андрей. И я шаже.

Отецъ. Изрядно, дѣши мои! я радъ, что вы шакъ думаете.

По шомъ отецъ поднялъ книгу, пошелъ съ дѣшми своими на кухню, приказалъ разложить огонь и положилъ на огонь вѣрныя полкованія сновъ. Старая Марья пришла туда и съ жалосшью смотрѣла на шо, какъ любимая ея книжка

горѣла и какѣ сбывчивыя предсказанія превратились наконецѣ въ кучку пеплу.

II.

Воробьи.

Фединька гулялъ съ своими братьями въ саду. Садовникѣ захопѣлъ сдѣлать услугу дѣшьямѣ своего господина, поималъ нѣсколько воробьевѣ и принесѣ къ нимѣ. Фединька взялъ маленькихѣ пшичекѣ и прыгалъ съ ними отъ радости. Онѣ побѣжалъ домой, досталъ длинную нитку, привязалъ ея за ножку одного воробья, другихѣ роздалъ своимѣ братьямѣ, и бѣгалъ по саду съ радостнымѣ крикомѣ; а бѣдной воробьи лѣшалъ за нимѣ на ниткѣ. — Отецѣ Фединькинѣ, пришедши въ садѣ, увидѣлъ это, схватилъ Фединьку за ухо и началъ таскать за собою.

Фединька началъ кричать и просилъ отца своего со слезами, чшобѣ онѣ его отпустилъ.

Отецѣ. Развѣ тебѣ больно?

Фединька Ахѣ! очень больно. Сдѣлайте милость отпустите меня.

,, Нѣтъ

„Нѣтъ, сказалъ отецъ, это не правда; а мнѣ очень пріятно драшь тебя за ухо. —“ Единька кричалъ и плакалъ; но отецъ не переставалъ драшь его за ухо, смѣялся и говорилъ другимъ дѣшьямъ: „посмотрите, какъ Единька прыгаетъ. Какъ это забавно!“

Наконецъ оппустилъ онъ его и сказалъ ему: Развѣ ты думаешь, что бѣдной пшичкѣ не такъ же больно было, когда ты паскалъ ее за собою на нпшкѣ; ты могъ бы опорвать у нее ножку, либо и до смерти ее задавишь.

Единька. Проспите меня, башюшка; я вижу, что я дурно сдѣлалъ.

Отецъ. Дѣши! не должно поступать жестоко и съ неразумными живошными. Онъ также швари Божіи, какъ и мы. Кипо можешъ поступать жестоко съ такими маленькими невинными пшичками, шобъ не лучше будешъ поступать и съ своими брашьями.

Единька еще просилъ у отца прощенія. Онъ взялъ своего воробья и говорилъ ему: „Проспи меня и ты, бѣдная пшичка, и позабудь, что я поступилъ съ шобою такъ дурно. Полѣшай, куда хочешъ. Я попрошу садовника, штобъ онъ впредъ тебя же ловилъ.“ — Воробь

бѣи уаѣшелѣ. Оединькины брашья шакже опуслили своихѣ пшичекѣ, и онѣ полѣшли сѣ радосшю.

III.

Двѣ басни.

I.

Двѣ дикія козы.

Нѣкогда ввечеру двѣ дикія козы встрѣпились другѣ сѣ другомѣ вѣ одной долинь. — „Какѣ я успала!“, говорила одна изѣ нихѣ: „видишь ли шы эшу высокую гору, кошорая шакѣ круша, какѣ спѣна. Я взобралась на нее. Никшо еще до меня на эшо не опваживался. Я одна эшо сдѣлала.“

„А какую пользу получила шы онѣ шого?“спросила другая коза.

„Вѣ самомѣ дѣлѣ никакой; я не нашла шамѣ ничего, кромѣ голыхѣ камней. Но я шѣмѣ шолько довольна, что сдѣлала шакое дѣло, кошорое прежде никому не удавалось.“

„Эшо вздорѣ!“ опвѣчала другая: „напроставѣ шого я провела нынѣшний день лучше себя. И я пользовалась своею способношю взлѣзашѣ на горы; однако я

не жадничала пустаго хвасповспва, взлезла на посредственную гору и нашла шамъ довольно корму.

2.

Волкъ при смерти.

Волкъ лежалъ при смерти и разсуждалъ о помѣ, какъ онъ провелъ жизнь свою. „Правда, говорилъ онъ: „я много зла надѣлалъ, но и добра не мало. Однажды встрѣшилъ со мною ягненокъ, которой заблудился и отсталъ отъ своего стада. Я могъ бы его съѣсть; но я ничего ему не сдѣлалъ. Въ то же время слушалъ я шерпѣливо всякія ругательства отъ овцы; и великодушно простилъ ей, хотя и не имѣлъ причины собакъ бояться. „

„Эпо и я могу засвидѣтельствовать, сказала лисица. Я помню, что все эпо случилось въ то время, какъ ты давился костью, которую послѣ простосердечной журавль вышацилъ у тебя изъ горла.





ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ.

*Яко твое есть царствіе, и сила, и слава,
во вѣки. Аминь. Матѳ. гл. 6. ст. 14.*

IV.

Общежитіе.

Аншонъ, мальчикъ двѣнашцати лѣтъ имѣлъ уже глупость гордиться своимъ благородствомъ. Другихъ дѣшей, копоры были не столь знашнаго происхожденія, почиталъ онъ подлыми шварями, съ кошорыми можно ему поступать такъ, какъ ему хотѣлось, и обходился съ ними столь презрительно, что онъ, побывавши у него однажды, желали впредь никогда уже съ нимъ не видашья.

Въ одинъ день, когда онъ опмѣнно оказалъ свою гордосшь, спрашивалъ у него опецъ его: „Скажи мнѣ, Аншонъ, для чего ты такъ поступаешь?“

„И! батюшка, отвѣчалъ онъ: „какъ же мнѣ иначе обходиться съ подлыми рабятишками? Не ужь ли хопите вы, чшобъ я обходился съ ними, какъ съ равными себѣ? Это было бы для меня безчестно.“

„Развѣ ты думаешь, продолжалъ отецъ съравнодушіемъ, чшо въ шомъ состояніи, въ кошоромъ ты родился, можешь жить одинъ безъ всякой помощи отъ людей нижшаго состоянія? Развѣ не вѣришь ты, что Провидѣніе для общаго благополучія всѣхъ людей учредило разныя состоянія, богатыхъ и бѣдныхъ, знатныхъ и низкихъ, для шого, чшобъ они жили подавая другъ другу взаимную помощь? Развѣ не вѣришь, что богатые безъ бѣдныхъ, а знатные безъ низкихъ прожить не могутъ, и благоразуміе пребуешь, чшобъ мы шолько же уважали шѣхъ людей, которые ниже насъ, сколько они насъ почитаютъ?“

Аншонъ шолько былъ испорченъ, что не шолько не послушался своего отца, но еще отвѣчалъ ему на сіи слова равнодушною усмѣшкою.

„Изрядно, сказалъ отецъ: „я оставлю тебя одного. Ты не будешь имѣть никакова сообщенія съ подлыми людьми; и будешь жить одинъ въ ближней моей

деревнѣ. Я отдамъ тебѣ памѣшній домъ; управляй имъ по своей волѣ. А что бы подлые люди тебя не беспокоили, то я выгоню отсюда всѣхъ слугъ. Завтра прикажу отвезти тебя туда: „

Антонъ несказанно обрадовался тому; что онъ одинъ будетъ господиномъ въ большомъ домѣ и спанешъ управляшь имъ по своей волѣ.

На другой день отецъ приказалъ отвезти его въ деревню. Онъ прѣхалъ туда уже ввечеру, показывая по комнатамъ съ величавымъ видомъ; приказывалъ своему слугѣ; котораго отецъ съ нимъ отпустилъ; все съ гордостью, и бранилъ его почти при каждомъ словѣ. — Наступила ночь: Антонъ легъ спать; занялся прѣшными мыслями о своемъ господствѣ и заснулъ спокойно. Слуга, огорченъ будучи грубыми его поступками; ушелъ и унесъ съ собою его плащъ.

Прошур Антонъ проснулся и кошѣлъ встать. Но какъ испугался онъ; увидѣвъ, что плащъ его нѣтъ уже на томъ мѣстѣ, куда оно ввечеру положено было! Онъ началъ кричать и кликать своего слугу, но нишо ему не отвѣчалъ. Онъ вскочилъ; подбѣжалъ къ окну и кликалъ всякаго прохожаго; однако нишо на него

не смотрѣлъ, для того, чтоо всѣмъ въ деревнѣ приказано было не имѣть съ молодымъ господчикомъ никакова дѣла и даже не отвѣчать ему ни на какой вопросъ. — Аншонъ просилъ, но никто его не слушалъ; онъ бранился, но всѣ прохожіе только усмѣхались и никто не хотѣлъ его слушать. — Наступилъ полдень. Аншонъ почувствовалъ голодъ. Онъ бѣгалъ по всему дому и не могъ ничего сыскашь. Голодъ усиливался, а ушло лишь его было нѣчемъ. Аншонъ перзался досадою и плакалъ. Тогда-то узналъ онъ, сколь справедливо овецъ говорилъ ему, что никакой человѣкъ одинъ, безъ помощи другихъ, жить не можетъ.

Бѣгая по всему дому, нашелъ онъ въ углу изношенной крестьянской кафшанъ, копорой можетъ быть принадлежалъ прежде какому нибудь исполнику. Онъ весьма обрадовался своей находкѣ, по тому, что нужда гораздо уже поуменьшила его гордость. Надѣвши на себя сей кафшанъ, вознамѣрился онъ ночью ийти къ своему опцу и просить у него прощенія. Какъ скоро начало смеркаться, то онъ исполнилъ свое намѣреніе, хотя и не зналъ дороги. Оповѣдши нѣсколько встрѣтился онъ съ знакомымъ крестьяниномъ и просилъ его,

его, чшобб онб указалб, куда ему ишпи должно; однако креспьянииб не ошвчалб ему ни слова и прошелб мимо. Аншонб пришелб вб новое замбшашельсшво. Ему надлежало проходитьб чрезб большой гуспой лбсб, а ночь часб опб часу спановилась шемнбс. Страхб овладблб имб; онб началб плакашб и не зналб, чшо дблашб. Онб вошелб вб лбсб, и не смбя ишпи далбе, бросился подб кустб, вб надеждб найши поушру кого нибудб, кшо бы указалб ему дорогу, и опб усшалоспи попчасб заснулб.

Солнце взошло уже высоко, когда онб проснулся. Долго бродилб онб около лбсу, однако не могб найши никого, кшо бы указалб ему дорогу. Наконецб встрбшилса сб нимб Власб, добродушной деревенской мальчикб, кошорой часшо бывалб вб домб у его опца и часшо прешерпбвалб опб него презрбнбс. — Аншонб узналб его, бросился кб нему на шею, и говорилб: „ахб! любезной Власб, эшо ты? — Сдблай милосшь — — —“

„Кшо ты шаковб?“ ошвчалб Власб: „я себя не знаю.“

„Какб! ты не знаешб Аншона — —“

„Аншона? — Не ужь ли ты спбсшвой сынб доброва нашего барина?“

„Точно такъ, опивчалъ Аншонъ покраснѣвшись: „сдѣлай милость, опведи меня къ бапюшкѣ, я дамъ тебѣ за это все, что только ты захочешь.“

„Но какъ же ты, баринъ, сюда попался, и въ эдакомъ нарядѣ?“

„Меня обокрали и унесли мое плащье.“

„Однако въ этомъ кафшанишкѣ нельзя тебѣ показаться своему бапюшкѣ. Пойдемъ въ нашу деревню; я дамъ тебѣ праздничной мой кафшанъ —“

„Ахъ! любезной Власъ, ты меня весьма эшимъ одолжишь!“ вскричалъ Аншонъ.

„А какъ ночь наснанешъ, продолжалъ Власъ, то мы пойдемъ къ своему бапюшкѣ, такъ, чтобы никто насъ не видалъ.“

Аншонъ съ радостію принялъ сіе предложеніе, и они пошли въ деревню. Всякой, кто видѣлъ Аншона въ такомъ нарядѣ, удивлялся; иные думали, что онъ ушелъ отъ своего отца, другіе же иначе, и никто не могъ догадаться, что въ самомъ дѣлѣ это значило.

Ночью доброй Власъ привелъ благополучно молодого своего господина къ его отцу. Аншонъ кинулся въ его объятія,

просилъ у него прощенія и чистосердечно признался, что онъ прежде думалъ и поступалъ весьма дурно.

„Какъ! „ говорилъ отецъ, ты опять къ намъ пришелъ и хочешь жить съ нами вмѣстѣ? Но вспомни, съ какою холодностію ты насъ оставилъ, и подумай, должно ли бы мнѣ послѣ эпова опять тебя принять? Однако отеческое мое сердце не можешь тебя презрѣть; я буду любить тебя попрежнему, и время покажетъ достоинъ ли ты моей любви.“

„Любезной сынъ! до чего ты доходилъ! — Гордость истребила изъ твоего сердца одно изъ благороднѣйшихъ и первыхъ чедовѣческихъ чувствованій, любовь къ общежитію. — Подумай, сынъ мой! каково было бы въ свѣтѣ безъ этой любви? Она только связываетъ людей между собою, и одна только она утверждаетъ ихъ благополучіе. — Скажи, что бы съ тобою было, если бы твои родители думали такъ же, какъ ты думалъ? Не погибъ ли бы ты еще въ первые дни своей жизни? — Какъ же могъ ты быть столько неблагодаренъ, что забылъ все это и далъ въ сердцѣ своемъ мѣсто глупой гордости? —“

„Нещастенъ былъ бы свѣтъ, если-
ли бѣ въ немъ жили только богатые люди,
и я увѣренъ, что гораздо бы лучше бы-
ло, еслили бѣ все люди были бѣдны.
Бѣдные спали бы помогать другъ другу,
имѣли бы сообщеніе между собою, и чрезъ
то поправляли бы свое состояніе. На-
прошивъ того между богатыми никто бы
не захошѣлъ служить другому; всякой
бы думалъ, что богатство дѣлаешь его
независимымъ. Къ общему несчастію не
было бы тогда никакова порядка, и ни-
какой общественной связи. — И такъ,
сынъ мой, уважай всякова человѣка, какъ
человѣка, каковъ бы онъ ни былъ, бо-
гатъ или бѣденъ, знатенъ или низокъ.
Все мы швари одного Бога, котораго по
Его премудрости и милосердію раздѣлены
на разные состоянія для общаго благо-
получія. Снизхожденіе и ласка сдѣлающъ
тебя гораздо щастливѣе — „

Аншонъ бросился на шею къ своему
отцу и увѣрялъ его, что онъ исправился.
Въ самомъ дѣлѣ съ того времени пере-
мѣнилъ онъ прежнія свои мысли и по-
ступки; уважалъ всехъ людей; почиталъ
всякаго за брата своего, которой вмѣстѣ
съ нимъ опредѣленъ трудиться для обща-
го благополучія; и чрезъ то сдѣлался онъ
солько

столько же любимымъ, сколько прежде былъ ненавидимъ. Онъ далъ изрядное награжденіе Власу и никогда не забывалъ его услуги.

V.

Крестьянское состояніе.

Памфилъ, старой крестьянинъ, имѣлъ нужду до Фединькина опца. Пришедши въ его домъ, встрѣтился онъ съ Фединькою, которой спросилъ у него, за чѣмъ онъ пришелъ. Памфилъ отвѣчалъ ему, что онъ имѣетъ нужду поговорить съ его опцомъ. Фединька пошелъ напередъ къ опцу и сказалъ ему объ этомъ. — „Для чего жь ты пошчасъ не впустилъ его ко мнѣ?“, спросилъ отецъ. — „И! бапюшка, отвѣчалъ Фединька, онъ простой мужикъ“, — Отецъ не заспавилъ спараго Памфила долго ждаль, позвалъ его пошчасъ къ себѣ, обошелся съ нимъ ласково, и переговорилъ, о чемъ надобно было; послѣ чего крестьянинъ ушелъ домой.

Когда сѣли обѣдать, то отецъ приказалъ подать себѣ хлѣбъ и раздѣлилъ

его такъ, что Ѳединькѣ ничего не до-
спалось.

„Башюшка! у меня хлѣба нѣтъ,
сказалъ Ѳединька.

Отецъ. Ты долженъ сегодня безъ
хлѣба обѣдать.

Ѳединька. А для чего?

Отецъ. У насъ не оспалось уже хлѣ-
ба. Старой Памфилъ не привезъ муки,
и для того хлѣба испечь было не изъ
него.

Ѳединька. Развѣ мы отъ стараго Пам-
фила хлѣбъ получаемъ?

Отецъ. Конечно; кто же пахетъ
землю, сѣетъ, жнетъ и молошитъ рожь,
изъ которой мы хлѣбъ дѣлаемъ?

Ѳединька. Это все крестьяне дѣла-
ютъ.

Отецъ. Ну, если бѣ крестьяне не
захотѣли этова дѣлать; что бы съ нами
тогда было? Намъ надобно бы было са-
мымъ приняться за ихъ работу, или шер-
пѣть голодѣ. Добрые эти люди живутъ
въ бѣдности и отправляютъ тяжкую ра-
боту, для того, чтобъ мы спокойно пи-
тали ихъ трудами.

Ѳединька. Ахъ! башюшка, я посту-
пилъ сегодня съ старымъ Памфиломъ
очень презрительно; простице меня въ
этомъ.

Отецъ

Отецъ. Я хотѣлъ только показать тебѣ, сколько дурно ты поступилъ. Кто презираетъ крестьянина, тотъ недостойнъ питаться хлѣбомъ. Но мнѣ очень пріятно, что ты одумался; я дамъ тебѣ и тебѣ хлѣба.

Послѣ обѣда отецъ взялъ Оединьку съ собою на поле. Это было во время жатвы. Оединька съ удивленіемъ смотрѣлъ на жнецовъ, которые работали на солнечномъ жару, и были при томъ веселы, хотя работа ихъ была очень трудна. — Увидѣвши спараго Памфила, подбѣжалъ онъ къ нему, взялъ его за руку и говорилъ ему: „прости меня, другъ мой, въ томъ, что я сегодня дурно съ тобою поступилъ.“ — „Для меня все равно, какъ бы ты со мной ни поступилъ, оправчалъ шарикъ: „но для себя же лучше, что ты спалъ поумнѣе.“

Отецъ часто показывалъ Оединькѣ крестьянскіе труды. Онъ узналъ, сколько полезны сіи люди и научился уважать ихъ состояніе.

VI.

*Разговоръ о согласіи между
братьями.*

Херекратъ и Херефонъ, два брата, жили несогласно другъ съ другомъ. Сократу, доброму ихъ приятелю, было эшо весьма непріятно, какъ по шому, что что онъ обоихъ ихъ любилъ, шакъ и по шому, что вообще очень дурно, когда братья живутъ несогласно. Нѣкогда пришелъ онъ ко младшему изъ нихъ и имѣлъ съ нимъ слѣдующій разговоръ.

Сократъ. Скажи мнѣ, Херекратъ, почишаешь ли ты за шастіе имѣшь брата? Или ты равно думаешь какъ о братѣ, шакъ и о чужомъ человѣкѣ?

Херекратъ. Конечно, Сократъ, я почишаю за великое шастіе имѣшь шаква брата, каковы братья бышь должны. Но ешьли братъ мой не исполняетъ своей должности, то и я по справедливости не обязанъ о немъ заботишься.

Сократъ. Со всѣми ли братъ швой шакъ поступаетъ, какъ съ побою? или спарается онъ кому нибудь угождать?

Херекратъ. Эшо-шо мнѣ и досадно, что онъ другимъ спарается угождать, а
мнѣ

мнѣ никогда не дѣлаетъ никакова удовольствія.

Сократъ. Видно, что вы не умѣете обходиться другъ съ другомъ.

Херекратъ. Какъ можешь ты это сказать, Сократъ? Ты знаешь, что я опшвѣчаю учшиво всякому, кто со мною учшиво говоритъ начинаешъ, и шому, кто мнѣ дѣлаетъ добро, стараюсь оказывать благодарность взаимными услугами. А кто старается шолько меня обижать, съ шѣмъ не могу я ни учшиво говорить, ни услуживать ему.

Сократъ. Я удивляюсь швоимъ словамъ. — Скажи мнѣ, Херекратъ, какъ бы ты поступилъ, ешьли бы захопѣлъ obligationъ кого нибудь изъ своихъ знакомыхъ стараться о швоихъ дѣлахъ, когда бы тебѣ надобно было оплучиться опсюда?

Херекратъ. Я постарался бы оказать ему эту же самую услугу.

Сократъ. Что бы ты сдѣлалъ, ешьли бы захопѣлъ хорошо бышь приняшь какимъ нибудь чужеспранцомъ, когда бы тебѣ случилось прѣѣхать въ его городъ?

Херекратъ. Я угостилъ бы его у себя, когда бы ему здѣсь бышь случилось.

Сократъ. И такъ ты довольно знаешь искусство обяыывать людей дѣлать тебѣ услуги. Что жъ препяшшвуетъ тебѣ

тебѣ упопробить это искусство и въ обхожденіи съ своимъ братомъ. Не думаешь ли ты, что для тебя безчестно предупредить его въ угожденіи? Развѣ не знаешь ты, что все почитающъ того похвалы достойнымъ, кто предупреждаетъ другихъ въ добрыхъ дѣлахъ? — Я далъ бы эшошъ же самой совѣщъ брату своему; естли бѣ почиталъ его способнѣ тебя подать примѣръ; но я думаю, что тебѣ гораздо пристойнѣ начать ему угождать:

Херекратъ. Онъ старшій братъ; а весь свѣтъ согласенъ въ томъ, что старшіе должны во всемъ подавать примѣръ младшимъ.

Сократъ. Ты правду говоришь; но также весь свѣтъ согласенъ и въ томъ, что старшіе братья во всемъ имѣющъ преимущество предъ младшими и заслуживающъ отъ нихъ почтеніе. И такъ не медли, другъ мой, и постарайся снискашь дружбу своего брата. Я знаю; что онъ будешъ отвѣчать тебѣ такимъ же спараніемъ. Подлова человѣка не иначе можно привлечь къ себѣ; какъ только подарками; но такова великодушнаго и добраго человѣка, каковъ свой братъ, легко можно склонить дружескимъ обхожденіемъ.

Херекратъ. Но естли я это сдѣлаю, а онъ не перемѣнитъ своихъ поступокъ?

Сократъ. Это не сдѣлаешь тебѣ никакова вреда. Тогда окажется только, что ты доброй человѣкъ, а онъ дурной человѣкъ, недостойной бытъ твоимъ брешомъ. Но я эшева не опасуюсь и думаю, что онъ постарается еще превзойти тебя въ великодушїи, какъ скоро примѣшишь, что ты хочешь жить съ нимъ согласно. — Богъ опредѣлилъ васъ къ тому, чтобъ вы другъ другу приносили взаимную пользу; а вы удаляетесь другъ отъ друга и сами себя лишаете этой пользы. Не безумно ли обращать во вредъ себѣ то, что опредѣлено къ нашему благополучію?

VII.

Аискдотъ.

Пріоръ, одинъ изъ лучшихъ Англійскихъ спикопворцовъ имѣлъ дарованіе говорить весьма легко. Но онъ злоупотреблялъ сіе дарованіе и будучи со своими прїятелями говорилъ безпрестанно, не допуская другихъ ни слова выговорить. Докшоръ Свифтъ, также славной писатель

шель и другъ Пріоровъ далъ ему нѣкогда почувствовать сію непристойность слѣдующимъ образомъ: Когда Пріоръ по своему обыкновенію заговорился и всѣ другіе долго уже молчали, то Свифтъ сѣлъ въ уголъ и жался, шакъ, какъ бы въ комнатѣ было шѣсно. Нѣкто спросилъ у него о причинѣ, для чего онъ это дѣлаетъ? Онъ отвѣчалъ: „Пріоръ занялъ здѣсь все мѣсто, такъ, что другимъ и поворотиться не можно.“

При семъ случаѣ Свифтъ разсказалъ свое правило, которое онъ наблюдалъ въ разговорахъ и которое по спрєведливости всякому наблюдать надлежитъ. „Я почишаю разговоръ, говорилъ онъ, шакимъ капишломъ, въ которомъ всякой имѣетъ участіе; и по шому я никогда не говорю долго, но часто ошанавливаюсь, чшобы дать и другимъ время сказать свои мысли; ешълижъ никшо другой говоритъ не начнешъ, то уже получаю право епашъ продолжать разговоръ.“





ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ.

Аще бо отпущаете чловѣкомъ согрѣшенія ихъ, отпуститъ и вамъ Отецъ вашъ небесный: аще ли не отпущаете чловѣкомъ согрѣшенія ихъ, ни Отецъ вашъ отпуститъ вамъ согрѣшеній вашихъ. Матѣ. гл. 6. ст. 14 и 15.

VIII.

Богатое наслѣдство.

Добромысль торговалъ шрипцать лѣтъ въ Индіи, и по томъ возвратился въ свое отечество съ великимъ богатствомъ. По пріѣздѣ первое его стараніе было найти одного купца, которой издавна былъ его другомъ. — „Другъ мой!“, говорилъ онъ ему: „у меня нѣтъ дѣшей и ближнихъ родственниковъ; а Богъ благословилъ меня довольнымъ достаткомъ, такъ, что я могу сдѣлать богатымъ, кого захочу. Я намѣренъ раздѣлить свое имѣніе съ тѣмъ изъ моихъ родственниковъ,

Часть IV. № 42 Ж ж ковъ,

кѣвѣ, которой больше другихъ заслуживаетъ быть богатымъ. Пожалуй помоги мнѣ найти шакова челоуѣка. „ — „ Я не знаю никого изъ швоей родни, ошвѣчалъ другъ его, кромѣ двухъ дочерей двоюроднаго швоего брата, которыя живутъ вѣ здѣшнемъ городѣ. Онѣ обѣ имѣютъ изрядной досташекѣ, но весьма различныхъ свойствѣ. Старшая изъ нихъ, *Скопидома*, живетъ уединенно, ни кѣ кому не ѣздитъ, держитъ у себя вѣ домѣ одну только служанку, и не знаетъ никакова инова удовольствія, какъ только перецѣпывать свои деньги, которыя она рачительно копитъ и запираетъ. Напрощивъ шого сестра ея *Тщеслава* живетъ пышно, но при шомѣ любитъ дѣлать добро бѣднымъ. Всякую недѣлю вѣ назначенной день собираются у воротъ ея нѣсколько нищихъ, которымъ она раздаетъ милосшыню. „ — „ Это не дурно, сказалъ *Добромысль*, хотя я и не люблю тщеславія. Но *Скопидомы* не хочу я и видѣть; я ненавижу шакихъ скрягѣ. „ — На другой день поѣхалъ онѣ кѣ *Тщеславѣ*, которая приняла его весьма хорошо и довольно ему понравилась.

Скопидомина служанка имѣла брата, которой служилъ вѣ домѣ *Добромыслова*

Друга,

друга. Онъ слышалъ, какъ *Добромысль* говорилъ, что онъ не хочетъ видѣть скупой своей рождественницы; пошелъ въ шопъ же вечеръ къ своей сестрѣ и пересказалъ ей все, что слышалъ. — „Госпожа швоя, говорилъ онъ, не умѣешь пользоваться богашствомъ, и для того *Добромысль* не дастъ ей ни полушки. Она это и заслуживаетъ. — *Скопидома*, будучи недо-вѣрчива, подкралась не цыпочкажъ ко дверямъ своей служанки, какъ скоро услышала въ ея комнашѣ незнакомой голосъ, подслушала весь эпшпъ разговоръ и не проронила ни одного слова. Представяше ея досаду, когда она услышала такую неприяшную новосшь. Богашство, которое копила она съ великимъ раченіемъ, казалось ей ничего не значащею малосшью въ сравненіи съ шѣми сокровищами, которыя рождественникъ ея вывезъ изъ Индіи. — „Что мнѣ дѣлать?“, думала она; „какъ прійти къ нему въ милосшь. Онъ любитъ только шѣхъ, которые дѣлають добро бѣднымъ. Не уже ли и мнѣ должно такъ же посшунать? Ахъ! это шрудно. Но какъ же бышь? нѣшъ инова способа. — *Скопидома* разсуждала долго сама съ собою, не зная на что рѣшишь-ся. Наконецъ вознамѣрилась она посѣ-

Ж ж а

шпль

шипъ *Тщеславу*, вѣ надеждѣ найши у нее богашаго своего родственика. Она вѣ самомѣ дѣлѣ нашла его у своей сеспры, спаралась ласкою войши кѣ нему вѣ дружбу, и весьма учшиво выговаривала ему за шо, что онѣ ее не посѣшилѣ. — „Конечно, говорила она, вы не знали, что у васѣ есть здѣсь еще родственица, кромѣ сеспры моей.“ — Я эшо зналѣ, опвѣчалѣ *Добромыслѣ*, что вы моя родственица; но зналѣ шакже и шо, что мой нравѣ очень сѣ вашимѣ несогласенѣ. Говоряшѣ, что вы любите собирать деньги, для шого шолько, чшобѣ ихѣ беречь и перещипывать; а я для шого собиралѣ деньги, чшобѣ употребляшѣ ихѣ сѣ пользою.“ — „Эшо правда, сказала *Скопидома*, что я по смерти моего мужа жила не пышно, и за эшо называюшѣ меня скупою. Но вы знаете, какѣ люди несправедливо судяшѣ. Я жила бережливо и накопила нѣсколько денегѣ для шого шолько, чшобы опдать ихѣ на содержаніе здѣшней больницы. Вы эшо узнаете; я зашпра же ихѣ опвезу.“ — *Добромыслѣ* не мало удивился, услышавѣ сіе. „Возможно ли?“, вскричалѣ онѣ: „какѣ люди несправедливы! Я думалѣ, что скупѣе васѣ нѣтъ на свѣшѣ; а вы шолько добродѣшель-

шельны, что лишаешься всѣхъ пріятно-
стей въ жизни и подвергаете себя зло-
рѣчію, для того, чтобы прійти въ со-
стояніе юмогашъ несчастнымъ. Теперь
я столько же васъ почишаю, сколько за
часъ презиралъ. Исполните великодушное
свое намѣреніе. И я послѣдую вашему
примѣру. Завтра поштру я къ вамъ за-
ѣду, и мы вмѣстѣ отвеземъ наши деньги
въ больницу.

Скопидома возвратилась домой внѣ
себя отъ радости; она ни мало не сомнѣ-
валась, что богатой ея родспвенникъ раз-
дѣлилъ съ нею свое имѣніе. Онъ сдержалъ
свое слово, и на другой день поштру за-
ѣхалъ къ ней, чтобы вмѣстѣ съ нею
отвезти изрядную сумму на содержаніе
больницы.

„Я весьма обманулся въ свойствѣ
Скопидомы, говорилъ *Добромысль* своему
другу: „какая благородная душа! Я пред-
почту ее *Тщеславѣ* и сдѣлаю ее бога-
шою. „ —

Между шѣмъ доложили *Добромыслу*,
что старой слуга двоюроднаго его брата
проситъ, чтобы его къ нему допустили.
„Онъ конечно имѣетъ нужду до меня“,
сказалъ *Добромысль*: „впустише его. „

Ввели къ нему старика лѣтъ шестидесяти.

„Что тебѣ надобно, другъ мой?“, спросилъ *Добромысль*.

Старикъ. Государь мой! я бѣдной человѣкъ; а о васъ всѣ говорятъ, что вы великодушны и щедры. Я служилъ дватцать лѣтъ двоюродному вашему брату. По смерти его женился я и началъ торговать мелочными товарами. Но при года тому назадъ, домъ, въ которомъ я жилъ, сгорѣлъ; я лишился всѣхъ моихъ товаровъ и остался безъ пропитанія съ женою и двумя дѣтьми. Теперь пришелъ я просить васъ, чибѣ вы мнѣ помогли и отдали сына моего выучиться какому нибудь ремеслу.

Добромысль. Но для чего не просилъ ты помощи у моихъ родственницъ, *Скопидомы* и *Тщеславы*.

Старикъ. Я это сдѣлалъ, государь мой, но безъ всякаго успѣха. Госпожа *Скопидома* прямо мнѣ отказала; а сестра ея хотѣла помочь мнѣ, но съ какимъ условіемъ, чибѣ я пришелъ къ ней вмѣстѣ съ другими бѣдными, которымъ она въ назначенные дни раздаетъ милосыню у своихъ воротъ. Однако я не могъ рѣшиться просить милосыни въ этомъ домѣ,

мѣ, вѣ которомѣ я дваццашь лѣтъ вѣрно служилѣ, и нанялся опишь вѣ службу.

Добромыслѣ. Гдѣ жь шеперь швои дѣши?

Старикѣ. Племянница ваша *Софія* взяла кѣ себѣ мою дочь и воспипала ее. Добрая эша дѣвица сама бѣдна, однакожь находипѣ случаи дѣлашь добро людямѣ.

Добромыслѣ. Чшо ты говоришь? У меня естѣ бѣдная племянница, кошорой я не знаю? Кшо жь она, и по чему называешь ты ее моею племянницею?

Старикѣ. Она родная сеспра госпожь *Скопидомы* и *Тщеславы*, прешія дочь двоюроднаго вашего брата.

Добромыслѣ. Возможно ли эшо? Сеспры ея не сказали мнѣ о ней ни слова. — Гдѣ жь она живешѣ, и опѣ чего она такѣ бѣдна?

Старикѣ. По смерти опца своего ввѣрила она большую часть своего имѣнія одному купцу, кошорой послѣ сдѣлался банкротомѣ. Она продала свой домѣ, кошорой одинѣ только у нее и оставался, и живешѣ шеперь вѣ деревнѣ у своей прятельницы. Большую часть времени употребляетѣ она на шитье плашьа для нищихѣ и на ученье трехѣ бѣдныхѣ дѣвучекѣ, кошорыхѣ она воспипываетѣ. Она



посѣщаетъ больныхъ въ деревнѣ и спарается помогать имъ добрыми совѣтами.

Добромысль. Другъ мой! прійди ко мнѣ завтра поушру, и поѣдемъ въ деревню къ моей племянницѣ. Не заботься о своемъ сынѣ; я постараюсь какъ о немъ, такъ и о тебѣ, чтобъ ты провелъ остатокъ своей жизни спокойно.

Старикъ ушелъ, благодаря Бога и благословляя *Добромысла* и *Софію*.

На другой день *Добромысль* пріѣхалъ въ деревню къ мужу *Софійной* пріятельницы и спрашивалъ у него о своей племянницѣ. — „Ахъ! государь мой, ошвѣчалъ онъ, вы весьма щасливы тѣмъ, что имѣете такую родственницу. Иная будучи на ея мѣстѣ почитала бы себя весьма несчастною; но она и нынѣ также спокойна и весела, какъ и прежде, когда она была еще богата. Она добродѣтельна, и добродѣтель дѣлаетъ ее щасливою. — „Я прошу васъ, говорилъ *Добромысль*, сказать ей, что я родственникъ ея и неперпѣливо желаю съ нею познакомиться.

Софія приняла своего родственника съ обыкновенною учтивостію и пріятностію. Поговоривши съ нею нѣсколько, сказалъ онъ: „Любезная племянница! вы нар-

нравилась мнѣ гораздо болѣе *Тщеславы* со всею ея пышностью. Вы бѣдны; однако я вижу, что вы гораздо веселѣе и довольнѣе *Скопидомы*. — Но для чего сестры ваши ничего мнѣ о васъ не сказали? Развѣ вы ссорились съ ними? Или онѣ не знаютъ, гдѣ вы живете?

„Я люблю моихъ сестеръ, отвѣчала *Сѳія*, и часто пишу къ нимъ письма. Можеть быть онѣ не вспомнили обо мнѣ при первомъ съ вами свиданіи, но послѣ позракомили бы васъ со мною.“

„Подлая души!“, вскричалъ *Добромысль*. „Такая забывчивость совсѣмъ непрощительна. — Нѣтъ! онѣ не позабыли о васъ, но чувствовали, что вы гораздо ихъ лучше, и для того желали чтобъ я васъ не узналъ. Онѣ хотѣли однѣ быть участницами въ моемъ богатствѣ, которое вывезъ я изъ Индіи. Но онѣ обманулись и ничего отъ меня не получаютъ. *Тщеслава* дѣлаетъ добро для того только, чтобъ люди эшо видѣли и ее хвалили; а *Скопидома* благодѣтельна изъ корыстолюбія. Обѣ онѣ не хотѣли подать помощи старому слугѣ отца своего. Съ того времени, какъ я эшо услышалъ, *Скопидомина* щедрость не кажется уже мнѣ добрымъ дѣломъ. Я примѣчаю,

что она хочетъ только показаться мнѣ благодѣтельной и выманить мое богатство. Напротивъ того вы дѣлаете добро по справедливости и по любви къ несчастнымъ людямъ. Я намѣренъ сдѣлать васъ наследницею всего моего имѣнія; и съ нынѣшняго дня можете вы управлять имъ такъ, какъ своимъ собственнымъ. Я знаю, что вамъ не нужно быть богатою для себя; вы и безъ богатства щасливы; но благополучіе другихъ пребудетъ того, чтобы вы были богаты.

IX.

Ардашъ и Рицца. Восточная повесть.

За нѣсколько вѣковъ предъ симъ царствовалъ въ Щасливой Аравіи Государь, по имени Алманъ. Онъ цекся о благополучіи своихъ подданныхъ и шрудился для нихъ; а подданные его жершвовали ему любовію и жизнию. Жарчайшую благодарность приносилъ онъ небесамъ за то, что онъ даровали ему двухъ сыновъ. Ардашъ и Рицца (такъ назывались дѣти Алмановы) пришли въ юношеской возрастѣ, и были совершенно равны другъ другу.

другу какъ добродѣтелями и знаніями, шакъ и красошою. Алманъ приближался уже къ смерти и не зналъ, кого надежало ему оставишь послѣ себя наслѣдникомъ, Ардаша или Рицу. Оба они равно были достойны щаспія бышь опцами добраго народа; однако жь обоимъ имъ царствовашь было невозможно. — „Опправьшесь, сказалъ имъ опецъ ихъ, опправьшесь пупешествовашь и ищите мудроспи у всѣхъ чужеспранныхъ мудрецовъ. Кто изъ васъ мудрѣе возврашися, шопъ и будещъ моимъ наслѣдникомъ. „ — Ардашъ и Рица опправились вѣ пупешествіе.

Рица прибылъ вѣ долину, окруженную высокими горами. Тамо вѣ пещерѣ жилъ славной пуспынникъ Сахмушъ. Мудрой Сахмушъ жилъ уже шришцашь лѣшъ вѣ спрогомъ уединеніи, можешъ бышь для шого, что не было шакова человекъ, кошорой бы заслуживалъ пользоваться его примѣромъ и обхожденіемъ. Какъ радовался молодой принцъ своему щаспію, нашедши споль великаго учишеля! Онъ вошелъ къ Сахмушу, и мудрецъ благоклонно принялъ его вѣ свои ученики. Рица научился опъ него знашь людей, не обращаясь съ людьми, узналъ порядокъ звѣздъ, спроеніе земли и исторію
рода

рода человѣческаго, короче сказать, научился всей мудрости, какой только можно было тогда научиться. — „Кто хочетъ быть мудрымъ, говорилъ Сахмушъ, тотъ долженъ убѣгать отъ людей, для того, что глупости и пороки ихъ прилипчивы. Въ разсѣніяхъ обществъ душа не можетъ собираться и приводить себя къ совершенству; одно только простое уединеніе укрощаетъ несчастливую спрости. „ — Что жь послѣдовало? Ричца не научился людскимъ глупостямъ, но также не научился и радоваться счастью другихъ. Мудрость его была глубокомысленная наука и равнодушіе ко всемъ людямъ. Онъ привыкъ довольствоваться только самимъ собою.

Напротивъ того Ардашъ едва выѣхалъ за границу, то пересталъ называться принцомъ. Онъ путешествовалъ далеко, обращался съ людьми всякаго сословія и научился брать участіе въ радости и печали другихъ людей. „Благоразумная веселость, думалъ онъ, есть духъ добродѣтели. Кто въ своей жизни болѣе людей сдѣлалъ счастливыми, тотъ былъ истинной мудрецъ. Къ этой цѣли ведетъ насъ благоразумная веселость, которая облегчаетъ наши несчастія и дѣлаетъ насъ

насѣ пріяшными. Чшобы дѣлать людей щасливыми, надобно ихѣ знанье; а чшобы знать людей, для эпова надобно съ ними жить. „ — Ардашѣ проѣзжалѣ чрезѣ многія земли, жилѣ во многихѣ городахѣ, и не оставяялѣ ни одного мѣста не заслуживши благодарности отѣ нещасныхѣ.

Чрезѣ пять лѣшѣ оба принца, услышавѣ, чшо отецѣ ихѣ лежшѣ при смерти, возвратились вѣ свою землю. Алманѣ благословилѣ ихѣ обоихѣ, благодаршельнаго Ардаша и глубокомысленнаго Рицу. — „ Ардашѣ, сказалѣ онѣ долженѣ бышѣ моимѣ наслѣдникомѣ; онѣ будетѣ находить удовольствіе вѣ благополучіи своего народа. Знаніе безѣ употребленія подобно мечу, кошораго никогда изѣ ноженѣ не вынимаютѣ, или сокровищу зарышому вѣ землю. „

Алманѣ умерѣ. Благодаршельной Ардашѣ заступилѣ его мѣсто и спарался о шомѣ, чшобѣ его владѣніе по справедливости называлось *Щастливою Аравією*.

X.

Дикой Американецъ.

Одинъ Европейецъ, жившій долго въ Америкѣ между дикими народами, рассказывалъ слѣдующую повѣсть: „Нѣкогда ввечеру прогуливаясь съ моими домашними, услышалъ я въ лѣсу жалоспной голосъ. Мы пошли шуда, ошкуда голосъ былъ слышенъ, и увидѣли дикаго спарика, кошорой лежалъ подъ деревомъ, обезсилъвъ опъ успалоспи, и ожидалъ смерпи. Не вдругъ могли мы заспавить его говорить съ нами. Наконецъ сказалъ онъ: „Ахъ! я пошелъ сегодня поушру еще пре-
 „жде, нежели солнце взошло, и надѣялся
 „прійти домой. Но я заблудился, шелъ
 „далеко и такъ усшалъ, что не могу
 „уже ишпи далѣе. Ночь уже наспу-
 „паешъ, а я долженъ здѣсь оспашься.
 „Здѣсь сожрутъ меня змѣи или звѣри,
 „либо непріятели мои убьютъ меня. „

„Мы сжалились надъ симъ дикимъ,
 и я просилъ его, чтобъ онъ пошелъ съ
 нами въ нашъ шалашъ. „

„Но ты меня не знаешь, сказалъ
 онъ. „

„Мнѣ нѣтъ нужды знать себя, ошвѣ-
 чалъ я: „пойдемъ только съ нами. „

Мнѣ

„ Мы привели его въ мой шалашъ. Накормивши его , приготовилъ я ему постелю , кошорая опдѣлялась опъ моей постели однимъ шолько занавѣсомъ , и онъ легъ спать. „

„ Въ полночь услышалъ я шумъ и примѣтилъ , что дикой вспалъ со своей постели. Я испугался , думая , что онъ хочешъ меня убить , либо обокрасъ. Но какъ несправедливъ былъ мой спрахъ ! Я никогда эпова не забуду. Онъ смалъ на колѣни и молился шакимъ образомъ :

„ Боже ! благодарю Тебя за шо , что
 „ солнце Твое свѣшило мнѣ , когда я
 „ шелъ , что змѣя меня не ужалила ,
 „ люшые звѣри на меня не напали , и
 „ что я не вспрѣшился съ моими непріятелями. Благодарю Тебя за шо , что
 „ Ты послалъ ко мнѣ эпова доброва ино-
 „ спранца , кошорой привелъ меня въ свой
 „ шалашъ. О Боже ! когда этому ино-
 „ спранцу , или дѣшямъ его , либо друзь-
 „ ямъ , случится бышь въ дорогѣ , шо дай
 „ имъ хорошую погоду , сохрани ихъ опъ
 „ змѣй , опъ люшыхъ звѣрей и опъ ихъ
 „ непріятелей ; а ешъли кто нибудь изъ
 „ нихъ заблудится , шо пошли къ нему
 „ шакова же добраго челоувка , кошорой
 „ принялъ бы его въ свой шалашъ. „

„ Такъ

„ Такъ молился дикой ; я же соединилъ
 „ мою молишву съ его молишвою , и гово-
 „ рилъ : „ О Боже ! дай мнѣ въ раю Тво-
 „ емъ мѣсто подлѣ эпова дикаго. „

XII.

Ксенофонъ и Сократъ.

Молодой Канофонъ вспрѣпился съ Сократомъ въ нѣкоторомъ шѣсномъ переулкѣ. Пріятное и много обещающее лицо его обратило на него вниманіе сего философа. Онъ остановилъ его и спрашивалъ о нѣкоторыхъ вещахъ , гдѣ онъ продающся ?

Ксенофонъ отвѣтствовалъ на всѣ вопросы весьма изрядно.

„ Но знаешь ли ты , спросилъ Сократъ , гдѣ молодые люди учатся бытъ добрыми ?

„ Не знаю , отвѣчалъ юноша ,

„ Пойдемъ же со мною , сказалъ Сократъ : „ я тебѣ покажу. „

Съ шого времени Ксенофонъ началъ учиться у Сократа и послѣ сдѣлался самъ славнымъ человѣкомъ.





ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ.

Егда же поститесь, не будьте яко желицемъри сѣтующе, помрачаютъ бо лица своя, яко да явятся челоувкомъ постящеся. Аминь глаголю вамъ: яко воспріемлютъ мзду свою. Маше. гл. б. сп. 16.

XLI.

Повѣсть о достойномъ примѣчанія происшествіи, случившемся на послѣднемъ Кукковомъ путешествіи около свѣта.

Мы надѣемся, что многіе изъ молодыхъ нашихъ читателей слышали о Кукѣ, славномъ мореходцѣ нашего времени, и по шому за вѣрное полагаемъ можемъ, что повѣсть объ одномъ пріизшествіи, весьма достойномъ примѣчанія, случившемся на послѣднемъ путешествіи сего великаго челоувка, всякому изъ нихъ будетъ пріятна.

Онъ нашелъ неизвѣстной прежде оспровъ, копорой назвалъ онъ Черепахинымъ оспровомъ, по шому, что на берегу

его было весьма много черепахъ. Сии живошныя служатъ для мореплавателей вкусною и здоровою пищею. Ловить ихъ весьма удобно. Извѣстно, что черепаха ползаетъ весьма шико, и по шому очень скоро можно ее догнашь; догнавши же надобно только оборотишь ее на спину, и она не можетъ уже сойти съ мѣста.

Какъ скоро корабли спали на якорь, то нѣсколько путешественниковъ и матрозовъ взошли на островъ, и въ вечеру возвратились наловивши множество черепахъ. Жителей на островъ нигдѣ они не примѣтили.

Положено было на другой день продолжать ловлю черепахъ; по чему шрое офицеровъ и двѣнадцать матрозовъ отправились къ берегу, запасшись водою и снѣсными припасами. Они пристали къ одному мысу, привязали свой ботъ и пошли пѣшкомъ къ шому мѣсту, гдѣ больше было черепахъ. Тамъ сдѣлали они въ скорости шалашъ изъ вѣтвей, чтобы прикрыть свою воду отъ солнечнаго жару, шдохнули подъ его пѣнью, и въ вечеру вышли на ловлю, раздѣлившись на двѣ шолпы и назначивши мѣсто, куда имъ на другой день пошпру должно было сойтися.

Ловля была весьма удачна. Они наловили ночью такое множество больших черепах, что могли ими наполнить весь свой борт, и поутру собрались они на назначенное место.

Но как испугались они, примѣшивъ, что двое офицеровъ съ однимъ мапрозомъ, которые въ вечеру пошли стрѣлять пшицъ, еще не возвратились и нигдѣ ихъ было не видно. Не можно было сомнѣваться, что сіи офицеры либо заблудились, либо приключилось съ ними другое какое нибудь несчастіе; и по тому вознамѣрились немедленно ихъ искать. На сей конецъ отправлены были два мапроза, одинъ Англичанинъ, по имени Тречеръ, а другой Нѣмецъ, по имени Баршель Ломанъ. Снабдили ихъ достаточною водою и съѣсными припасами, какъ для ихъ самихъ, такъ и для заблудившихся, естли они ихъ найдутъ; и по томъ съ неперпѣливостию ожидали ихъ возвращенія, но тщетно.

Дабы не оставилъ нашихъ читателей долге въ неизвѣстности о томъ, что приключилось съ помянутыми офицерами, расскажемъ сперва, для чего они не возвращались. Въ то время, какъ проче занимались ловлею черепахъ, пошли они



спрѣляшь пшицѣ, и въ шакомѣ намѣреніи зашедши далеко въ лѣсѣ, заблудились. Сколь легко можеть эпо произойти въ шакой землѣ, гдѣ можеть бышь опѣ сошворенія міра люди еще не бывали, сіе маленькіе чипашели шѣмѣ удобнѣ поймушѣ, еспли сѣ помощію своего воображенія предспавящѣ себѣ, какова должна бышь шакая земля. — И шакѣ предспавьше себѣ землю, заросшую лѣсомѣ и кустарниками, по копорой никогда еще человѣческая нога не ступала. Предспавьше, какой долженѣ шамѣ бышь густой лѣсѣ, гдѣ никогда еще ни одно дерево не было срублено. Все шамѣ покрышо деревьями, либо кустами; не можно на два шага осмошрѣшься вокругѣ себя, и чшобы пройти далѣе, шо надобно или прорубашѣ дорогу, или сѣ великимѣ шрудомѣ ползши подѣ сучьями. — Теперь предспавьше себѣ чѣловѣка, копорой при наступленіи ночи заблудился въ шакомѣ густомѣ лѣсу, и подумайше, въ какомѣ должнѣ онѣ бышь замѣшашельствѣ. На опкрышомѣ мѣспѣ можно примѣшишь, въ копорой споронѣ шо мѣспо, опкуда выйдешѣ, днемѣ по солнцу или по какимѣ нибудѣ примѣшамѣ, а ночью по мѣсяцу и по звѣздамѣ. Но въ шакой густомѣ,

спотѣ, гдѣ ошвсюду ничего; кромѣ сучьевѣ, не видно, нѣшѣ никакихѣ примѣшѣ.

Вѣ семѣ положеніи находились помянутые офицеры заблудившись и не зная, сѣ кошорой спороны вошли они вѣ лѣсу, и куда надобно имѣ было ишши, чшобы возврапиться кѣ своимѣ шоварищамѣ. Кѣ большему ихѣ спраху, распроспранился по захожденіи солнца гуспой пуманѣ и вдругѣ спало шакѣ мрачно, чшо почши ничего не можно было видѣшѣ.

Тщешно спарались они выбрапиться изѣ лѣсу и выйши на берегѣ. Они скоро примѣтили, чшо они часѣ ошѣ часу еще далѣе вѣ лѣсу заходяшѣ, и наконецѣ вознамѣрились оспашься на одномѣ мѣстѣ и провешши пушѣ ночь, вѣ надеждѣ, чшо при насшупленіи дня найдущѣ дорогу. И шакѣ сѣли они подѣ дерево и ошѣ усшалосши вскорѣ заснули весьма крѣпко.

Но сіе ошдохновеніе не долго продолжалось. Они почувшвовали великую боль и проснувшись увидѣли себя покрытыхѣ черными ядовитыми муравьями, кошорые кусали ихѣ весьма больно, ошѣ чего на укушенномѣ мѣстѣ вскакивалѣ большой пузырь. Тогда первое ихѣ спараніе было освободиться ошѣ сихѣ гадинѣ. Они раздѣлись и смели сѣ себя муравьевѣ крыльями



ми шѣхъ пшницѣ, которыхъ они заспрѣ-
лили. По шомъ опять одѣвшись, возоб-
новили они свое стараніе выйти на бе-
регъ. Но тщешно: они заходили только
часъ отъ часу далѣе въ лѣсъ.

Не могли отъ боли и усталости итти далѣе, прислонились они къ дереву и въ такомъ положеніи ожидали дня. Какъ медленно для нихъ время проходило! Всякая минута казалась имъ часомъ, а всякой часъ казался цѣлою ночью. Наконецъ показалась утренняя заря; но безнадежное ихъ состояніе еще не перемѣнилось. Хотя и разсвѣло, но свѣтъ служилъ имъ къ тому только, что они увидѣли одинъ на другомъ, какъ гадины ихъ изкусали.

Они опять пошли, не зная, приближающа ли къ берегу, или еще болѣе отъ него удаляются. Еще къ большому ихъ несчастію, земля, по которой они шли, поросла густымъ шерновникомъ, которой доспавалъ имъ до половины шѣла. Плащье ихъ скоро изорвалось въ локушки, и шерновникъ при каждомъ шагѣ кололъ голое ихъ шѣло. Ко всему этому присоединилась несносная солнечная жаръ, которой совсѣмъ истощилъ остатокъ ихъ силъ. Короче сказать, сіи несчастные подверже-
ны

ны были самой высочайшей степени спра-
данія.

Около десяти часовъ за полночь
услышали они слабой звукъ пушечнаго
выстрѣла, кошорой нарочно для нихъ съ
корабля былъ сдѣланъ; однако не могли
они разпознашь, съ кошорой стороны до-
ходилъ къ нимъ эшопъ звукъ, и шолько
по слабости его могли заключишь, что
они очень далеко отъ корабля на-
ходящся.

При всемъ томъ не впаали они въ
ошчаяніе, но продолжали пушь свой въ
ту сторону, гдѣ надѣялись найши конецъ
своего бѣдствія, прешерпывая ужасную
боль отъ колючаго шерновника и почти
совсѣмъ обезсилѣвъ отъ жару и жажды.
Наконецъ увидѣли они ошверзніе въ лѣсу
и поспѣшали къ шому мѣсту съ шакою
радостью, какую чувствуешь осужденной
на смерть человекъ, когда объявляющъ
ему прощеніе.

Въ самомъ дѣлѣ дошли они до конца
лѣсу, но спраданіе ихъ еще не кончи-
лось. Они бѣжали съ восхищеніемъ изъ
кустарника, и въ чрезмѣрной радости
позабыли о своей боли, не смотря на
то, что все шѣло у нихъ было исцарапано
и покрыто кровью. Но къ великому огор-



ченію примѣнили они, что они весьма еще далеко отъ того мыса, на которомъ оставили своихъ поварищей, и что имъ надобно было очень далеко обходить около лѣсу, дабы туда прийти.

Сіе открытіе едва не перемѣнило радость ихъ въ опчаяніе, какъ вдругъ слышали они въ лѣсу нѣчто подобное человѣческому голосу. На сей голосъ отвѣтствовано было такимъ же звукомъ, которой былъ еще слабѣе перваго. Они справедливо догадывались, что сіи голоса происходили отъ людей, которые посланы были ихъ искашь, и спарались отвѣчать имъ совокупнымъ крикомъ. Но щещно; отъ чрезмѣрной жажды едва могли они съ крайнимъ усиленіемъ произнести самой тихой голосъ.

Какъ сожалѣли они о томъ, что въ прошедшую ночь испрашили весь свой порохъ, которой тогда могъ бы послужить имъ къ тому, чтобы дать сигналъ. Во всѣхъ своихъ сумкахъ насилу могли они собрать сколько пороку, сколько надобно было для слабаго выстрѣла. Они выстрѣлили, но безъ всякаго успѣха.

Тогда почувствовали они всю тягость своего состоянія, которое стало имъ несносно. Шедши съ самаго разсвѣта

свѣща съ напряженіемъ всѣхъ своихъ силъ, утомились они и совсѣмъ обезсилѣли, а не имѣли ничего для подкрѣпленія. Хотя дорога ихъ не такъ уже была трудна, какъ прежде, но за то подвержены они были жгущему солнечному жару, копорой причинялъ нестерпимую жажду. Сіе принудило ихъ ипши на берегъ, дабы поискать чего нибудь для подкрѣпленія силъ. Къ ушѣщенію своему нашли они черепаху, копорую убивши, высосали изъ нее кровь съ великою жадностію. По томъ искали они защиты отъ солнечнаго зною въ каменной ущелинѣ, и спасительной сонѣ, копорой шамо овладѣлъ ими, доставилъ имъ сполько новыхъ силъ, сколько нужно имъ было, дабы дойти до того мѣста, гдѣ назначено было всѣмъ собраться.

Наконецъ дошедши до шалаша, къ великой печали не нашли они тамъ никого изъ людей и никакихъ сѣбствныхъ припасовъ. Однако вскорѣ увидѣли они боты, копорыя посѣщали къ нимъ на помощь. Матрозы съ оставшимся офицеромъ, копорой ими командовалъ, дожидались въ шалашѣ до тѣхъ поръ, пока не спало уже у нихъ сѣбствныхъ припасовъ, а по томъ отправились на корабль, дабы взять отшуда иовой запасъ и получить

ошѣ главнаго командира наставленіе, какѣ имѣ поступить, и тогда возвращались опять на островѣ, снабжены будучи всемѣ нужнымѣ.

Они весьма удивились, увидѣвъ прехѣ своихѣ товарищей почти совсѣмѣ нагихѣ, исцарапанныхѣ и покрытыхѣ кровью. Сіи несчастные неперпѣливо просили пить. Дали имѣ сѣ нужною оспорожносшію понемногу воды, смѣшанной сѣ румомѣ (*), и попомѣ перенесли ихѣ вѣ боши, чшобы швезши на корабль.

Прежде всего спросили они: не посланѣ ли кто нибудѣ искашь ихѣ? Когда сказали имѣ о двухѣ машрозахѣ, копорые поушру ошправлены были за ними, шо они пришли вѣ безпокойство и просили, чшобы какѣ возможно скорѣе употреблены были всѣ способы сыскашь ихѣ, для того, что весьма сомнительно было, чшобѣ они сами могли возвратишься. Вошѣ какѣ справедливо шо, что собственнымѣ опытомѣ извѣданная нужда дѣлаешѣ насѣ чувствительными кѣ несчастію другихѣ людей, и что противныя приключенія вѣ жизни суть хошя горькое, но спасительное лѣкарство, служащее кѣ умягченію нашихѣ сердецѣ! Не-

(*) Крѣпкой напитокѣ, которой дѣлаетсѣ изѣ сахарнаго шреслиннику.

Нешасные спрадальцы почувствовали немалое удовольствіе, когда общали имъ употребить все возможное стараніе о шомъ, чпобъ помочь заблудившимся мапрозамъ; они описывали посланнымъ съ симъ намъреніемъ, сколько могли обспояпельнѣе, по мѣсто вѣ лѣсу, опкуда слышали они слабые голоса, и совѣшовали имъ ипши шуда. Между шѣмъ спало уже поздно и не можно было ничего предпринять для спасенія сихъ нешасныхъ съ вѣрояпностью щаспливаго успѣха. И пакъ надлежало опложить сѣ дѣло до слѣдующаго ушра.

Двапцашъ человекъ опправлено было съ корабля искашь заблудившихся мапрозовъ. Они положили между собою ходить по разнымъ мѣстамъ, но пакъ, чпобъ могли слышать голосъ другъ друга. Такимъ образомъ надѣялись они непременно найши заблудившихся, живыхъ или мершвыхъ, и опправились вѣ шу сторону, куда офицеры имъ ипши совѣшовали.

Искавши шесть часовъ напрасно, наконецъ нечаянно нашли они Барщеля Ломана. Состояніе, вѣ которомъ они его нашли, было самое жалостное, какое только можно вообразить. Тѣло его все исцарапано было щерновникомъ, лицо пакъ

шаѣ искусане было ядовитыми муравьями, что глаза совсѣмъ заплыли и онѣ не могъ видѣть дневнаго свѣшу, а чрезмѣрная жажда ошѣ солнечнаго зноу лишила его языка.

Онѣ сдѣлалъ знакъ, чтобѣ дали ему пищу. Подали ему немного воды; но казалось, что онѣ пилъ ее безѣ всякаго чувства. Онѣ ни мало уже не чувствовалъ опасности и бѣдственнаго состоянія, вѣ которомъ онѣ находился.

По шастію бошы, на которыхъ матрозы переправлялись съ корабля, были у берега недалеко ошѣ шого мѣща; а безѣ сего бѣдной Ломанѣ конечно умерѣ бы прежде, нежели бы могли довести его до шалаша, но шому, что онѣ былѣ очень слабѣ и едва могли его съ великимъ шрудомъ довести до перваго боша.

Какѣ скоро пришелѣ онѣ вѣ состояние говоришь, по рассказывалѣ о своемъ приключеніи слѣдующее:

Онѣ и поварищѣ его, Тречерѣ, посланы будучи искашь заблудившихся офицеровѣ, вѣ первой день прошли сколько могли далѣе. Обезсилѣвѣ ошѣ шрудной ходьбы и дневнаго жару, сѣли они ошдохнуть и оба заснули; проснувшись чрезѣ нѣсколько времени, увидѣли, что уже
была

была ночь. Мысль, что они не исполнили своей должности, и страхъ отъ слѣдствій своего проступка дѣйствовали надъ ними столь сильно, что они позабыли жестокою болью отъ кусанья ядовитыхъ муравьевъ и пошли опять, сами не зная, куда идущъ. Поушру опчаялись они найши офицеровъ и начали думать только о томъ, какъ бы самимъ возвратиться на берегъ.

Шедши долго и пробираясь сколько можно скорѣе сквозь кустарникъ, примѣтили они, что они не приближаются къ тому мѣсту, гдѣ назначено было собираться, но еще далѣе отъ него уходящъ. Они весьма устали и не знали, что имъ дѣлать. Для нихъ почти все равно было, жить или умереть. Въ такомъ расположеніи сѣли они подъ дерево, чтобы сѣвше остальные свои сѣвныя припасы и чрезъ то избавиться отъ лишней тяжести. Какъ же скоро они пообедали, то опять овладѣли ими крѣпкой сонъ, такъ, что жестокое кусанье ядовитыхъ гадинъ, кошорыми они были покрыты, не могло ихъ пробудить.

Они проснулись опять уже ночью, и вставши бродили попрежнему, не зная куда идущъ, жаловались другъ другу на
без-

беспомощное свое состояніе и ошѣ времяни до времени совѣшывались, что имѣ иачашь? Многія предпріяшія приходили имѣ на умѣ, но разсмошрѣвши обстояпельнѣе, принуждены они были оставлять ихѣ. Наконецѣ вздумали они взлезть на самое высокое дерево и посмошрѣть, нѣшть ли гдѣ нибудь горы, съ кошпорой можно бы было осмошрѣть весь оспровѣ и узнать, живушть ли на немѣ люди. Сіе предпріяшіе было исполнено; взлезши на большое дерево, увидѣли они вѣ одной споронѣ довольно высокую гору; но шакже примѣшили, что пошедши шуда они еще больше отдаляшся ошѣ берега.

Тогда произошло между ими несогласіе; Тречерѣ почишалѣ за нужное ишши къ горѣ, а Ломанѣ напрошивѣ шого ушверждалѣ, что гораздо лучше постарашся выйши на берегѣ. Каждой изѣ нихѣ держался швердо своего мнѣнія и не хотѣлѣ ушступитъ другому. Напоследокѣ рѣшились они разшастъся и ишши шуда, куда каждой для себя за лучшее почишалѣ.

И шакѣ они разшастались и пошли разными дорогами. Ломанѣ шелѣ дошолѣ, пока упалѣ и лишился чувшва, и вѣ семѣ-шо состояніи былѣ онѣ найденѣ.

Тогда

Тогда посланные искашь разсуждали между собою, оставишь ли Тречера судьбѣ его, или продолжашь искашь его? Человѣколюбіе офицера, которой ими командовалъ, одержало верхъ, и онъ уговорилъ своихъ товарищей не возвращашься на корабль, пока не найдутъ они сего несчастнаго, живаго или мертваго.

И такъ опшведши Ломана въ ботъ и поручивши его лѣкарю, опправились они опять такимъ же образомъ, какъ прежде, перекликались между собою и били въ барабаны, какъ для того, чшобъ самимъ имъ не опстать другъ опъ друга, такъ и для того, чшобъ дать знакъ Тречеру, естли онъ еще живъ. Сначала всѣ они сносили съ бодростію и постоянствомъ различныя шрудности, которыми они подвергались; но чрезъ нѣсколько часовъ почувствовали усталость и принуждены были неоптѣнно опстановишься для опдохновения.

Попомъ продолжали они свое исканіе; но всѣ шруды ихъ опшавались щщешными. Въ густомъ кустарникѣ не видно было никакихъ слѣдовъ, по которымъ бы могли они примѣтити, что человѣкъ сквозь него проходилъ, хотя Тречеръ, распнаясь съ своимъ товарищемъ, и уговорился

рился съ нимъ замѣчать свою дорогу ло-
маными вѣтвями, дабы въ случаѣ нужды
удобнѣе имъ было сыскашь другъ друга.

Сіе совсѣмъ лишило ихъ бодрости,
и не многіе уже имѣли охоту продолжать
такой шягоспной шрудъ съ шоль малою
надеждою шасшливаго уснѣха. Но офи-
церъ не оставлялъ своего намѣренія. Они
вспомнили о способѣ осмашриваѣться вдаль,
кошорой выдумалъ самъ Тречеръ, и
взлезши на высокія дерева, увидѣли шу
гору, къ кошорой вѣрояшно онъ пошелъ.
Казалось, что сія гора была не далеко
отъ шого мѣста, гдѣ они опдыхали, и
что не шрудно было до нее дойти. И
такъ вознамѣрились они шопчасъ шуда
ишши. Но въ самомъ дѣлѣ эшо не шакъ
было легко, какъ сначала казалось.

*(Окончаніе сообщено будетъ въ слѣдую-
щемъ листѣ.)*





ДЪТСКОЕ ЧТЕНІЕ.

Ты же постяся, помажи главу твою, и лице твое умый: яко да не явишися челоукомъ постяся, но Отцу твоему, иже втайнѣ: и Отецъ твой видяи втайнѣ, воздастъ тебѣ явѣ. Маше. гл. б. сп. 17 и 18.

Окончаніе повѣсти о произшествіи, случившемся на послѣднемъ Куковомъ путешествіи около свѣта.

Вѣ послѣднемъ листѣ прервали мы нашу повѣсть вѣ томъ мѣстѣ, когда посланные для сысканія Тречера вознамѣрились итти къ горѣ, кошорую они сѣ деревѣ увидѣли, надѣясь, что скоро могутъ туда дойти. Но вѣ самомъ дѣлѣ это на шакъ было легко, какъ сначала казалось. Они думали, что гора уже очень близко, какъ подошли къ озеру, которое препяиштвовао имѣ итти прямо далѣе, и они при-

Часть IV. № 44. И и ну-



нуждены были обходить около его по берегу. На этомъ берегу нашли они кости, копорья по длинѣ и по составу казались Аллигаторовыми (*). Остановившись надъ сими костями и разсматривая ихъ, увидѣли они еще въ пощипанной правѣ слѣды большаго звѣря, копорой, казалось, не задолго до нихъ прошелъ по тому мѣсту.

Сие возбудило во всѣхъ любопытство. Они думали, что въ озерѣ живешъ какое нибудь чудовище, копорого надлежало имъ опасаться. Вода въ озерѣ была солоная, такъ, какъ морская; а берега его поросли пророщникомъ вышиною въ человѣка. Казалось имъ, что совсѣмъ не возможно пробраться сквозь сей пророщникъ, а на другой дорогѣ также не надѣялись они лучшаго успѣха, и по тому рѣшились оставить свое предпріятіе и возвратиться къ бошамъ.

Но какъ тогда было уже поздно, то вознамѣрились они еще дойти до одного возвышеннаго мѣста, дабы тамъ переночевать и на другой день рано въ обратную пушь отправиться. Они дошли до

того

(*) Аллигаторъ есть большее Американское животное, весьма похожее на крокодила.

шого мѣста и съ удовольствіемъ увидѣли, что далѣе земля была гораздо лучше. Прежде не встрѣчалось глазамъ ихъ ничего, кромѣ дикаго и почти непроходимаго густаго лѣсу; но когда взошли они на возвышенное мѣсто, то открылся имъ весьма прекрасной видъ.

Они расположились провести ночь въ пріятной рощицѣ, которую, казалось, сама натура опредѣлила для отдохновенія путешественникамъ. Всѣ собрались шуда, и офицеры отдали приказъ сдѣлать изъ хворосту нѣсколько шалашей, для того, чтобъ укрыться въ нихъ отъ нездоровыхъ вечернихъ паровъ. Неподалеку отъ шалашей разведенъ былъ огонь, дабы оставшимся у бошовъ людямъ подать знакъ, что опряженные для исканія Тречера не оставили еще своего предпріятія.

Поставлены были двое караульныхъ, одинъ у огня, чтобы не дать ему погаснуть, а другой у шалашей, въ которыхъ прочіе легли спать. Такимъ образомъ покоились они до полуночи. Въ полночь же всѣ они разбужены были крикомъ караульнаго, который спялъ у огня. Спешное чудовище ужасной величины напало на него и хотѣло схватить его и проглотить; но по щастію онъ отско-

И и 2

чилъ

чилъ и убѣжалъ къ шалашамъ, чтобѣ сдѣлать тревогу. Онъ увѣрялъ, что сіе чудовище было по крайней мѣрѣ вдвое больше слона.

Видѣ сего человѣка, котораго ужасъ совсѣмъ обезобразилъ, извѣстная его смѣлость въ другихъ случаяхъ, убѣдительность, съ какою увѣрялъ онъ въ истинѣ сказаннаго имъ, найденныя большія кости и примѣченные въ правѣ слѣды большаго звѣря, не допускали никого сомнѣваться въ томъ, что онъ сказалъ правду. Опасность казалась имъ великою и страшною; но за лучшее почтено было отважно ей прошивиться.

Пясть человѣкъ, самые отважнѣйшіе изъ всѣхъ, вызвались сыскашь чудовище, и въ семъ намѣреніи пошли по двое въ рядъ къ шому мѣсту, гдѣ караульной его видѣлъ. Подошедши къ огню, караульной опять увидѣлъ чудовище, и оно показалось ему еще больше, нежели прежде. Онъ поспѣшнѣе далъ знакъ ружейному масперу, копорой шелъ впереди, чтобъ онъ спалъ на колѣни и выстрѣлилъ.

По щастію, ружейной масперъ, будучи весьма отваженъ, вознамѣрился не стрѣлять до тѣхъ поръ, пока не подойдетъ очень близко къ чудовищу. И такъ онъ

онѣ смѣло пошелѣ впередѣ, и имѣя острое зрѣніе, разсмотрѣлѣ сквозѣ дымѣ и огонь, что чудовище похоже было на чловѣка. Онѣ кликалѣ его, но не получилѣ отвѣта. По томѣ подошелѣ онѣ къ нему еще ближе и — какѣ онѣ удивился, узнавши въ немѣ самаго того Тречера, котораго они столь долго понапрасну искали!

Тречерѣ ползалѣ на рукахѣ и на ногахѣ, для того что ноги его такѣ распухли, что онѣ не могѣ уже сстоять; горло у него такѣ пересохло, что онѣ не могѣ податѣ ни самаго слабаго голоса. Не лзя точно сказать, что было болѣе при сей находкѣ, радость ли, или удивленіе, или смѣхѣ.

Не теряя времени спарались они податѣ помощь сему несчастному. Одинѣ изѣ нихѣ побѣжалѣ къ шалашамѣ, чтобѣ рассказать сію новостѣ и принести ему пищу; другіе жѣ между тѣмѣ спарались сдѣлатѣ ему облегченіе, поднявши его вверхѣ.

Чрезѣ нѣсколько минутѣ окружены они были всѣми своими шоварицами; нѣкоторые неперпѣливо желали услышатѣ Тречерово приключеніе, и всѣ хотѣли помочь ему. Жалко было смотрѣть, какѣ

онѣ съ головы до ногѣ искусанѣ былѣ ядовишыми несѣкомыми, и опѣ шото все его шѣло покрышо было пузырями, копорыя причиняли ужасную боль.

Обмазали его деревяннымѣ масломѣ, послѣ чего жестокая боль нѣсколько унялась. Давали ему почасу пить чай съ водою, и опѣ шото мало по малу получилѣ онѣ опяшѣ употребленіе языка; однако прошло нѣсколько дней, прежде, нежели онѣ могѣ совершенно образумишѣся.

Какѣ скоро оспорожнымѣ спараніемѣ приведенѣ онѣ былѣ вѣ шакое соспояніе, што не можно было, опчаявашѣся о его жизни, шо опнесли его вѣ шалашѣ и положили на пошелю. Тогда надлежало имѣ думать, какѣ бы перенести его вѣ шполь слабомѣ соспояніи на корабль чрезѣ двѣнашцать Англійскихѣ миль по шакому лѣсу, сквозь которой и одному здоровому ходоку шрудно было пробирашѣся.

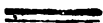
Но для шакихѣ людей, которые привыкли кѣ шрудамѣ и одушевляемы горячимѣ человѣколюбіемѣ, нѣшѣ ничего невозможнаго, когда дѣло касается до вспоможенія нещасшному. Одинѣ изѣ машрозовѣ вспомнилѣ, што онѣ будучи еще вѣ школѣ дѣлалѣ со своими шоварищами носилки изѣ сучьевѣ, и думалѣ, што и шогда

тогда еще удастся ему сдѣлать изъ гибкихъ вѣшвей шакія носилки. Онъ поспѣшно принялся за дѣло, и опытъ его имѣлъ доброй успѣхъ.

И шакъ отправившись они въ путь, переносили бодро извѣстные препятствія и трудности, и наконецъ ввечеру дошли до берега весьма уставши. У берега нашли они къ великому своему удовольствию ботъ, которой ихъ ожидалъ.

Отдохнувъ нѣсколько, переѣхали они на корабль. Тречеръ порученъ былъ лѣкарю и управлялся мало по малу; однако не прежде пришелъ онъ въ состояніе отправлять обыкновенную свою работу, какъ чрезъ нѣсколько недѣль.

Для чего рассказывали мы сію повѣсть и какую пользу молодые чипашели могутъ изъ нее получить? — Они могутъ изъ эпоса происшествія усмотрѣть, какимъ приключеніямъ подвержена бываетъ жизнь человѣческая, и сколь много причинъ пріучать съ самыхъ молодыхъ лѣтъ плѣсныя и душевныя силы къ разнымъ маленькимъ безпокойствамъ и трудностямъ, дабы приготовить себя къ перенесенію большихъ трудностей и безпокойствъ. Горе тому, кто въ молодыхъ



лѣшахъ пренебрежешъ это правило и тогда уже захочешъ исполнять его, когда необходимая нужда его къ тому принудитъ!

XIII.

Другой примѣръ того, сколь нужно съ молодыхъ лѣтъ приучать тѣлесныя и душевныя силы къ перенесенію трудностей и противностей, случающихся въ человѣческой жизни.

Господа Банксъ и Соландеръ на путешествіи своемъ около свѣта приставши къ Огненной землѣ (*), которая какъ извѣстно, находится ниже Америки, захотѣли выйти на берегъ, дабы осмотрѣть нѣсколько сію землю. Корабельной капитанъ, Г. Кукъ далъ имъ ботъ, на которомъ и отправились они на берегъ, взявши съ собою корабельнаго лѣкаря, астронома и нѣсколько слугъ и матрозовъ.

Вышедши на берегъ, пошли они далѣе, въ намѣреніи къ вечеру возвратиться

ся

(*) Огненная земля отдѣляется отъ Америки Магелланскимъ проливомъ, къкъ - почиташели наши могутъ сыскать на ландкаршѣ. Она называется такъ по огнедышущей горѣ, которая тамъ находится.

ея на корабль. Погода такъ способна была къ ихъ предпріятію, что они не могли лучшей желать. Къ тому жь сіе случилось лѣтомъ; ибо въ шамошнихъ спорагахъ 21 число Декабря бываетъ самой должайшій день въ году.

Чрезъ нѣсколько времени пришли они къ болошискому мѣсту, которое поросло низкимъ березовымъ кустарникомъ. Надлежало имъ переходить по этому кустарнику, подвергаясь при томъ неудобству оступаться глубоко въ болото при всякомъ шагѣ.

Трудности сего пути еще болѣе увеличились, когда небо вдругъ покрылось облаками; погода вдругъ переменилась и стала холодна и пасмурна. Началъ дуть рѣзкой вѣтръ; а наконецъ пошелъ снѣгъ, и лѣто вдругъ превратилось въ суровую зиму.

Путешественники ободряли взаимно другъ друга и не переставали идти далѣе. Но они не успѣли еще пройти двѣ трети болошисаго мѣста, какъ одинъ изъ нихъ, рисовальщикъ Г. Банка, лишился силъ и упалъ. Развели огонь и оставили его тамъ вмѣстѣ съ нѣкошорыми другими, которые также обезсиляли отъ усталости. Прочіе жь дошли на-

послѣдокъ до пригорка, на которомъ испашели напуры, господа Банксъ и Соландеръ вѣкопрымъ образомъ награждены были за пресперпѣнныя ими шрудности отккрышiemъ разныхъ новыхъ шравъ.

Между шѣмъ снѣгъ часъ отъ часу умножался, спужа спановилась сильнѣе; день проходилъ, и возвращеніе на корабль надлежало опложитъ до слѣдующаго ушра. Хотя ужасно было препроводитъ ночь на пущомъ пригоркѣ и вѣ такую суровую погоду; однако избѣжатъ, шого было невозможно. И шакъ послали къ оставленнымъ у огня, чшобы привести ихъ, ештли можно на гору, откуда всѣ вмѣстѣ хошѣли уйти вѣ лѣсъ, спшавишь шамъ шалашъ, и переночевать вѣ ономъ.

Вѣ вечеру, около 8 часовъ, всѣ собрались вѣ назначенномъ мѣстѣ и пошли вѣ ближнюю долину. Господинъ Соландеръ ушрашивалъ своихъ спущниковъ, чшобъ они старались безпрестанно бытъ вѣ движеніи и не опдавались сну, сколько бы ихъ къ шому ни клонило. Кто изъ васъ сядешъ, говорилъ онъ, шотъ заснешъ, а заснувши никогда уже не проснешся.

Господинъ Банксъ взялъ на себя вещи шѣхъ, кошорые шли позади. Они не

не успѣли еще дойти до кустарника, какъ стужа сколько усилилась, что докторъ Соландеръ самъ почувствовалъ охоту ко сну, отъ чего другихъ остерегалъ. Онъ пребралъ, чтобъ позволили ему лечь. Тщешно Господинъ Банксъ упрашивалъ и увѣщалъ его; онъ легъ на снѣгъ, и съ великимъ трудомъ едва могли удержашь его отъ сна.

Одинъ изъ Банксовыхъ слугъ почувствовалъ такую жь усталость, и для того Господинъ Банксъ послалъ пятерыхъ своихъ поварищей впередъ, чтобы на первомъ удобномъ мѣстѣ, кошорое имъ попадется, развести огонь; а самъ оспался съ обезсилѣвшими. Наконецъ подняли ихъ обоихъ на ноги; но еще не вышедши изъ болошисаго кустарника, увѣряли они, что опять не могутъ итти далѣе. Всѣ представленія и всѣ прозбы были тщешны. Ни Г. Банксъ, ни его поварищи не были въ состояніи нести ихъ; и такъ надлежало дать имъ сѣсть, послѣ чего не прошло еще двухъ минушъ, какъ оба они весьма крѣпко заснули.

Между тѣмъ нѣкошорые изъ посланныхъ впередъ возвратились съ приятнымъ извѣстіемъ, что недалеко отсюда разведенъ огонь. Г. Банксу удалось разбудить

дить доктера Соландера, которой хотя спалъ еще не болѣе пяти минутъ, но лишился уже употребленія всѣхъ своихъ члѣновъ, и мускулы его такъ сжались, что башмаки свалились у него съ ногъ. Напрошивъ того слугу никакъ разбудить было не можно. И такъ Господинъ Банксъ оставилъ съ нимъ друга своего слугу и еще напроза, которые по видимому поспрадали меньше всѣхъ, и обѣщавъ имъ смѣнить ихъ, какъ скоро двое другихъ изъ его поварищей согрѣются.

Въ самомъ дѣлѣ послалъ онъ къ нимъ на смѣну двухъ человекъ; но чрезъ полчаса они возвратились къ нему съ извѣстіемъ, что они вездѣ искали, но не могли найти ни спящаго, ни тѣхъ, которые съ нимъ были оставлены.

Сіе извѣстіе всѣхъ печалило. Г. Банксъ думая о семъ приключеніи, примѣнилъ, что у него не было бутылки съ румомъ, которую онъ имѣлъ съ собою. Онъ заключилъ, что его слуга и мапрозъ спарались можетъ быть разбудить спящаго румомъ и сами при помѣ лишнее выпили, и такимъ образомъ опьянѣвши, ушли не дожидаясь обѣщанныхъ проводниковъ.

Еще къ большому несчастію, снѣгъ пошелъ снова и гораздо сильнѣе прежняго,

и по тому всѣ лишились надежды увидѣть бѣдныхъ заблудившихся когда нибудь живыхъ. Однако въ полночь услышали въ нѣкоторомъ отдаленіи крикъ. Тотчасъ побѣжали на сей голосъ, нашли мапроза, которой шелъ обезсилавъ и шатающаяся, и отвели его къ огню.

Господинъ Банксъ пошелъ далѣе искать прочихъ заблудившихся и наконецъ нашелъ ихъ въ самомъ плачевномъ состояніи; одинъ споялъ еще на ногахъ, но не могъ ступить ни на одинъ шагъ; а другой лежалъ уже на землѣ совсѣмъ безчувственъ. Не могли тащить ихъ, спарались развести на томъ же мѣстѣ огонь; однако не смотря на всѣ старанія, это было невозможно, по причинѣ множества выпавшаго и безпрестанно еще шедшаго снѣгу. И такъ принуждены были оставить сихъ несчастныхъ судьбѣ ихъ; сдѣлали подмостку изъ вѣтвей, и положивши ихъ на оную, покрыли другими вѣтвями, и по томъ ушли въ лѣсъ.

Въ то время, какъ занимались симъ упражненіемъ, нѣкоторые изъ прочихъ начинали лишаться чувства, и насилу можно было отшаскивать ихъ къ огню. Вся ночь проведена была въ такомъ состояніи, которое и отъ прошедшаго, и отъ

опѣ, настоящаго и опѣ будущаго—предсавлялось ужаснымъ. Двухъ оставленыхъ на снѣгу надлежало уже почищать мершвыми; прочіе жъ всѣ изыбли, обезсилѣли опѣ усалоспи и не имѣли ничего сѣбснаго, кромѣ одного ястреба, котораго они прежде мимоходомъ заспрѣлили.

Наконецъ наступилъ день; вокругъ невидно было ничего, кромѣ снѣгу; спужа была столь же еще жестока и вѣпрѣ шакой же рѣзкой, какъ и прежде; и пошому нашимъ путешественникамъ не можно было опправиться въ обратной пушь. Они послали нѣскольکو человекъ посмопрѣть, что сдѣлалось съ двумя несчастными, оставленными въ кустарникѣ. Сии посланные скоро возвратились въ печальнымъ извѣспіемъ о ихъ смерти.

Какъ голодъ началъ всѣмъ имъ спановиться несноснымъ, то они оципали заспрѣленнаго ястреба, раздѣлили его на десяшь равныхъ часпей, и всякой приготошилъ свою часшь пакъ, какъ ему вздумалось.

Сѣвши слишкомъ умѣренной свой завтракъ, опважились они иппи. Имъ удалось выбрашься на берегъ. Не можно описашь, какъ они радовались взошедши
ня

на корабль, и какъ поздравляли другъ друга съ благополучнымъ окончаніемъ бѣдшвеннаго своего путешествія.

XIV.

Протагоръ и Демокритъ.

Протагоръ родился отъ такихъ бѣдныхъ родителей, что въ молодости своей былъ носильщикомъ и отъ того получалъ пропитаніе. Нѣкогда возвращался онъ изъ деревни въ городъ Абдору, гдѣ онъ жилъ, и несъ связку дровъ, которыя склалъ онъ очень искусно. Нечаянно встрѣтился съ нимъ философъ Демокритъ. Искусная связка дровъ показалась сему мудрецу необычайною, и онъ примѣшилъ въ ней нѣчто геометрическое. Подошедши къ Протагору, спросилъ онъ: кто склалъ дрова такимъ образомъ? и какъ тошъ сказалъ, что онъ самъ это сдѣлалъ, то философъ просилъ его разобрать дрова и при немъ склать ихъ попрежнему. Молодой Протагоръ исполнилъ эту просьбу и склалъ дрова такъ же искусно, какъ прежде. — „Другъ мой, сказалъ ему Демокритъ, я вижу, что ты имѣешь дарованіе дѣла свои хорошо дѣлать. Пойдемъ ко мнѣ; я дамъ тебѣ

гораздо лучшее упражненіе. „ — Онъ взялъ его съ собою, содержалъ у себя въ домѣ, училъ его философіи, и Протагоръ сдѣлался послѣ самъ славнымъ ученымъ человѣкомъ.

XV.

Ананицерисъ и Платонъ.

Ананицерисъ гордился необыкновеннымъ своимъ искусствомъ ѣздить верхомъ и на колесницѣ. Однажды захотѣлъ онъ показашь свое искусство философу Платону и проѣзжалъ нѣсколько разъ по шѣмъ же самымъ слѣдамъ, по копорымъ въ первой разѣ проѣхалъ.

Народъ удивлялся и изъяслялъ свое одобреніе громкимъ крикомъ. Одинъ только Платонъ не одобрялъ эпова. Сіе искусство казалось ему болѣе хулы, нежели похвалы достойнымъ въ такомъ человѣкѣ, копорой не опредѣленъ бытъ кучеромъ или извощикомъ. — „ Не возможно, говорилъ онъ, чтобъ человѣкъ упопробившій столько прилѣжности къ этому упражненію, не пренебрегъ того, что ему гораздо полезнѣе и присшойнѣе. „





ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ.

Не сокрывайте себѣ сокровищъ на земли; и дѣже червь и тля тлитъ, и и дѣже татіе подкопываютъ и крадутъ. Маше. Гл. 6. стн. 19.

XVI.

ДАМОНЪ и ПИѠІАСЪ.

Драма для дѣшей;

Въ одномъ дѣйстви.

Дѣйствующія лица.

Діонисій, Тиранъ Сиракузской.

Дамонъ }
ПиѠіасъ } *друзья.*

Гелонъ, Діонисіевъ любимецъ.

Палинуръ, корабельщикъ.

Аргусъ, начальникъ стражей.

Стражи.

Дѣйствіе происходитъ въ Діонисіевыхъ палатахъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Діонисій, Гелонъ, Аргусъ.

Діонисій. Сегодня, друзья мои буду я въ этой комнашѣ. А ты, Аргусъ, поспарайся разнести слухъ, что я перешелъ въ другую часть моихъ палашѣ.

Аргусъ. Государь, я исполню швое повелѣніе.

Гелонъ. Какъ! не уже ли самой лучшей государь безпрестанно долженъ скрываться отъ неблагодарныхъ своихъ подданныхъ?

Діонисій. Посмотримъ, кого должно сегодня казнить? (*Вынимаетъ записную дощечку.*) И пакъ сегодня Грекъ Дамонъ долженъ возвратишься.

Гелонъ. Я увѣренъ, что онъ не возвратишься.

Діонисій. По крайней мѣрѣ возвращеніе его споль же было бы чудно, какъ и то, что другъ его Пиетасъ предспавилъ себя порукою по немъ. Однако я не допущу шушишь со мною. Есть ли Дамонъ сегодня не возвратишься, по безразсудной Пиетасъ заплашишь за него своею жизнію.

Аргусъ. Сегодня, какъ я осматривалъ шемницы, просилъ онъ, чшобъ шы позволилъ ему предспащъ предъ шебя.

Гелонъ. Онъ хочешъ просить помилованія. Можешъ бышь не думалъ онъ, чшо другъ его споль долго промедлишъ на смершь возвратишся. Сей лукавой обманщикъ говорилъ, чшо онъ хочешъ полько предъ смершию проспитъ со своими родствениками; но онъ могъ бы уже давно здѣсь бышь, ешьлибъ хошѣлъ.

Діонисій. Я не имѣю шеперь времени говоритъ съ преступникомъ; иду къ моей дочерѣ, чшобъ она выжгла мнѣ бороду. Ожидай меня здѣсь, Гелонъ; а шы, Аргусъ, исполни мои повелѣнія.

(*Діонисій уходитъ. Аргусъ также хочеть уйти, но Гелонъ его останавливаетъ.*)

ЯВЛЕНІЕ II.

Гелонъ, Аргусъ.

Гелонъ. Остановись на минушу, Аргусъ.

Аргусъ. Государь! шы знаешь, чшо я не могу медлишь.

Гелонъ. О шомъ - шо и хочу я просить шебя, чшобъ шы не медлилъ. Возв-

вращись какъ возможно скорѣе и не впускай сюда никого, кто придетъ просить помилованія Пиеіасу; онъ можеть быть для Царя опасенъ.

Аргусъ. Кто отважился просить за сего несчастнаго? — Однако признаюсь тебѣ, что я столько же сожалею о его участи, сколько удивляюсь его великодушію.

Гелонъ. Наружность себя ослабляетъ, Аргусъ. Пиеіасъ притворной обманщикъ; онъ надѣялся умилоспивить Царя ложнымъ своимъ великодушіемъ и спасти друга своего отъ смерти.

Аргусъ. Это быть можеть, государь; однако жь должно признасться, что онъ приноситъ другу своему великую жертву.

Гелонъ. Онъ не сдѣлалъ бы этого, если бы не опасался, что Дамонъ не вышерпитъ пышки и объявитъ его участникомъ измѣнническаго своего умысла.

Аргусъ. Но Дамонъ самъ еще не уличенъ.

Гелонъ. Преступленіе его есть тайна, которую я скрываю въ груди моей, и общественная польза требовала, чтобъ это дѣло не было подробно изслѣдовано. И такъ ты видишь, сколько нужно, чтобъ

чтобъ и довѣренной другъ сего злодѣя не избѣгъ заслуженной казни.

Аргусъ. Государь! повелѣнія швои будущъ исполнены. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ III.

Гелонъ, (*одинъ.*)

Итакъ чрезъ нѣсколько часовъ извѣщаю я ошъ послѣдняго добродѣтельнаго Сиракузца. Сей безумецъ самъ себя на казнь предалъ. Я хотѣлъ только ошнать наследство у иностранца Дамона; а шеперь купно могу и ошмспить гордому Пиеіасу. Узнастъ онъ, какво презирастъ Тираннова любимца! — Чшо я вижу!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Гелонъ, Палинуръ.

Палинуръ, (осматриваясь.) Здравствуй, государь! Нѣтъ ли здѣсь еще кого нибудъ? — Сей часъ только присталъ я къ берегу.

Гелонъ, (обнимая его.) Любезной Палинуръ, пребыше швое весьма мнѣ пріятно. Я ожидалъ шебя. Исполнены ли мои повелѣнія?

Палинуръ. Можешь ли ты о семъ сомнѣваться? — Дамона нѣшѣ уже на свѣшѣ. Вѣ третью ночь послѣ того, какъ мы оставили пристань, поднялась свирѣпая буря, которая казалась мнѣ способною для моего предпріятія. —

Гелонъ. Что жъ?

Палинуръ. При блескѣ молній увидѣлъ я Дамона стоящаго на колѣнахъ на краю корабля и поднимающаго руки свои къ небесамъ. Я подошелъ къ нему, дабы его подслушать. — „Боже боговъ!“, восклицалъ онъ: „молю тебя не о своей жизни, но о жизни друга моего; сохрани меня доколѣ, пока освобожу его отъ оковъ, которыя наложилъ онъ на себя по любви ко мнѣ. Не уже ли обоимъ намъ погибнуть должно?“, — Да! сказалъ я и свергъ его въ бездну волнъ.

Гелонъ. О другъ мой! никто не могъ лучше тебя послужить моему мщенію. Богатство плѣннаго Пиѳіаса будетъ наградою за твою услугу. Я слышу шумъ у дверей; конечно Царь идетъ. Скажи ему, что Дамонъ не захотѣлъ возвращаться съ тобою.

ЯВЛЕНІЕ V.

Прежніе , Діонисій , Стражи.

Діонисій. За чѣмъ пришелъ сюда сей незнакомецъ. Возмите его!

Гелонъ, (удерживая стражсй.) Государь, эшо карабельщикъ Палинуръ, съ кошорымъ измѣнникъ Дамонъ опсюда опправился.

Діонисій. Какъ! и онъ не привезъ съ собою Дамона? Едва могу я сему повѣришь.

Палинуръ. Ахъ государь! когда я выадилъ его на берегъ вѣ Коринѣѣ, по онъ говорилъ мнѣ съ ругательнымъ смѣхомъ: „ты можешь возвратишься вѣ Сиракузы, еспыли хочешь; но я съ побою не поѣду. Поздравь моимъ имянемъ легковѣрнаго Пиѣаса, когда увидишь, какъ его поведутъ на казнь вмѣсто меня.“

Діонисій. Ты можешь шеперь же исполнишь сіе приказаніе. Почшо миѣ оплащъ казнь его? (*Къ одному изъ стражсй.*) Скажи Аргусу, чшобъ онъ привелъ сюда Пиѣаса.

(*Стражъ уходитъ.*)

Гелонъ. Теперь видишь ты, государь, чшо мое подозрѣніе на Дамона было справедливо. Онъ измѣнилъ лучше-

му своему другу; не довольно ли сего доказательства, чтобы увѣрить тебя въ томъ, что онъ и противъ тебя измѣнникъ. Хотя не можно было уличить его; но можешь быть естли бѣ Пиеіасъ захотѣлъ говорить —

Діонисій. Захочешь ли онъ говорить, или нѣтъ, но умереть ему непременно должно.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Презніе, Пиеіасъ (въ оковахъ), Аргусъ, Стражи.

Діонисій. Пиеіасъ, сегодня либо Дамонъ возвратишься, либо ты вмѣсто его умереть долженъ.

Пиеіасъ. Ахъ! естлибѣ шеперь былъ уже вечеръ! О небеса! удалише отъ здѣшнихъ береговъ корабль моего друга, и дайше мнѣ сладостное удовольствіе умереть за него.

Діонисій. Ты можешь насладиться симъ удовольствіемъ; Дамонъ не возвратишься.

Пиеіасъ. О Діонисій! ты меня въ восхищеніе приводишь. Но добродѣтель друга моего страшнѣе для меня всѣхъ твоихъ мучителей.

Діо-

Діонисій. Ты не имѣешь причины ея спрашиваться. Вотъ корабельщикъ, коптой отвезъ его въ Коринѣ. — Скажи ему, Палинуръ, что Дамонъ тебѣ приказалъ.

Палинуръ. „Ты можешь, говорилъ онъ мнѣ улыбаясь, возвратишься въ Сиракузы, естли хочешь, но я съ побою не поѣду. Поздравь моимъ именемъ легковѣрнаго Пивіаса, когда увидишь, какъ его поведутъ на казнь вмѣсто меня.“

Пивіасъ, (разсердившись.) Другъ мой не говорилъ этого; ты мерзкой клеветникъ, а можешь быть еще злѣе клеветника. Дамонъ либо сегодня возвратишься, либо нѣтъ уже его на свѣтѣ. Но нѣтъ! онъ живъ; небеса не допуссятъ погибнуть добродѣтельнѣйшаго смертнаго. Діонисій! я напоминаю тебѣ свое обѣщаніе опустить Дамона, естли онъ возвратишься послѣ моей смерти. Могу ли я взять съ собою во гробъ сію надежду?

Діонисій. Нещасной безумецъ! ты не перестаешь еще вѣрить, что Дамонъ былъ тебѣ другомъ? Онъ не такъ глупъ, какъ ты; теперь сердце его торжествуетъ о томъ, что ты обманушь.

Пивіасъ. Сего можешь ты ожидать отъ своихъ друзей; но я знаю моего

друга лучше, нежели ты. Дай Боже, щобъ я могъ сполько же основательно надѣяться на швое обѣщаніе, какъ и на его вѣрность!

Гелонъ. Какая дерзость!

Діонисій. Я не знаю, для чего могу ее сносить. Но еслии Дамонъ возвратишся, то клянусь, что онъ останеся живъ.

Пивіасъ, (бросается къ ногамъ его.)
Позволь мнѣ обнять колѣна швои. — О Боги! вы слышали его кляпву. — Діонисій! смѣю ли я просить у тебя другой милости?

Діонисій. Говори.

Пивіасъ. Повели казнишь меня въ сію жь минушу, дабы другъ мой не предупредилъ меня.

Діонисій, (*Гелону.*) Я принужденъ почти удивляться ему. (*Аргусу.*) И пакъ пусть ошведуетъ его на мѣсто казни; мы потчасъ шуда прійдемъ. Аргусъ, прикажи вышупишь всѣмъ моимъ спражамъ.

Пивіасъ (*уходя.*) Благодареніе богамъ! — Не медли, Діонисій! — Какая радость! какою честію одолженъ я шебъ;
(*Аргусъ и стражи уводятъ Пивіаса.*)

 ЯВЛЕНІЕ VII.

Діонисій, Гелонъ, Палинуръ.

Діонисій. Онъ либо сумасшедшій, либо величайшій изъ героевъ. Еспьлибъ онъ попросилъ прощенія, то я думаю, что я опмѣнилъ бы казнь его.

Гелонъ. О милосердѣйшій изъ государей! никакой преступникъ не оказывалъ еще себѣ столько упорства, однако милость швоя и его проспитъ желаетъ. Но въ семъ случаѣ, государь, шерпѣливость швоя была бы себѣ опасна; дерзкіе Сиракузцы могли бы почестъ ее слабою боязливостію, и шѣмъ паче увеличилась бы ихъ дерзость.

Палинуръ. Еспьли Дамонъ былъ виновенъ, то и Писіасъ также виновенъ, и по шому заслуживаетъ онъ сугубую смерть.

Діонисій. Вы правду говорите. Но я не хочу присутствовать при сей казни. Пойди, Палинуръ, и объяви, чтобъ меня не ожидали. Разгласи также народу о шомъ, что измѣнникъ Дамонъ себѣ сказалъ.

Палинуръ. Я повинуюсь. *(Хочетъ уйти, но вдругъ съ ужасомъ возвращается.)*

 ЯВЛЕНИЕ VIII и послѣднее.

Прежніе, Аргусъ, Дамонъ и Пиѳіасъ,
(оба въ оковахъ,) Стражи.

Діонисій. Что я вижу!

Гелонъ, (въ сторону.) Проклятой
Палинуръ!

Аргусъ. Государь! выведши Пиѳіаса изъ своихъ палатъ, увидѣлъ я Дамона бѣгущаго къ намъ задыхаясь. „Оспано-„ вишесь, кричалъ онъ: „вошъ шопъ, кому умереть должно! Освободите моего друга; поручительство его уже окончилось.. Они спорили между собою о смерти, такъ, какъ о великомъ сокровищѣ, и печальное сіе произшествіе принудило меня представить ихъ тебѣ.

Діонисій. Возможно ли? вѣришь ли мнѣ собственнымъ моимъ глазамъ?

Пиѳіасъ. Исполнилось то, чего я спрашивалъ. Ахъ Діонисій! для чего не повелѣлъ ты казнить меня однимъ часомъ ранѣе?

Дамонъ. Благодарю боговъ, что я предупредилъ казнь сію. Пиѳіасъ! другъ мой! позволь обнять тебя въ послѣдній разъ! (Онъ обнимаетъ Пиѳіаса.)

Пивіасъ. Свирѣпой другъ! — Ахъ, Діонисій! освободи Дамона, или прикажи умершвить обоихъ насъ вмѣстѣ.

Дамонъ. Ты удивляешься, Діонисій; чудесное сохраненіе моей жизни принуждаетъ тебя вѣрить, что боги существуютъ. Повелѣвши свергнуть меня въ море, не думалъ бы, что благодѣтельная волна принесетъ меня на сосѣдственной островѣ.

Пивіасъ. О небо!

Дамонъ, (*Пивіасу.*) Два мѣсяца щещно въздыхалъ я, ожидая корабля, которой отпралялся бы къ Сициліи. Наконецъ боги услышали мое прошеніе, и въ минувшую ночь высаженъ я на каменистой берегѣ, недалеко отсюда; ибо я опасался, чтобъ сей убійца мой (*указываю на Палинура.*) въ приспани со мною не встрѣтился.

Діонисій. Что я слышу? Палинуръ! открой мнѣ истину, или ужаснѣйшія мученія принудятъ тебя открыть ее.

Палинуръ. Государь! я сдѣлалъ только то, что любимецъ свой мнѣ приказалъ. Гелонъ повелѣлъ мнѣ бросить Дамона ночью въ море.

Діонисій. Гелонъ! правду ли онъ сказалъ? — Ты пренецешь. Измѣнникъ! развѣ

развѣ ты еще не знаешь, какъ я наказываю тѣхъ, которые довѣренность мою во зло употребляютъ?

Дамонъ. Какъ! Діонисій не повелѣвалъ умершвить меня? Ахъ Гелонъ! для чего хотѣлъ ты и друга моего погубить вмѣстѣ со мною?

Діонисій, (помолчавъ.) Дамонъ и Пиѳіасъ! вы оба свободны: я не имѣю причины васъ опасаться; но сіи злодѣи должны умереть. Аргусъ, ошведи ихъ на смерть.

(Дамонъ и Пиѳіасъ бросаются къ ногамъ Царя.)

Пиѳіасъ. Дамонъ свободенъ? Благословенъ ты, Діонисій! Не чувствуешь ли ты, сколь утѣшительно бышь правосуднымъ?

Дамонъ. Не довольствуйся правосудіемъ, Діонисій; будь милосивъ и прости сихъ несчастныхъ.

Діонисій, (смотря на нихъ съ удивленіемъ.) Какіе люди! *(Помолчавъ нѣсколько.)* Вспаньше; я освобождаю ихъ отъ казни; не могу ни въ чемъ оцказать добродѣтели вашей.

Пиѳіасъ, (Дамону, обнимая его.) Великодушной другъ!

Дамонъ, (Пивіасу.) Можешъ ли мое великодушіе съ швоимъ сравнишься?

Діонисій. Я внѣ себя. О дружба! для чего я не зналъ тебя? Благороднѣйшіе смертные! позвольте мнѣ разрѣшити оковы ваши и бытъ прешимъ въ вашемъ союзѣ.

(Онъ снимаетъ съ нихъ цѣпи и обнимаетъ ихъ обоимъ.)



XVII.

Примѣчаніе къ предвѣдущей драмѣ.

Діонисій царшвовалъ въ Сиракузахъ, одномъ изъ славнѣйшихъ въ древности городовъ. Онъ присвоилъ себѣ царскую властѣ незаконнымъ образомъ и упошреблялъ ее весьма худо. Чрезмѣрная его жестокость сдѣлала его споль ненавистнымъ своимъ подданнымъ, что онъ безпрестанно долженъ былъ опасаться, чтобъ его не убили, и для того всегда носилъ онъ подъ плашьемъ желѣзной панцырь и говорилъ съ народомъ своимъ не иначе, какъ съ высокой башни. Дочери его выжигали ему бороду орѣховыми скорлупами, для того, что онъ

боялся допускать къ себѣ бородобрѣя съ бришвою. Комната, въ которой онъ спалъ, окружена была ровомъ, и онъ никогда не засыпалъ не поднявши небольшого подъемнаго мосту, по которому чрезъ ровъ переходили и не запершись со всѣхъ сторонъ. Родной братъ его и сынъ не могли подходить къ нему, не будучи напередъ обысканы спражами, и ѣшъ ли у нихъ какого нибудь оружія.

Произшествіе, представленное въ предъидущей драмѣ, взято почти безъ всякихъ прибавокъ изъ исторіи. Сей прогашельной примѣръ дружеской вѣрности, одно изъ лучшихъ украшеній древней исторіи, привелъ въ удивленіе ширана и заставилъ его почувствовать силу добродѣтели. Однако сей случай не имѣлъ столь сильнаго дѣйствія, чтобъ истребить въ немъ закоренелую злую склонность. Онъ не пересталъ быть шираномъ и правительствовалъ съ прежнею жестокостію, пока наконецъ Сиракузцы нашли случай уничтожить всю его предосторожность и убить его.



ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ.

Сокрываютъ же себѣ сокровище на небеси, и дѣже ни червь ни тля тлитъ, и дѣже татіе не подкопываютъ ни крадутъ; и дѣже бо есть сокровище ваше, ту будетъ и сердце ваше. Матѣ. гл. 6. ст. 20 и 21.

ХVIII.

Разговоръ о повинности, какое дѣти должны оказывать своимъ родителямъ.

Добросердѣ. (дѣтямъ.) Для чего вы сегодня такъ печальны, друзья мои?

Отецъ. Этому причиною одно приключеніе, которое могло бы имѣть очень дурныя слѣдствія для Николая.

Добросердѣ. Слава Богу, что оно прошло безъ вреда. Не могу ли я знать эшова приключенія?

Отецъ. За часъ до вашего приходу, ушелъ онъ къ рѣкѣ, сѣлъ шамъ въ лодку, взялъ весло и хотѣлъ отплыть отъ берегу; но онъ не умѣлъ эшова сдѣлать, лодка покачнулася, и онъ упалъ въ воду.

По щастію, каммердинеръ мой недалеко отсюда ловилъ рыбу, и увидѣвши это, выпасидъ его изъ воды.

Добросердѣ. Впредь будетъ это для него наукою. — Да гдѣ жь онъ?

Отецъ. Онъ шеперь переодѣвается. — Да вошъ онъ и идетъ —

Николай (входитъ бояливо и цѣлуя у отца руку, говоритъ:) Башюшка, я виновашъ; простише меня въ моемъ непослушаніи, и что я васъ нанугалъ.

Отецъ. Я охотно прошу тебя, ешьли эшошъ случай можешъ себя увѣрить, что послушаніе къ швоимъ родителеямъ для собственнаго швоего благополучія необходимо нужно.

(*Николай цѣлуетъ у него руку.*)

Добросердѣ. Здравствуй, господинъ мореплаватель! Благополучно ли было швое путешествованіе? — Для чего ты такъ печаленъ? — Не прешерцѣлъ ли ты кораблекрушенія?

Николай. Еще хуже кораблекрушенія — я былъ въ опасности лишиться любви моихъ родителей. Я ожидалъ отъ нихъ заслуженнаго наказанія; но башюшка простилъ меня, и послѣ эшова я еще больше чувствую, сколько я виновашъ.

Добросердѣ. Пойди сюда, другѣ мой! позволь себя обнять. Чувствительное швое сердце подаетъ мнѣ надежду, что ты никогда съ намѣреніемъ не сдѣлаешь прощупка.

(*Радостная улыбка показывается на лицѣ у отца; братья и сестры обнимаютъ Николая.*)

Добросердѣ. Дѣши! шеперь вы видите, какъ изъ печали происходитъ радость. За нѣсколько минутъ были вы еще печальны, а шеперь — какая перемѣна! — Какъ вы думаете? ошѣ чего происходитъ эша перемѣна?

(*Дѣти всѣ молчатъ и смотрятъ на Добросерда.*)

Добросердѣ. Вы молчите; — и такъ я скажу вамъ эшо. Чиспосердечное признаніе вашего брата и раскаяніе въ своемъ непослушаніи, печаль о томъ, что онѣ оскорбилъ своихъ родителей, и впечатлѣніе, которое сдѣлано въ немъ неожиданымъ прощениемъ — вотъ источники вашей радости. Не забудьте никогда эшова приключенія, и вспомните его, когда кому нибудь изъ васъ случится быть въ шакихъ обшпательствахъ. Человѣку сродно дѣлать прощупки. Но кто признается въ своихъ прощупкахъ, тотъ заслуживаетъ

похвалу и показываешь чрезъ это, что онъ прорспунился не отъ злора сердца, но по легкомыслию.

Вы, друзья мои, очень щаспдивы шбмъ, что имбете шакихъ добрыхъ родпшелей, копорые сколько возможно спрающая наблюдать ваши поспупки и сказывать вамъ о томъ, когда вы ошибаетесь. Вамъ не трудно избирать добро, а худое отшвергать. Но сколь много дбшпей, копорыя не имбюшъ шакихъ родпшелей и по тому должны сами узнавать изъ опыта, что для нихъ полздно или вредно! — И шакъ достоинны ли бы вы были сожалбннн, ешлыбъ непослушаннемъ къ своимъ родптелямъ причинили себб какое нибудь нещаспие?

Сегодня разскажу я вамъ повбспь, изъ копорой вы усмошрище, сколь нужно повиноваться приказаннмъ своимъ родпшелей и сколько напрошивъ шого опасно пренебрегать добрыя ихъ наспавленнн.

(Дбти сблн вокругъ своего друга, и Добросердб началъ разсказывать свою повбспь слбдующимъ образомъ:)

Когда я былъ еще вб вашихъ лбшахъ, то учпшель мой часто говорилъ мнб: *Остерегайся только, чтобъ вб первой разб не сблать худова, и ты никогда не будешь*

будешь проступаться., Я думалъ, что нѣшъ ничего легче эпова и что мнѣ не трудно будетъ осперегаться. Но скоро усмошрѣлъ я, что эпо не шакъ легко, какъ мнѣ сначала казалось. Я дѣлалъ просшупки, и не думая о томъ, что я просшупки дѣлаю.

Такъ же бываетъ и со всѣми людьми въ свѣшѣ. Никшо не дѣлается вдругъ злодѣемъ; но спановяшся шакими малю, по малю.

Марія. Однако какъ же эшо происходитъ? Я не понимаю.

Добросердѣ. Оно происходитъ натурально. Ешшли дѣщи съ молодыхъ лѣшѣ, не привыкаютъ признаваться и раскаиваться въ своихъ просшупкахъ, шо зло спановишся въ нихъ привычкою. Мало по малю сердце ихъ приходитъ въ ожешпоченіе; онѣ шпыдяшся сказать: я виноватъ, — и шакимъ образомъ дѣлаются онѣ совсѣмъ шорочными. Вы еще яснѣе усмошрише эшо изъ моей повѣшши, кошорую намѣренъ я вамъ разскашъ.

Добронравъ и Зломыслъ были дѣшши равнаго возраста и жили въ одной деревнѣ. Въ городѣ дома ошцовъ ихъ шакже были недалеко одинъ ошъ другаго. Въ молодыхъ лѣшакъ играли они всегда вмѣ-

стѣ. Родители ихъ одобряли ихъ дружбу. Достигнуши шакоѣ возраста, въ кошоромѣ надлежало имѣ начашь учить-ся, учились они также вмѣстѣ.

Добронравѣ былѣ живѣ, опкровенѣ, скоро прощаль обиды, кошорыя ему дѣлали, не говорилѣ ни о комѣ худо и полковаль все въ добрую спорону. Напротивѣ того Зломыслѣ былѣ угрюмѣ и припворчивѣ, любилѣ дѣлать надѣ людьми злыя насмѣшки, когда могѣ дѣлать ихѣ такѣ, чшобѣ его не примѣшили, и умѣлѣ лицемѣрнымѣ своимѣ видомѣ подвергать другихѣ выговорамѣ и наказанію, кошорыя самѣ онѣ заслуживаль.

Добронравѣ признавался чистосердечно во всѣхѣ своихѣ просшупкахѣ и старался ихѣ заглаживать. Напрошивѣ шого Зломыслѣ никогда не признавался, пока его не уличали такѣ, чшо уже ему совсѣмѣ не лзя было опговориться, да и шогда старался онѣ сколько возможно прикрашивать свои просшупки.

Дѣши! что вы скажете, нравился ли вамѣ Зломыслѣ?

Дѣти. И! можно ли эшо, чшобѣ онѣ нравился!

Добросердѣ. Для чего жѣ? Пусть всякѣ изѣ васѣ одинѣ послѣ другога, скажетѣ мнѣ свои мысли.

Ни-

Николай. Онъ былъ нечистосердеченъ и лгалъ; а лгашь очень дурно.

Доброесердъ. Это правда. — Что скажешь ты, Лизанька?

Лизанька. Мнѣ не нравится то, что онъ любилъ дѣлать насмѣшки надъ людьми. Ошъ, эпова, укоренялась въ немъ склонность дѣлать зло.

Добросердъ. А тебѣ, Машинька, что не нравится въ Зломыслѣ?

Марія. То, что онъ спарался прикрашивать свои просупки.

Алексѣй. И это очень дурно, что онъ лицемѣрилъ и свои просупки на другихъ складывалъ.

Доброесердъ. Добронравовы родители все это узнали, и усматривали, что Зломыслѣ худой поварищъ для ихъ сына. И такъ они разлучили ихъ другъ съ другомъ. — Однако жъ Добронравъ и послѣ того часно видался со Зломыслемъ и раздѣлялъ съ нимъ свои забавы. Отецъ его позволялъ ему это для того, чтобъ не обидишь своего сосѣда.

Но какъ Зломыслѣ не исправлялся, а отецъ Добронравовъ усматривалъ, что это знакомство можетъ быть весьма вредно для его сына, то онъ поступилъ

такъ, какъ всякому честному отцу въ такомъ случаѣ поступить должно.

Алексѣй. Но чему жь знакомство со Зломысломъ могло бытъ вредно для Доброурава?

Добросердѣ. Ты самъ можешь это отгадать. Развѣ позабылъ ны, что чело-вѣкъ имѣетъ въ себѣ склонность къ раздражанію? Въ чемъ состоитъ эта склонность?

Алексѣй. Мы чувствуемъ желаніе дѣлать то, что другіе дѣлаютъ, и часщю сами не знаемъ причины, для чего мы это дѣлаемъ.

Добросердѣ. Изрядно. Эта склонность, какъ вы то сами знаете, въ дѣтяхъ бываетъ очень сильна. Всѣ ваши игры по большей части не иное что, какъ дѣйствія такой склонности.

Алексѣй. Теперь я понимаю, что вы сказать хотите. Доброуравовъ отецъ боялся, чтобъ сынъ его не спалъ раздражая Зломыслу въ дурныхъ его поступкахъ.

Добросердѣ. Точно такъ. А это не весьма ли бы вредно было для Доброурава? Сколь удобно могъ бы онъ развращаться!

И шакъ , чшобы не подвергнушь сына своего такой опасности, отецъ Добро- нравовъ пошелъ къ своему сосѣду и гово- рилъ ему : „ любезной сесѣдъ ! не осердись на меня , когда я по дружбѣ скажу тебѣ , что мнѣ кажется , будто ты не прилѣж- но смотришь за своимъ сыномъ . Въ то время , какъ она ходилъ въ мой домъ , я примѣнилъ за нимъ многое , чего бы я не сшерпѣлъ въ моемъ сынѣ . „

„ Другъ мой , ошвѣчалъ отецъ Зло- мысловъ , ты знаешь , что у меня дѣла много и мнѣ недосугъ заботиться о моемъ сынѣ . „

„ Однако жена швоя могла бы — „

„ Да , она могла бы посмотрѣшь за нимъ ; но ты знаешь , что у насъ очень много знакомыхъ , и для того всегда ли- бо къ ней госши прѣзжаютъ , либо сама она въ госпяхъ бываетъ . И шакъ обо- имъ намъ нѣтъ времени надсмашривашъ надъ нашимъ сыномъ . „ —

Любезныя дѣши ! сравните поступки евоихъ родителей съ шѣмъ , что говорилъ отецъ Зломысловъ , и подумайте сколь вы щасшливы . Не позабывайте и за эше благодарить Бога и добрыхъ вашихъ ро- дителей . —

Спарой Добронравъ могъ бы много говорить, но онъ напомнилъ только своему сосѣду въ немногихъ словахъ объ ошвѣщѣ, какой должны дать предъ Богомъ и своею совѣстію тѣ родители, копорые жертвующъ воспитаніемъ дѣшей своихъ собсшвенному удовольствію. Помѣ не оставалось сему честному отцу ничего, какъ только спрого запрешить своему сыну обхождение со Зломысломъ. Добронравъ повиновался ему и спарался сколько можно удаляться отъ прежняго своего поварища.

Чрезъ нѣсколько времени послѣ того важныя дѣла принудили Добронравовыхъ родителей оплучиться на нѣсколько мѣсяцовъ изъ города. Они совѣщовались, взяшь ли имъ сына своего съ собою? — и рассудивши, что успѣхъ его въ ученѣ пребоваѣ, чтобъ онъ оспался дома, оставили его подѣ присмотромъ добраго учителя и одного изъ своихъ пріятелей, копорой жилъ въ ихъ домѣ.

Учитель, къ копорому Добронравъ всякой день ходилъ, наблюдалъ спрого, исполнялъ ли онъ все то, что ему исполняшь было должно и можно. Онъ бралъ его съ собою прогуливашься, когда время и обстоятельсшва позволяли. Такія прогулки

гулки были весьма приятны Добронраву, для того, что онъ не находилъ удовольствія въ бѣганьѣ и рѣзвостяхъ, но лучше любилъ замѣчать всегда что нибудь новое и полезное.

Нѣкогда въ вечеру Добронравъ сидѣлъ одинъ въ своей комнатѣ и прудился надъ переводомъ, которой учитель приказалъ ему приготовить къ слѣдующему дню. Вдругъ вбѣжалъ къ нему Зломыслъ, Добронравъ испугался и поблѣднѣлъ, увидѣвъ его.

„Мнѣ кажется, братецъ, сказалъ Зломыслъ, что я уже лѣтъ пять съ шобою не видался. Ты совсѣмъ переспалъ ко мнѣ ходишь. Конечно ты на меня сердишь?”

Добронравъ. „Нѣтъ я на тебя не сердишь; но бапюшка мой не хочеть, чшобъ я игралъ съ шобою, „

Зломыслъ. „Бапюшка швой содержитъ тебя слишкомъ строга и ни въ чемъ не даетъ тебѣ воли. „

Добронравъ. „Не говори эшова; я знаю, что бапюшка и мапушка меня любятъ и дѣлають все по любви ко мнѣ. „

Зломыслъ. „Ну, мы не спанемъ объ эшомъ спорить. Послушай! знаешь ли ты, за чѣмъ я къ тебѣ пришелъ? —

Мой

Мой бапюшка и машушка поѣхали въ деревню и не прежде прївдуть назадъ, какъ послѣзавтра. Между шѣмъ мой дядька обѣщаль мнѣ покапашься со мною на лодкѣ. Не хочешь ли и ты бышь съ нами? „

Добронравъ. „Я очень люблю капашься на лодкѣ, и нынѣшнимъ лѣпомъ ни однажды еще по рѣкѣ не ѣздилъ. Однако — чшо, ешьли бапюшка мой обѣщомъ узнаешъ? „

Зломысль. „И! онъ еще долго сюда ве будешъ. „

Добронравъ. „Эшо правда; но я все буду виновашъ. — Къ шому жъ я долженъ еще пригошовить переводъ къ завпрещену дню. Учитель осердился на меня, ешьли я завпра не принесу къ нему перевода. „

Зломысль. „Мы не долго будемъ капашься. Теперь 6 часовъ; а въ половинѣ девяшова ты оящъ будешъ дома и можешъ писашъ, сколько шебѣ угодно. „

Добронравъ долго ошговаривался, но наконецъ согласился на Зломыслово предложение и пошелъ съ нимъ. —

Вотъ первая степень Добронравова просшупка. Согласившись на Зломыслово предложение, сдѣлалъ онъ двѣ вины: на-
ру-

рушилъ послушаніе къ своимъ родителемъ и пренебрегъ нужное дѣло для забавы.

Они капались по водѣ; но Добро-
нравъ не могъ бытъ шакъ веселъ, какъ
бы ему хотѣлось.

Лизанька. Для чего жъ не могъ онъ бытъ
веселъ? Онъ любилъ кашаться на лодкѣ.

Добросердъ. Непозволенные забавы
не могутъ бытъ пріятны. Совѣсть наша
укоряетъ насъ и не допускаетъ бытъ
веселыми.

Покашавшись около часа, вышли они
на берегъ и гуляли еще нѣсколько время-
ни. Зломысль дѣлалъ еще разные предло-
женія, однако Добронравъ на нихъ не
согласился, спѣша домой, и принужденъ
былъ терпѣть за то опъ своего шовари-
ща насмѣшки и брань.

Пріятель отца Добронравова примѣ-
шивъ, что онъ ходилъ со двора, спро-
силъ у него, гдѣ онъ былъ? — Добро-
нравъ не смѣлъ ему сказать правду, для
того, чтобъ сперва училель, а по томъ
и отецъ его, не узнали о его проснупкѣ.
И шакъ надлежало ему взять прибѣжище
ко лжи и сказать, что онъ ходилъ про-
гуливаясь. —

Замѣчайте, дѣти, какъ одинъ про-
снупокъ ведетъ за собою другой. Эта
ложь была слѣдствие перваго Добронравова
про

проступка. Такъ же бываетъ и съ пороками; когда только посѣяно будетъ ихъ сѣмя, то скоро покажутся цвѣтшы — скоро произрастутъ и самые плоды, которые зарѣзятъ все сердце.

Добронравъ уснулъ отъ своей прогулки; однако жъ ему должно было приготовить переводъ, естли не хотѣлъ онъ, чпобъ проступокъ его на другой день открылся. Онъ приказалъ подать себѣ свѣчу и сѣлъ работать. Онъ писалъ, вымарывалъ, переписывалъ; но переводъ ему не удавался. Наконецъ сонъ его одолѣлъ, перо выпало у него изъ рукъ, и онъ задремалъ. Дремлючи, уронилъ онъ свѣчу, обжегъ себѣ руку и замаралъ свои бумаги; онъ вскочилъ и закричалъ весьма громко, но вдругъ опомнившись, принудилъ себя сперѣшь боль, сколько можно, и легъ спать. Долго не могъ онъ заснуть. Совѣсть представляла ему и во снѣ все то, что онъ днемъ сдѣлалъ; непослушаніе къ родителемъ, пренебреженіе должности, ложной отвѣтъ — все это мучило его и не давало ему спокойно спать.

На другой день поутру не могъ онъ сдѣлать своего перевода, для того, что поутру долженъ былъ учиться писать и музыкѣ. И такъ онъ принужденъ былъ

ищи къ учителю безъ перевода. Учитель съ перваго взгляду могъ примѣнить его неисправность. Добронравъ пришеорился нездоровымъ, чему легко можно было повѣрить, по тому, что онъ былъ очень блѣденъ, и обѣщаль впредь замѣнить свою неисправность. Такимъ образомъ на сей разъ просупнокъ его не имѣлъ дальнихъ слѣдствій, Но онъ твердо вознамѣрился не покупать никогда споль дорого никакой забавы.

Алексѣй. Усполя ли онъ въ эшомъ намѣреніи?

Добросердѣ. Посмотримъ. — Нѣскольکو дней послѣ пого Добронравъ учился весьма прилѣжно и сстрога наблюдалъ свои должності. Онъ не зналъ почти никакой другой забавы, какъ шолько прогуливались со своимъ учителемъ, когда имъ было время. Такимъ образомъ жилъ онъ весьма изрядно.

Въ одинъ прекрасной вечеръ пришелъ къ нему —

Алексѣй. Не опять ли Зломыслъ?

Добросердѣ. Ты ошгадалъ. Зломыслъ пришелъ опять къ Добронраву и просилъ его ищи съ нимъ въ садъ, гдѣ поставлена была качель, на кошорой могли они покачаться.

Николай. Я ни изъ чего бы не согласился съ нимъ ищи. *Добро-*

Добросердѣ. Посмотримъ, что сдѣлаетъ Добронравъ. — Въ прошъ вечеръ не было у него дѣла; онъ любилъ качаться; вечеръ былъ очень хорошъ; Зломыслъ уговаривалъ его неопступно. Искушеніе было велико. Оспавались полько два препятствія: первое то, что Добронравъ не смѣлъ итти со двора, не сказавши о томъ пріятелю своего опца, хотя его и не было дома; а другое, что онъ опасался, чтобъ учинель къ нему не пришелъ. Зломыслъ уничтожилъ послѣднее сомнѣніе увѣривши его, что онъ самъ видѣлъ, какъ учинель за часъ предъ шѣмъ поѣхалъ за городъ. Однако Добронравъ на сей разъ кошѣлъ успоятъ въ добромъ своемъ намѣреніи. — „Нѣшъ!“, сказалъ онъ Зломыслу: „оспавь меня; я не пойду съ тобою. Ты любишь бранишься и часно лжешь. Оспавь меня.“

„Пожалуй, послушайся меня, опвѣчалъ Зломыслъ: „я даю тебѣ честное слово, что ты не услышишь опъ меня ни брани, ни лжи. Сдѣлай мнѣ одолженіе, пойдѣмъ со мною. Мнѣ одному безъ тебѣ будѣтъ скучно.“

(Окончаніе сообщено будетъ въ слѣдующемъ листѣ.)

ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ:

Свѣтильникъ тѣлу есть око: аще же будеть око твое просто, все тѣло твое свѣтло будетъ. Маше. гл. 6. ст. 22.

Окончаніе разговора о повинненіи, какое дѣти должны оказывать своимъ родителямъ.

Добросердѣ. Наконецъ Добронравъ склонился на Зломыслову прозьбу и согласился съ нимъ ишши.

Николай. Вошѣ эшо мнѣ очень досадно.

Добросердѣ. Чшо?

Николай. То, чшо онѣ дался въ искущеніе и пошелъ со Зломысломъ, закаявшись прежде не имѣшь съ нимъ дѣла.

Добросердѣ. Мнѣ самому эшо не нравися. Въ самомъ дѣлѣ онѣ поступилъ очень легкомысленно. Однако испытай ты самъ себя, испытайте себя всѣ вы, дѣши, имѣли ли бы вы сполько поспоянства, чшобѣ отказатьсь отъ забавы, или пожертвовашь ею своей должностію,

естьлибъ съ вами подобное этому случилось? — Я совѣщовалъ бы вамъ недовѣрять самимъ себѣ, для того, что благоразумная недовѣрчивость къ самому себѣ служилъ надежною опорой добродѣтели. —

Зломыслъ не сдержалъ своего слова, и какъ скоро пришли они въ садъ, то онъ началъ спорить, кричать и браниться.

Они качались около получаса, послѣ чего Зломыслъ предложилъ играть въ кляпы, и Добронравъ согласился на это. Они сыскали палки, выбрали себѣ въ саду удобное мѣсто и начали свою игру. Добронравъ проигралъ въ первой разѣ и безъ всякихъ отговорокъ пропрыгалъ до круга на одной ногѣ. При другой игрѣ проигралъ Зломыслъ; однако онъ заспорилъ и не хотѣлъ въ шомъ признаться. Добронравъ не уступилъ ему и утверждалъ по справедливости, что онъ выигралъ. Зломыслъ разсердился и началъ его ругать.

„Браниться съ тобою я не хочу, сказалъ Добронравъ, а несправедливости также не снесу. Что ты неправъ, въ эшомъ не лзя сомнѣваться. Я пойду домой, и съ нынѣшняго дня не хочу имѣть съ тобою никакова дѣла. Прости! „

Зломыслѣ закраснѣлся отъ злобы. „Такъ спупай же, бездѣльникъ!“, сказалъ онѣ и ударилъ Добронрава по головѣ палкою такъ, что онѣ упалъ на землю.

Всѣ дѣти. Ахъ злодѣй!

Добросердѣ. Увидѣвши, что Добронравѣ упалъ, Зломыслѣ испугался и въ страхѣ побѣжалъ къ садовнику. Подняли Добронрава и увидѣли, что лобѣ былъ у него разшибенъ. Старались податъ ему помощь, какую только можно было въ скорости найсти. Между шѣмъ Зломыслѣ выдумалъ ложь, и разсказывалъ, что онѣ невиноватъ въ этомъ приключеніи и что Добронравѣ ненарочно самъ ушибся.

Пріятель Добронравова опца былъ тогда дома съ Добронравовымъ учителемъ, которой зашелъ къ нему для того, что обѣ взяшь съ собою Добронрава прогуливаясь, и не ѣздилъ за-городъ, какъ то Зломыслѣ о немъ солгалъ. Они заботились обѣ отсутствіи своего питомца и не могли опгадать, куда онѣ ушелъ. — Предсавъше себѣ ихъ страхъ и печаль, когда прислали къ нимъ сказатъ о печальномъ приключеніи! — Какъ скоро услышали они эту вѣсть, то оба побѣжали въ садъ. Зломыслѣ былъ еще шамъ и разсказалъ имъ ту же выдумку, которую

прежде разсказывалъ садовнику. Добро-
нравъ могъ только знаками показывать,
что онъ лжешъ.

Время не позволяло разбискивать по-
длинную причину эпова приключенія и
дѣлать Зломыслу выговоры; и такъ оп-
вели бѣднаго Добронава домой. Онъ пре-
проводилъ ночь весьма худо; боль не да-
вала ему спать; но къ утру заснулъ онъ
и послѣ короткаго сна оправился сполько,
что могъ порядочно пересказать, какъ
онъ ушибенъ.

Пріятель отца его пошелъ къ своему
сосѣду и просилъ его, чтобъ онъ со Зло-
мысломъ пришелъ къ больному. Добро-
нравъ разсказалъ еще свое приключеніе,
не скрывая и не извиняя своего проступ-
ка, и уличилъ Зломысла такъ, что онъ
необходимо долженъ былъ признашся въ
шомъ, въ чемъ прежде упрямо заперался.
Онъ ушелъ съ опцомъ своимъ домой и
вытерпѣлъ заслуженное наказаніе, для
того, что кто другимъ зло причиняешъ,
шомъ самъ зло терпѣшь долженъ. Но
горе тому, кого наказаніемъ исправлять
должно. Рѣдко удается такому человѣку
исправившся въ самомъ дѣлѣ. Кто бы-
ваешъ добръ боясь только наказанія,
шомъ не упустишъ дѣлать проступки,
какъ

какъ скоро получишь случай дѣлать ихъ, ничего не опасаясь.

Добронравъ мало по малу выздоровѣлъ. Любовь и попеченіе учителя его во время его болѣзни показали ему, сколько онъ ему добра желаетъ. Тогда усмотрѣлъ онъ, что опсупая отъ своей должности, мы сами себя наказываемъ. Онъ раскаялся чистосердечно въ своемъ просупкѣ и твердо предпринялъ не залушавъ впредь никогда голоса совѣсти. —

Друзья мои! я вхожу теперь въ чувствованія добраго учителя. Кто имѣетъ такую пипомца, котораго онъ любитъ всемъ сердцемъ, — кто знаетъ лучшее награжденіе, нежели ша плаша, котораго онъ по недостатку принужденъ бываетъ брать за ученіе, — кому любовь, благодарностъ и почтеніе отъ родителей своего пипомца дороже ихъ денегъ — кто ищетъ удовольствія въ исполненіи своихъ должностей — того ничто не можетъ ушѣшить, когда онъ видитъ, что пипомецъ его прилѣпляется ко злу. Да, любезныя дѣти, повѣрьте мнѣ, что такая учитель, которой такъ думаетъ и такъ поступаетъ, терзается горестью, видя дурныя дѣла своего пипомца, и

жизнь его бываешъ ему неприятна. —
 Друзья мои! подумайте объ этомъ, что
 я вамъ шеперь сказалъ, и вспомните о
 томъ, когда случится вамъ прійти въ
 искушеніе оскорбитъ легкомысліемъ своимъ
 вашихъ родителей, либо учителя. —

Добронравъ исполнялъ свое предпріятіе.
 Родители его, примѣшивъ швердое
 его намѣреніе никогда впредь не проспу-
 паться, скоро его проспили. По возвра-
 щеніи ихъ, онъ самъ разсказалъ имъ
 огкровенно и съ раскаяніемъ обо всемъ,
 что съ нимъ случилось.

Не переставая бытъ прилѣжнымъ и
 послушнымъ своимъ родителемъ, совре-
 мянемъ сдѣлался онъ общепользнымъ
 человѣкомъ, и пришедши въ совершенной
 возрастъ жилъ благополучно и имѣлъ у
 себя дѣшею. Онъ полагалъ начало своего
 исправленія съ того дня, въ которой
 игралъ онъ со Зломыслемъ въ несчастливую
 игру. Онъ разсказывалъ своимъ дѣ-
 шамъ это приключеніе, показывалъ имъ
 знакъ, которой навсегда ошлся у него
 на лбу отъ палочнаго удара, и увѣщавъ
 ихъ научаться изъ его примѣра и подра-
 жать ему въ исправленіи себя.

О томъ же и я прошу васъ, любез-
 ные дѣши! Не забывайте никогда этой

повѣсти и вспомните о ней, когда сдѣлаете какойнибудь проступокъ.

Алексѣй. А что сдѣлалось со Зломысламомъ?

Добросердѣ. Онъ остался такимъ, каковъ былъ, ни чему не выучился и былъ ни къ чему не способенъ. Онъ записался въ службу, однако не долго въ ней пробылъ. Полковникъ его былъ доброй человекъ, но при томъ строгъ и требовалъ отъ своихъ подчиненныхъ исправности. Это было несносно для Зломысла; и такъ онъ пошелъ въ општакъ, возвратился къ своимъ родителямъ и проводилъ жизнь въ праздности. По смерти ихъ вдался онъ въ карточную игру и промоталъ все свое имѣніе; по томъ живши нѣсколько лѣтъ на чужой щепѣ, умеръ въ бѣдности и нищетѣ.

Лизанька. Развѣ не было у него жены и дѣтей?

Добросердѣ. По щасію онъ не женился. Могъ ли бы онъ быть добрымъ опцомъ, бывши споль худымъ сыномъ?

Алексѣй. И такъ ваша повѣсть кончилась?

Добросердѣ. Да, я сказалъ уже все, что скажете хотѣли, и ничего болѣе не осталось.

 XIX.

 Три разговора о воздухѣ.

Разговоръ первой.

Мать. Софія! когда жь подашь ты мнѣ вѣрѣ?

Софія. (выходя изъ другой комнаты.) Извинише меня, машушка; я шакѣ задумалась, что и позабыла вамѣ его принести.

Мать. О чемѣ же ты шакѣ задумалась?

Софія. Я помахалась вѣромѣ, и мнѣ удивительно показалось, что я не допрогивалась имѣ до лица, а чувствовала какѣ бы что-то допрогивается.

Мать. Помнишь ли ты, какѣ я прешьяго дня говорила тебѣ: „Софія! перестань шеперь рисовать и слушай то, что Отецѣ говоришѣ? „

Софія. Помню, машушка; но мнѣ хотѣлось тогда дорисовать цвѣтокѣ, которой я начала.

Мать. Есшьли бы ты опложила свое рисованье до другога времени, то бы узнала не только это, о чемѣ шеперь спрашиваешь, но еще и больше.

Софія. Развѣ башюшка говорилъ о томъ, что дрыпрогиваешься до лица, когда машешься вѣромъ?

Мать. Да, онъ говорилъ о томъ, изъ чего бы ты и это легко поняшь могла.

Софія. Впредь спану я прилѣжнѣе слушаю то, что башюшка говоритъ будешь; а теперь пожалуйста, скажите вы мнѣ, о чемъ онъ тогда говорилъ?

Мать. Вошѣ тебѣ еще опышѣ, какъ дурно не слушаю того, чему себя учаю. Что, ешьли я не сдѣлаю по швоей ярозьбѣ?

Софія. Ахъ нѣшѣ, мапушка! сдѣлайте милость, скажите, о чемъ башюшка тогда говорилъ?

Мать. Онъ говорилъ о воздухѣ и рассказывалъ, что шакое воздухъ.

Софія. А! теперь и я вспомнила, что онъ говорилъ о воздухѣ.

Мать. Но помнишь ли ты, что онъ о немъ сказывалъ?

Софія. Онъ сказывалъ, что воздухъ — погодише; я шопчасѣ вспомню — онъ сказывалъ, что воздухъ тѣло.

Мать. Изрядно; а еще что?

Софія. (думая и стараясь вспомнить.) Что воздухъ — — Однако, мапушка, какъ же воздухъ можешѣ бышь

шѣломъ? Развѣ есть еще другія шѣла, кромѣ шѣхъ, какія люди и другія живошныя имѣють.

Мать. Все, что ты видишь, слышишь, обоняешь, осязаешь и вкусомъ чувствуешь, все называется шѣломъ.

Софія. Мнѣ кажется, что я это когда-то уже слышала.

Мать. Можешь спасться; объ этомъ самомъ и говорилъ отецъ тогда, какъ ты рисовала и его не слушала. — Почему жь человеческое шѣло называется шѣломъ?

Софія. По тому, что я могу его осязать.

Мать. А кусокъ сахару что такое?

Софія. Также шѣло.

Мать. По чему?

Софія. Я чувствую вкусомъ, что онъ сладокъ.

Мать. А этошъ цвѣтокъ?

Софія. И онъ шѣло, по тому, что я его обоняю.

Мать. Теперь замѣшь еще то, что шѣлами называются особливо шѣ вещи, копорья можно брать въ руки, осязать и видѣшь. Разумѣешь ли ты меня?

Софія. Да, малушка; я разумѣю.

Мать.

Мать. Понимаешь ли теперь, что воздухъ шѣло?

Софія. (подумавши). Нѣтъ, я не могу еще этого понять. Какъ же можешь онъ быть шѣломъ? я его не вижу и не осязаю.

Мать. Подойди ко мнѣ поближе. *Софія* подходитъ ближе къ матери, и она машетъ на нее вѣромъ.) Чувствуешь ли ты что нибудь въ лицѣ?

Софія. Я чувствую, какъ бы что нибудь допригивается до лица.

Мать. Это самое, что ты чувствуешь въ лицѣ, когда машешься вѣромъ, и есть воздухъ, который ты пригоняешь къ лицу. — И такъ можешь ли ты воздухъ чувствовать?

Софія. Да, я лишь только теперь его чувствовала.

Мать. Еще ли ты сомнѣваешься, что воздухъ шѣло?

Софія. Нѣтъ, мамушка, теперь я уже понимаю, по чему воздухъ шѣломъ называется: его можно чувствовать. — Но скажите мнѣ, отъ чего это происходитъ, чѣмъ воздухъ такъ двигается можешь?

Мать. Онъ такъ же жидокъ, какъ вода.

Софія. Жидокъ ?

Мать. Да, жидокъ шакъ , какъ вода.

Софія. Что вода жидка, эшо я знаю, по шому , что всякой день ее вижу ; а воздуха мы не видимъ ; какъ же можно узнать , что онъ жидокъ ?

Мать. Маленькія часпицы , изъ кошорыхъ состоипъ вода , соединены гораздо площнѣе шѣхъ часпицъ , изъ кошорыхъ воздухъ состоипъ , и для шого-то воду видѣшь можно , а воздуха не можно.

Софія. Я еще не совсѣмъ васъ разумѣю.

Мать. Видала ли ты когда нибудь расплоленной свинецъ ?

Софія. Очень часпо.

Мать. И шакъ ты видала , какъ свинецъ бываетъ жидокъ.

Софія. Да, однако жъ онъ не сполько жидокъ , какъ вода.

Мать. Эшо правда , для шого , что часпицы , изъ кошорыхъ состоипъ расплоленной свинецъ , соединены гораздо площнѣе шѣхъ часпицъ , изъ кошорыхъ вода состоипъ . А какъ свинцовыя часпицы соединены гораздо площнѣе водяныхъ , шакъ и водяныя соединены гораздо площнѣе воздушныхъ часпицъ , кошорыя

рыя гораздо ихъ шонѣ. — Теперь по-
нянѣ ли для себя, какъ воздухъ мо-
жешъ бытъ жидокъ, хоня мы эшова и
не-видимъ?

Софія. Да, шеперь я понимаю. Мы
для шого не видимъ эшова, что часпицы,
изъ кошорыхъ воздухъ состоишѣ, гораздо
шонѣ водяныхъ часпицъ и не споль
плошно соединены.

Мать. Мнѣ кажешся, что ты до-
вольно меня выразишля. Но я хочу по-
казашъ тебѣ все эшо еще яснѣ, чшобѣ
ты опяшъ не позабыла. Пойди и прине-
си мнѣ чашку съ водою. Я покажу тебѣ
сколь много сходшва имѣешъ вода съ
воздухомъ.

*(Софія сдѣлала то, что ей было
приказано. Мать ся взяла сверну-
тую бумажку и водила ея по водѣ).*

Мать. Смощри, какъ вода вѣ обѣ
спороны разшупаешся, когда я вожу по
ней бумажкою; а какъ скоро я выну изъ
нее бумажку, шо она съ обѣихъ споронѣ
опяшъ сольешся, шакъ, что не може
будешъ узнать шого мѣшпа, по ко-
шорому я бумажкою водила.

Я скажу тебѣ, ошѣ чего эшо про-
исходишѣ. Ты знаешъ, что вода состо-
ишѣ изъ маленькихъ часпицъ, кошорыя

довольно плотно между собою соединены. Когда что нибудь положишь въ воду, то частицы раздѣляются; а какъ скоро опать эшо изъ воды вынешь, то раздѣленные частицы попрежнему сливаются вмѣстѣ и опать наполняютъ пустое мѣсто.

Воздухъ имѣетъ такое жь свойство. Онъ такимъ же образомъ раздѣляется и разступается въ обѣ стороны. Эшо бываетъ, когда ты машешься вѣромъ; ты разбиваешь тогда воздухъ, такъ же, какъ я теперь бумажкою разсѣкала воду. По томъ раздѣленные воздушныя частицы опать сливаются вмѣстѣ, и ты не чувствуешь больше движенія воздуха.

Софія. Теперь - то я совсѣмъ поняла, что воздухъ шло! — Также теперь узнала я и то, какъ птицы могутъ носиться по воздуху и не падаютъ на землю. Онъ плаваютъ по воздуху, такъ, какъ утки и гуси по водѣ. Не правда ли?

Мать. Точно такъ.

Софія. Я благодарю васъ за все эшо, чему вы меня научили. Но скажите мнѣ еще, къ чему служитъ воздухъ?

Мать. Я охотно бы исполнила твою просьбу, но теперь нѣтъ мнѣ времени; мнѣ пора ѣхать со двора. — Попроси своего учителя, чтобъ онъ тебѣ ска-
залъ,

залъ, къ чему служишь воздухъ, когда ему досугъ будетъ. Я надѣюсь, что онъ съ охотою это сдѣлаешь. Когдажь я домой приѣду, то перескажи мнѣ, что ты ошъ него услышишь.

(Окончаніе сообщено будетъ въ слѣдующемъ листѣ.)

XX.

Старикъ и трое юношей.

Осмидѣсятилѣтній старикъ садилъ дерева. — „Еще бы снѣсѣе было, естъ-либъ онъ домъ строилъ, говорили трое молодыхъ людей изъ его сосѣдовъ: „но въ такой старости садишь дерева, это безумно! Скажи намъ, какіе плоды надѣешься ты получить ошъ своей работы? Ты уже такъ старъ и дряхлъ. Для чего обременяешь ты жизнь свою заботами о томъ, чѣмъ ты пользоваться не будешь? Не думай впредь ни о чемъ, кромѣ спарыхъ своихъ грѣховъ. Оспавь свою надежду, оспавь высокія мысли; онъ только намъ приличны.“

„И вамъ онъ не приличны, оспвѣншвовалъ старикъ: „смершь равно можешъ прекра-

прекрасишь, какъ мой, такъ и ваши дни. Ни одна минута не опвѣчаетъ намъ за другую. — Но мудрой человѣкъ печется не о своемъ только удовольствіи, но также и о чужомъ. Правнукъ мой будетъ благодарить мнѣ за сіи дерева. Вотъ плоды моей работы, копорыми я и сегодня уже наслаждаюсь, и завтра и еще нѣсколько дней могу наслаждаться. Да! можешь быть я не однажды еще увижу сіяніе солнца и надъ вашими гробами. „

Старикъ сказалъ правду. Одинъ изъ сихъ трехъ молодыхъ людей, намѣренъ будучи ѣхать въ Америку, упонулъ въ гавани; другой, желая дослужиться значныхъ чиновъ, убитъ на сраженіи; третий лишился жизни, упавши съ дерева. Старикъ со слезами начерпалъ сію повѣсть на надгробномъ ихъ камнѣ.





ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ.

Аще око твое лукаво будетъ, все тѣло твое темно будетъ. Аще убо свѣтъ, иже въ тебѣ, тма есть, то тма кольми?
Матф. гл. 6, ст. 23.

Продолженіе разговоровъ о воздухѣ.

Разговоръ вшорой.

Какъ скоро Софіина машь уѣкала со двора, то Софія побѣжала къ своему учителю, чшобы сдѣлать ему пошѣ же вопросъ, на которой машь ея не имѣла времени отвѣчать. Однако онѣ не могъ на сей разъ пошчасъ удовольствоваться ея любопытство. Софія нашла его съ маленькими своими братьями въ саду. Они поливали салатъ, и она также должна была взять участіе въ ихъ работѣ. Учитель общалъ ей отвѣчать въ вечеру на всѣ ея вопросы.

И такъ они работали до вечера; а по томѣ учитель повелъ дѣшей на поле;
Часть IV. Но. 48. М м чшобик

чтобы встрѣпшишь ихъ родителей, которые посѣщали одного изъ своихъ пріятелей, жившаго въ сосѣдственной деревнѣ. Они пришли на берегъ небольшой рѣчки и сѣли тамъ. Тогда учитель началъ слѣдующій разговоръ.

Учитель. Что жь, Софія, кошѣла ты спросишь у меня о воздухѣ?

Софія. Мнѣ хочется знать, къ чему служишь воздухъ? Машушка увѣряла меня, что вы можете мнѣ это сказать.

Ведоръ. Не уже ли ты еще не знаешь, къ чему воздухъ служишь? Башюшка давно уже намъ объ этомъ сказывалъ.

Андрей. Какъ ей это знать? Ее не было тогда дома, когда башюшка говорилъ съ нами о пользѣ воздуха.

Павелъ. Я самъ уже позабылъ, что башюшка сказывалъ. Позвольте и мнѣ теперь еще послушать.

Учитель. Изрядно, шолько слушай прилѣжно, чтобы опять не позабышь.

Ведоръ и Андрей. И мы также сядемъ около васъ и будемъ слушать.

(Дѣти сѣли вокругъ своего учителя и приготовились слушать его.)

Софія. И такъ къ чему жь служишь воздухъ?

Учитель. Ко многому, весьма ко многому. Безъ него никакая шварь жить не можеть; безъ него люди не могли бы ничего слышать; вы не могли бы разумѣть ни одного слова изъ всего, что я съ вами говорю; не было бы слышно ни самава славова голоса, ни сильнова громоваго удара, ешь ли бѣ не было воздуха.

Софія. О нѣшѣ! переспаньше шушишь; скажите мнѣ вѣ самомѣ дѣлѣ, къ чему воздухъ служить.

Андрей. Эпо не шушка. Башюшка намѣ почпи эпо же самое сказывалѣ.

Учитель. Я вѣ самомѣ дѣлѣ говорю, что мы не могли бы ничего слышать, не могли бы ни одного слова выговорить, ешьли бы мы не были окружены воздухомѣ.

Софія. Я знаю, что вѣ закрышомѣ мѣспѣ, куда воздухъ не проходитѣ, жить не можно.

Ведорѣ. Эпо испышалѣ швой чижикѣ, когда ты посадила его вѣ коробочку и заперла. Не правда ли?

Софія. Да, и какѣ я послѣ пришла посмопрѣть его, шо нашла его уже мершвова. Мапушка сказала мнѣ, что я сама вѣ шомѣ виновата и бѣдная пшичка умерла ошѣ шого, что я заперла ее вѣ

коробочку, куда воздухъ проходитъ не могъ.

Учитель. И такъ ты уже знаешь одну важную пользу, какую живошныя ошъ воздуха имѣютъ; ты понимаешь, что безъ воздуха не могли бы мы дышать и не могли бы жить, но скоро бы умерли, такъ, какъ швой чижикъ.

Софія. Но какъ же воздухъ нуженъ къ тому, чтобъ мы могли слышать ваши слова, и по чему безъ него не могли бы мы ничего слышать?

Учитель. Пойдемъ къ рѣкѣ; я покажу вамъ это ясно на водѣ.

(Они встали и подошли къ рѣкѣ.)

Учитель. Теперь примѣчайте, что увидите вы на водѣ, когда я брошу въ нее камень. *(Онъ бросилъ камень въ рѣку.)* Видишь ли ты, Софія, маленькіе и большіе круги около того мѣста, куда камень упалъ?

Софія. Да, я вижу.

Учитель. Видишь ли, что они не равны, но чѣмъ ближе къ тому мѣсту, куда камень упалъ, тѣмъ меньше, а чѣмъ далѣе отъ того мѣста, тѣмъ больше. Примѣтила ли ты это?

Софія. Примѣтила.

Учитель. Вошъ всѣ круги уже исчезли и ни одного изъ нихъ не видно.

(Они пошли и свли на прежне мѣсто.)

Учитель (Софія.) Ты уже знаешь, что воздухъ жидокъ, такъ же, какъ вода. Не правда ли?

Софія. Да, это мнѣ сегодня ма-шуска показывала.

Учитель. И такъ я могу еще больше тебѣ объ этомъ сказать.

Когда мы говоримъ, то языкъ и губы производятъ въ воздухъ такое же движеніе, какое ты видѣла въ водѣ, когда я бросилъ въ нее камень; а отъ того происходятъ и въ немъ такіе же круги, какіе въ водѣ. Такіе круги доходятъ до нашихъ ушей и касаются до нашего уха, и такимъ образомъ слышимъ мы голоса, или другіе звуки, какъ вблизи, такъ и вдали.

Круги въ воздухѣ, копорые происходятъ отъ того, когда мы говоримъ, такъ же разширяются во всѣ стороны, какъ и на водѣ, и чѣмъ ближе мы къ помд человеку копорой говоримъ, тѣмъ сильнее ударяются они въ нашъ слухъ; а чѣмъ дааѣе мы отъ него, тѣмъ слабѣе они ударяются. Вошъ отъ чего про-

исходитъ то, что мы издали не такъ хорошо слышимъ, когда кто нибудь говоритъ, какъ вблизи.

Софія увѣрляла учителя, что она все хорошо поняла, и благодарила его. Она хотѣла еще продолжати эшотъ разговоръ; но братья ея увидѣли вдали карету, въ которой отецъ ихъ и мать возвращались изъ деревни. Всѣ поспѣшали къ нимъ на встрѣчу; и такъ Софія должна была оплошиться свое любопытство до другаго времени.

Разговоръ прешій.

На другой день дѣти съ обыкновенною откровенностію рассказали своему отцу обо всемъ, что онъ вчера дѣлалъ и что слышали. Отецъ похвалилъ ихъ упражненія и обѣщалъ имъ, въ вечеру рассказать нѣчто въ прибавокъ ко вчерашнему ихъ разговору съ учителемъ, чего онъ еще не знали.

Въ вечеру, когда всякой сдѣлалъ свое дѣло, отецъ по обыкновенію пошелъ со всѣми своими дѣтьми на поле. Любопытная Софія не упустила напомнить ему его обѣщаніе.

„Издно, сказалъ онъ. „Хотя вы довольно уже много слышали о воздухѣ, однако

однако оспашся еще не мало, чего вы не знаете. На примѣрѣ, эшо будешь для вась новое, когда я вамь скажу, что воздухъ сохраняешь насъ отъ многихъ болѣзней.

Софія. Какъ же эшо, бапюшка?

Отцѣ. Всѣ вы знаете, что люди и другія животныя имѣюшъ теплую кровь; также знаете и то, что воздухъ жидокъ и очень тонокъ, что онъ гораздо тонѣе воды. Не правда ли?

Дѣти. Да, мы эшо знаемъ.

Отцѣ. И такъ теплая кровь, которая безпрестанно въ движеніи, скоро сдѣлалась бы такъ горяча, что мы не были бы въ состояніи эшова вышерпѣшь, за-немогли бы и умерли мучительною смертію. Эшо не должно казашься вамъ удивительнымъ. Оно произошло бы въ самомъ дѣлѣ, естли бѣ свѣжій воздухъ не проходилъ безпрестанно въ легкое, не пробираясь во всѣ жилы и такимъ образомъ смѣшиваясь съ кровью, не прохлаждалъ ее. Но чрезъ эшо кровь охраняется отъ излишняго жару и не больше удерживаетъ теплоты, какъ сколько надобно для нашего здоровья.

Федоръ. Однако, бапюшка, воздухъ не всегда можешь свѣжь оспашься; онъ

такъ же можешъ нагрѣться, какъ и кровь; какая жь польза отъ того, что онъ смѣшивается съ кровью?

Отецъ. Онъ безъ сомнѣнія нагрѣвался бы такъ же, какъ и кровь, естлибъ онъ оставался въ крови; но ты долженъ уже примѣнить, что когда мы дышемъ, то и вбираемъ въ себя воздухъ и опять потчасъ выпускаемъ; а потъ воздухъ, кошорой смѣшивается съ кровью, также опять отъ нее отдѣляется, выходитъ посредствомъ непримѣнныхъ отверстій, кошорыхъ въ нашемъ тѣлѣ безчисленное множество, и оставаяетъ мѣсто свѣжому воздуху. Понимаешь ли ты, какъ это происходитъ?

Ведоръ. Понимаю, башюшка.

Отецъ. Сверхъ того воздухъ, выходя изъ тѣла, уноситъ съ собою много вредной для здоровья нечистоты, и чрезъ это сохраняетъ насъ отъ многихъ болѣзней. — Когда вы бросите въ рѣку кусокъ дерева, или что нибудь шакое, то вода либо потчасъ уноситъ его съ собою, либо вскорѣ опмываетъ отъ берега, естли онъ остановився. Точно такъ же и воздухъ уноситъ съ собою изъ тѣла нечистоту, о кошорой я говорилъ. Разумѣете ли вы это?

Софія и Федоръ. Разумѣемъ, бапюшка, разумѣемъ.

Отецъ. Но какъ въ водѣ естъ много маленькихъ постороннихъ частицъ, которыя въ ней плавають; равно такъ же и въ воздухѣ бывають такія постороннія частицы, которыя могутъ иногда быть очень вредны для нашего здоровья. Изъ этого можете вы сами понять, что надобно разумѣть, когда говорятся о чистомъ и нечистомъ, о вредномъ и здоровомъ воздухѣ.

Павель. Когда говорятъ, что воздухъ нечистъ, то надобно разумѣть, что въ немъ много постороннихъ частицъ; а когда въ немъ меньше такихъ частицъ, тогда онъ бываетъ чище.

Федоръ. А естли бы совсѣмъ не было въ немъ постороннихъ частицъ, тогда бы онъ былъ совсѣмъ чистъ.

Андрей. И чѣмъ чище воздухъ, или чѣмъ меньше бываетъ въ немъ постороннихъ частицъ, тѣмъ онъ здоровѣе.

Отецъ. Вы всѣ шрое правду сказали. Теперь скажите мнѣ еще, для чего воздухъ бываетъ вреденъ здоровью, когда онъ нечистъ, или когда въ немъ много постороннихъ частицъ?

Софія. Я думаю, для того, что такія частицы проходятъ вмѣстѣ съ нимъ въ нашу кровь.

Федоръ. А отъ этого и кровь становится нечиста и начинаетъ гнить.

Отецъ. Это правда; еще жъ такія частицы прилипаютъ къ легкому, отъ чего происходитъ кашель и другія болѣзни. — И такъ вы видите, сколько нечистой воздухъ можетъ быть вреденъ.

Андрей. Но отъ чего жъ такія нечистыя частицы бываютъ въ воздухѣ?

Отецъ. Онѣ безпрестанно съ земли вверхъ поднимаются, и воздухъ уноситъ ихъ съ собою, какъ-то я вамъ уже сказывалъ.

Такія маленькія частицы, которыя поднимаются вверхъ съ земли, или съ какихънибудь вещей, называются *испареніями*, или просто *парами*. Онѣ по большей части поднимаются не высоко отъ земли, и для того-то на горахъ и на другихъ высокихъ мѣстахъ воздухъ бываетъ гораздо чище, легче и здоровѣе, нежели въ низкихъ мѣстахъ, гдѣ онѣ отъ многихъ паровъ становятся гуще, тяжелѣе и вреднѣе.

Софія. Но отъ чего это происходитъ, что вверху воздухъ бываетъ чище,

чище, нежели внизу, и что пары не поднимаются высоко отъ земли. Мнѣ кажется, что имѣ бы надобно часъ отъ часу выше поднимаешься, выше самыхъ высокихъ горъ; и кудажь они наконецъ дѣваются?

Олець. Ты напомнила мнѣ своимъ вопросомъ еще объ одномъ благодѣтельномъ свойствѣ воздуха. — Пары собираются въ облакахъ и падаютъ опять на землю въ росъ, дождь, снѣгъ, или градъ. Это полезно для всякихъ растений, какъ для самыхъ маленькихъ травокъ, такъ и для самыхъ высокихъ деревьевъ. Если жь эшова не бываетъ, то пары разбиваются молніею и громомъ, что случается особливо лѣшомъ. — Но по большей части разбиваетъ ихъ самый воздухъ. Они поднимаясь вверхъ, приводятъ его въ движеніе, а самое это движеніе и раздѣляетъ ихъ и разгоняетъ врознь, такъ, что они нигдѣ не могутъ скопляться. Когда жь умѣренное движеніе воздуха не можеть разбить пошороннихъ частицъ, то оно становится сильнѣе, и происходятъ вѣшры и бури. Хотя такія бури и сильные вѣшры иногда причиняютъ много вреда, а особливо кораблямъ на морѣ; однако эшотъ вредъ нощи

почти ничего не значить въ сравненіи съ большою пользою, какая ошѣ нихѣ происходитъ.

Въ другое время покажу я вамъ все что ясиѣе; а теперь, кажется мнѣ, пора уже намъ ийти домой.

Павель. А! теперь-то я знаю, какая польза ошѣ воздуха, когда и вѣтрѣ ошѣ него же бываетъ.

Отецъ. Конечно; вѣтрѣ не иное что, какъ только сильное движеніе воздуха. — Однако намъ не надобно медлить; пойдемъ домой; мы можемъ и идучи говорить, если кто изъ васъ хочетъ еще чтонибудь сказать, или спросить о чемънибудь.

(Дѣти все встали и пошли домой.)

Павель. Мѣльникамъ вѣтрѣ очень надобенъ, для того, чтобы жабѣ молоко.

Отецъ. Въ самомъ дѣлѣ, онѣ очень нуженѣ въ пѣхѣ мѣспахѣ, гдѣ жабѣ мѣлюшѣ на вѣтряныхъ мѣльницахѣ.

Федоръ. И я знаю одну пользу ошѣ вѣтру.

Отецъ. А какую?

Федоръ. Онѣ пригоняетъ дождевыя и громовыя тучи шуда, гдѣ онѣ нужны; онѣ

онъ же и разбиваетъ ихъ; чшобы гроза не слишкомъ была сильна.

Отецъ. И эшо правда.

Андрей. Вы мнѣ сказывали, что вѣспрѣ разноситъ по лугамъ сѣмяна, а безъ эшова не было бы на нихъ столько разныхъ правъ и цвѣшовъ.

Отецъ. Такъ. Теперь, Софія, оспашся тебѣ чшо нибудь сказашь; опѣ тебя шолько мы ничего еще не слышали.

Софія. Мнѣ кажется, и эшо не малая польза опѣ вѣспру, чшо онъ прохлаждаетъ въ жаркіе лѣшніе дни.

Отецъ. И нвое примѣчаніе не дурно. — Однако не вспомнитъ ли кто еще чего нибудь?

(*Дѣти всѣ молчали.*)

Отецъ. Мнѣ пришло на умъ одно обспояшельство, для копорого воздухъ, или вѣспрѣ, необходимо нуженъ. — Вы чаше слышали о славномъ Колумбѣ, копорой нашелъ Америку. Какъ могъ онъ шуда дойти?

Ведоръ. Онъ доплылъ шуда на кораблѣ по морю.

Софія. Эшо не новое; мы и безъ тебѣ знали, чшо онъ доплылъ на кораблѣ, а не въ карешѣ доѣхалъ.

Отецъ. А что для корабля нужно, чтобы ильшь по морю.

(Дѣти догадавшись, закричали всѣ вмѣстѣ: „вѣтрѣ! вѣтрѣ!“)

Софія. Удивительно, какъ намъ эшо потчасѣ на умѣ не пришло!

(Разговоръ перемѣнился, и отецъ разсказывалъ дѣтямъ о великой пользѣ и необходимости мореплаванія, пока онѣ пришли домой.)

XXI.

Должно привыкать, сколько можно, обходиться безъ чужой помощи.

Маленькой Антонъ споялъ у окошка и смотрѣлъ, какъ дикіе гуси лешѣли.

„Башюшка, спросилъ онѣ у опца: „дворовые гуси лѣшають ли шакъ же, какъ дикіе?“

„Нѣшѣ, ошвѣчалъ опецъ.

Антонъ. А кто кормишѣ дикихъ гусей?

Отецъ. Никшо.

Антонъ. Какъ же они живуть?

Отецъ. Они сами для себя кормѣ находятѣ.

Антонъ. А зимою?

Отецъ.

Отецъ. На зиму улешаюшъ они въ шеплыя земли, а весною опяшь сюда прилешаюшъ.

Антонъ. Для чего жь дворовые гуси шакже не улешаюшъ на зиму въ шеплыя земли?

Отецъ. Они получаюшъ кормъ отъ людей и не имѣюшъ нужды искашь его; для шого-шо не привыкли они и не умѣюшъ лѣшашъ.

Ты можешъ изъ эшова научишься, чшо дѣшямъ очень нужно привыкашь сколько можно обходишься безъ чужой помощи, самимъ одѣвашься и дѣлашь все, чшо шолько можно самому дѣлашь. Когда жь взрослые люди будушъ во всемъ имъ прислуживашъ, шо онѣ шакже не привыкнушъ ничего для себя дѣлашь, какъ дворовые гуси лѣшашъ не привыкли.

Антонъ. О! я спшану спшарашься дѣлашь самъ все, чшо шолько можно, чшо-бы и со мною эшова жь не случилось.

XXII.

Примѣръ дружбы.

Евдаמידъ имѣлъ двухъ друзей, Хариксена и Арешей. Онъ былъ бѣденъ, а друзья его были богаты, и для того при смерти сдѣлалъ онъ слѣдующее завѣщаніе.

„Арешейю поручаю содержать мать мою въ старости. Хариксену оставляю дочь мою, чтобъ онъ выдалъ ее замужъ, давши ей достаточное приданое. Если же ктонибудь изъ нихъ умретъ, то оставшійся въ живыхъ долженъ принять на себя попеченіе какъ о матери, такъ и о дочери моей.“

Поспоронніе люди смѣялись сему завѣщанію; но друзья умершаго съ радостію исполнили его волю. Черезъ недѣлю послѣ того Хариксенъ умеръ. По смерти его Аршей не только давалъ достаточное содержаніе Евдамидовой матери, но принявши къ себѣ и дочь его, выдалъ ее замужъ и снабдилъ ее такимъ же приданымъ, какое далъ собственннй своей дочери.



ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ.

Никтоже можетъ двѣма господиномъ работати: либо единого возлюбитъ, а другаго возненавидитъ, или единого держится, о друзѣмъ же не радити начнетъ. Не можетъ Богу работати и мамонѣ. Матф. гл. 6, сш. 24.

XXIII.

Достопамятное происшествіе въ натурѣ.

Многія чрезвычайныя происшествія въ натурѣ дѣлаютъ 1783 годѣ достопамятнымъ. Къ симъ происшествіямъ принадлежатъ разорительныя землетрясенія въ Италіи и Сициліи, электрической шуманъ, распространявшійся лѣпомъ во всей Европѣ, особливо жъ новой оспровѣ, появившійся недалеко отъ Исландіи. Сіе послѣднее происшествіе извѣстно по вѣдомостямъ, однако извѣстія о немъ споль неполны, что не можно еще составить изъ нихъ довольно яснаго и основательнаго описанія. Можно думать,

Часть IV. No. 49. Н н мать,

мать, что со времени сотворенія міра не мало происходило такихъ достопамятныхъ приключеній, и что многія страны получали отъ него совсѣмъ иной видъ, нежели какой онѣ сначала имѣли.

Достоувѣрныя извѣстія нѣкоторыхъ путешественниковъ, повѣстующихъ подобныя примѣры, увѣряющъ, что не въ первой уже разѣ поднималась твердая земля изъ морской глубины. Въ 1707 году появился на Греческомъ морѣ, или Архипелагѣ, новый островъ. Сіе произошло слѣдующимъ образомъ.

На помянутомъ морѣ находится островъ Санпорини, которой, по увѣдомленію древнихъ, также вышелъ изъ моря при сильномъ землетрясеніи. Въ 1707 году, 23 Марта, въ заливѣ сего острова примѣчено было вдали нѣчто подобное плавающей горѣ. Сначала почли, что за осатпки разбитаго корабля, и нѣсколько мажоровъ отправились осмотрѣть изблизи мнимой корабль. Но какъ они удивились, увидѣвши, что каменная гора начинала подниматься изъ глубины морской! На другой день отправились они еще со многими другими людьми осмотрѣть сіе чудное явленіе, и нашли, что гора была еще въ движеніи, поднималась примѣтно вверхъ, и выносила съ собою

изъ

изъ моря разныя вещи, а между прочимъ чрезвычайно большія устрицы и нѣкопорой камень весьма похожій на сухарь.

За два дни предъ тѣмъ, какъ сія гора появилась, чувствовано было на всемъ оспровѣ Саншорини землетрясеніе, которое чаятельно происходило отъ движенія сея горы.

Новой оспровѣ увеличивался даже до 4 Іюня, однако безъ землетрясенія въ околныхъ мѣстахъ, и въ сіе время распространился на половину Англійской мили въ длину, въ вышину жь поднялся на 25 футовъ. Вода вокругъ его была весьма мутна, для того, что день и ночь поднималось со дна множество разныхъ матерій, особливожь много разныхъ родовъ земель и камней, какъ то можно было распознать по цвѣтамъ, которыя вода принимала. Болѣе всего виденъ былъ сѣрной цвѣтъ, такъ, что море на 20 миль вокругъ было желто, какъ сѣра. Мутная вода вблизи оспрова волновалась гораздо сильнѣе, нежели вдали, и была столь горяча, что послѣ найдено въ ней было множество мершвой рыбы.

Іюля 16, въ то время, какъ солнце спояло надъ новымъ оспровомъ и надъ небольшимъ оспровомъ Камени, по-

явилось 17 черныхъ горъ, которыя под-
нялись изъ морской глубины на подобіе
спросника. Сначала всѣ онѣ были особ-
ливо, но по томъ начали основанія ихъ
соединяться и сходились съ новымъ остро-
вомъ, копорой казался тогда бѣлымъ.
Черезъ два дни появился густой дымъ,
какъ бы изъ трубы, и въ то же время
слышанъ былъ подземной прескъ. 19 чи-
сла помянушаго мѣсяца горы соединились,
составили особливою островъ и начали
выбрасывать изъ себя ясное пламя, копо-
рое сперва было не велико, но мало по малу
увеличивалось, чѣмъ болѣе становился
островъ. Сіе пламя производило несносную
и столь нездоровую вонь, что въ со-
сѣдственныхъ мѣстахъ происходили отъ
того болѣзни. Бѣлой островъ примѣрно
прибавлялся въ вышину, между тѣмъ,
какъ черной распространялся въ длину,
и скоро оба они соединились. Огонь сдѣ-
лалъ въ горахъ отверстія, чрезъ кото-
рыхъ выбрасывалъ множество перегорѣлыхъ
камней, при чемъ слышанъ былъ звукъ
подобной пушечнымъ выстрѣламъ. Сіи
камни часто летали столь высоко, что
терялись изъ виду и за три мили отъ
острова падали въ море. Такое выбра-
сываніе отъ времени до времени увеличи-
валось

шалось. Когда оно происходило, тогда виденъ былъ сильный огонь, за которымъ послѣдовалъ спрашной черной дымъ. Иногда сей дымъ смѣшанъ былъ съ пепломъ и представлялся густымъ разноцвѣшнымъ облакомъ, которое мало по малу раздроблялось въ самую мелкую пыль и на подобіе дождя падало въ море и на сосѣдственную землю; иногда видны были глыбы раскаленнаго пеплу; иногда жь вылетали въ великомъ множествѣ раскаленные камни, которые свѣпились весьма ясно и покрывая небольшой сосѣдственной островъ, представляли весьма пріятное зрѣлище.

Сей островъ увеличился до 3 миль въ окружности и до 40 фузовъ въ вышину. Онъ и понынѣ состоишь еще только изъ нерегорѣлыхъ камней. (*)

Н и з

XXIV

(*) Для молодыхъ читателей не бесполезно будетъ, если они постараются приискать на ландкартѣ острова, о которыхъ здѣсь упоминается, и вычислить, сколько Россійскихъ верствъ и аршинъ содержится въ употребленной здѣсь Англійской мѣрѣ.

 XXIV.

Лискодотъ.

Въ Парижѣ была нѣкогда чрезвычайная дороговизна въ хлѣбѣ, ошѣ чего многіе бѣдные люди должны были терпѣшь голодѣ. Въ то время жилъ шамъ одинѣ весьма доброй и жалосливой Принцѣ, кошорой назывался Герцогомѣ Орлеанскимѣ. Онѣ радовался, когда имѣлѣ случай подашъ помощь спраждушимѣ, и никогда не упускалѣ шакихѣ случаевѣ.

Однажды поушру прогуливался онѣ одинѣ въ большомѣ саду, одѣшѣ) будучи такѣ, какѣ проспой мѣщанинѣ. Вдругѣ выскочилѣ изѣ-за куста человекѣ, приспазилѣ ему ко груди пистолетѣ и пребовалѣ ошѣ, него чешырехѣ луидоровѣ. Видно было, что сей человекѣ не привыкѣ еще къ эшому безчешному промыслу, пошому, что онѣ дрожалѣ и былѣ такѣ блѣденѣ, какѣ мертвой.

Герцогѣ посмошрѣлѣ на него съ сожалѣніемѣ, далѣ ему пребуемая деньги и совѣшвалѣ впредѣ досшавашъ себѣ пропишаніе не споль безчешнымѣ образомѣ. — Разбойникѣ пошелѣ. Герцогѣ не выпускалѣ его изѣ виду, пока онѣ вышелѣ изѣ саду; а по шомѣ призвавши одного изѣ своихѣ

своихъ слугъ, приказалъ ему итти за симъ человекомъ и примѣчать, куда онъ пойдеть; самъ же поѣхалъ спокойно домой и не сказалъ никому о своемъ приключеніи.

Слуга, возвратившись, рассказалъ Герцогу, что разбойникъ, копорой былъ бѣдной ремесленникъ, пошелъ сперва къ хлѣбнику и заплашилъ ему два луидора спараго долгу, потомъ купилъ себѣ нѣсколько чернаго хлѣба и побѣжалъ домой; а живеть онъ въ дальнемъ глухомъ переулкѣ, въ маленькой комнапкѣ подъ самую кровлею.

На другой день Герцогъ, взявши съ собою нѣсколько слугъ, поѣхалъ въ попѣ домъ, гдѣ жилъ ремесленникъ; взошелъ по худымъ лѣспницамъ къ его комнапкѣ и постучался у дверей. Ремесленникъ самъ отворилъ двери. — Какое зрѣлище представилось Герцогу! онъ увидѣлъ больную женщину и шестерыхъ дѣшей изнемогшихъ отъ голоду; онъ лежали на полу; смершная блѣдность видна была на ихъ лицахъ, и нѣсколько вѣшкихъ лоскушковъ прикрывало ихъ нагошу.

Нещастной отецъ сего бѣднаго семейства долго не могъ отъ спраху выговорить ни одного слова. Наконецъ бросилъ

я онѣ на колѣни предѣ Герцогомѣ и говорилъ дрожащимѣ голосомѣ, указывая на жену и дѣшей своихѣ :

„Государь мой ! вопѣ что принудило меня ограбить васѣ. Нещастная моя семья три дни не имѣла куска хлѣба ; хлѣбникѣ , которому я былѣ долженѣ , не хотѣлъ мнѣ больше вѣрить . Я видѣлъ жену и дѣшей моихѣ умирающихѣ сѣ голоду ; опчаяніе овладѣло мною , я выбѣжалѣ отсюда , встрѣтился сѣ вами , и сдѣлалѣ то , чего бы вѣ другое время не сдѣлалѣ ни за что вѣ свѣстѣ . Предайте меня правосудію ; я заслужилѣ смертную казнь и умру охотно . Но естли (продолжалѣ онѣ , обнимая Герцоговы колѣна) естли сердце ваше можетѣ почувствовать сожалѣніе , то сжалитѣсь надѣ несчастною моею женою , сжалитѣсь надѣ бѣдными моими дѣшми . „

Больная жена и дѣши также пали кѣ ногамѣ Герцога и упрашивали его со слезами и рыданіемѣ , чтобѣ онѣ сжалитѣсь надѣ несчастнымѣ ихѣ опцомѣ .

Герцогѣ споль былѣ пронутѣ симѣ зрѣлищемѣ , что самѣ заплакалѣ . Онѣ приказалѣ всѣмѣ успокоитѣсь и увѣщалѣ бѣднаго человекѣ , чтобѣ онѣ никогда не осмѣливался дославатѣ прощаніе споль

опчаяннымъ способомъ ; по томъ опдалъ ему свой кошелекъ и приказалъ купить все нужное для своего семейства и прійти къ нему въ домъ.

Тогда несчастные сіи узнали Герцога. Не можно описатьъ , какъ они испугались. Бѣдной ремесленникъ хотѣлъ еще просить у него прощенія ; но доброй Герцогъ не допустилъ его до того и повторилъ свое приказаніе , чпобѣ онъ къ нему пришелъ.

Ремесленникъ исполнилъ сіе приказаніе. Герцогъ опредѣлилъ давать ему помѣсячно нѣсколько денегъ на содержаніе его семейства и назначилъ ему работу въ своемъ домѣ , за которую могъ онъ получать хорошую плату.

Тронущей такимъ благодѣніемъ ремесленникъ заливался слезами благодарности , и съ того времени не проходилъ ни одинъ день , въ которой бы онъ со всемъ семействомъ не молился Богу со слезами о своемъ благодѣшелѣ.

XXV.

Бабочка съ золотыми крылышками, стрекоза съ тоненькими ножками и прилѣжная пчелка. Сказка.

„Ахъ, машушка! какую давича я видѣла прекрасную бабочку!“, сказала однажды молодая Милока своей машерѣ. — „Гдѣ ты видѣла ее, дитя моя?“, спросила усмѣхнувшись Прозорлида (такъ называлась ея машь). — „Вонъ тамъ машушка, за нашимъ домомъ, на розанѣ. Какіе у нее крылышки! — золотые — и сама такая пригожинькая. Еще пупъ же недалеко видѣла я спрекозу; и она мнѣ полюбилась. Я ловила, ловила ее; нѣшъ, не поимала. Какія у нее легкія и поненькія ножки! какъ пріятно она поешъ! А бабочка еще лучше. Ахъ! ешьли бы вы сами ее посмотрили! — Пойдемъ, машушка туда къ ней.“ — „Хорошо, пойдемъ, сказала Прозорлида: „посмотримъ, что за бабочка съ золотыми крылышками.“

Прозорлида была искусная и умная волшебница. У сосѣдки ея были три дочери: одна называлась Краса, другая Прыга, а третья Доума. Прозорлида примѣтила, что одиннадцатилѣтняя ея дочь Милока часто

это зовешь къ себѣ играть въ куклы двухъ первыхъ, а прешью никогда, для того, что шѣ были рѣзвы и щеголеваты, а *Доума* была постоянная и прудолубивая дѣвушка, но не такъ нарядно ходила. И такъ волшебница захотѣла сыграть волшебную шутку, превративши *Красу* въ золошкрылую бабочку, *Прыгу* въ спрекозу, а *Доуму* въ прилѣжную пчелку, дабы показать своей дочерѣ, сколь несправедливъ ея выборъ. —

— „Такъ это та бабочка, *Милока?*“,
 — „Да, мапушка, это она, которую я давеча видѣла; видно она любитъ эшотѣ цвѣточикѣ. Какія у нее крылышки; посмотрише. Она всегда садится на хорошенькіе цвѣточки: не сядетъ на репейникѣ, или на крапиву. — Ахъ! да куда же она лешитъ отъ насъ? — Къ вон-этому болоту! — Вишь она замараетъ шамъ свои крылышки. А! нѣшѣ, она сѣла на осокѣ. — Постойше здѣсь, мапушка, я побѣгу за нею и догону ее. — „Куда ты побѣжишь, *Милока!* куда? Здѣсь очень топкое мѣсто; ты утонешь; послѣ прудно тебѣ будетъ выйши.“ — „Нѣшѣ, мапушка, право не утону; я пойду по эшой травѣ, которая растетъ на болотѣ.“ — „Да смотри же, берегись, чтобъ не утонушь за своею бабочкой!“ „Ка-

Милока бѣжипѣ ; *Прозорлида* кричипѣ ей вѣ слѣдѣ: „эй! — не упони же.,, — „Кажешся, я здѣсь не упону; — нѣшѣ, вошѣ какая большая шрава! Я на-шереблю эшой осѣки и положу ее на шраву, такѣ крѣпче будетѣ, и уже нѣчего бояшься. — Прекрасная ба-бочка! какѣ ты хороша! у тебя чернинькіе глазки, у тебя золотые кры-лышки, — я тебя изловлю, изловлю. — Ахѣ! машушка, машушка! упонула я, упонула; помогите.,, — „Я сказывала шибѣ, глупицькая, что ты здѣсь упо-нешѣ. Видишь ли, какое опасное мѣсто? Вошѣ куда завела шебя пригожинькая швоя бабочка. — „Такѣ, машушка, я виновата. — Пропадай она и сѣ золотыми кры-лышками; нѣшѣ, опять не погонюсь.

Милока отдохнула, и не хочешѣ уже гоняшься за бабочкою.,, — Посмо-три же ты, бѣдное дитя, говорила *Про-зорлида*, на эшу пчелку. Какѣ она пошоян-на! какѣ долго сосешѣ сладкіе соки изѣ цвѣтчиковѣ! какая пріятная работа! Она шеперь сидипѣ на розѣ и скоро поле-тишѣ вѣ свой домѣ загошєвляшь сѣбѣ пицу на зиму. Она не лєтаешѣ на боло-то, чтобѣ шамѣ сѣ негодныхѣ и вредныхѣ расшѣнній собирашь медѣ. Она умна и ос-
шра

пра на выдумки. Какъ въ ея домъ все порядочно! Она прилѣжна и не проживаетъ лѣпо въ праздности, какъ рѣзвая бабочка. —

Прозорлида какъ ни хвалила пчелку, но *Милокъ* скучно было слушать о ней. — „Нѣтъ, мапушка, что въ ней? Я не могу любить ее; видите, какая она сердитая на взглядъ; да она же и жалитъ. Однажды хопѣла я сорвать цвѣточикъ, на копоромъ она сидѣла, и она меня очень больно укусила.“

„— На что ты рвала въ то время цвѣточикъ? ты ей помѣшала шрудиться.“ — „Нѣтъ, мапушка, что въ ней? оставимъ ее, и пойдѣмъ къ этой спреюзѣ; вонъ она тамъ! — — — Гдѣ она? укажи мнѣ, *Милока*.“ — „Вонъ тамъ, мапушка, въ высокихъ конопляхъ. Слышите ли, какъ она поетъ? — Пойдемте..“

— „Эта она, *Милока*, съ поненьками ножками?“, — „Да, мапушка, она съ поненькими ножками; посмотрише, какъ она скачетъ съ одной конопельки на другую; а поетъ-то какъ! послушайте — прс, прс, прс.“ — „Да, любезная дочь, она хорошо поетъ и высоко прыгаетъ;

для эшова, видно, она и нравится шебѣ; но посмотришь будешь ли она пѣшь зимою.

Споль сильная волшебница, какова была *Прозорлида*, могла все дѣлать, что сполько ей было надобно. Она оборотилась къ сѣверу, машетъ волшебнымъ своимъ жезломъ по воздуху; вдругъ съ полнотной спороны поднялись снѣжныя облака и холодной вѣтрѣ; наступила зима.

„Ну, *Милока*, посмотри, скачешь ли теперь швоя спрекоза? поетъ ли она? Видишь ли, какъ она подняла къверху поненькіе свои ножки? Эпо опъ пого, что она лѣпомъ ничего не дѣлала, а сполько пѣла, рѣзвилась и прыгала; теперь она съ голоду умерла. А пчела послѣ шрудовъ своихъ питается медомъ и спокойно смотритъ изъ низкаго своего окошка на погибшую прыгунью. — „Ахъ, машушка, пусть она мало шрудилась; но мнѣ жаль ее! Она не оживетъ — прекрасная спрекозачка!

Милока беретъ ее въ руки и цѣлуешь. — „Нѣтъ, ужь не оживетъ она. Ахъ! машушка, не ужь ли и вамъ не жаль, что такая прекрасная шварь умерла. Она умѣла пѣшь — умѣла прыгать

высоко. „ — Любезная дочь , не печалься ; это для тебя послужишь наставленіемъ. „ —

Лишь только она выговорила , то опять махнула волшебнымъ своимъ жезломъ ; снѣжные облака разсѣялись и зима исчезла. — Идутъ при дувушки въ поля домой. — — „ Дитя мое , сказала тогда *Прозорлида* , знаешь ли , какія это дѣвушки? „ — „ Это , мапушка , сосѣдкины дочери , *Краса* и *Прыга* , мои подруги , а шрешья *Доума* , невеселая ихъ сеспра. — „ А я тебѣ сказываю , что это бабочка съ золотыми крылышками и стрекоза съ поненькими ножками , а шрешья пчелка. „ — „ Какъ , мапушка ! онѣ были превращены ? да которыя же изъ нихъ были бабочкой и стрекозой ? „ — „ *Краса* была бабочкой , которая летала по болоту , а *Прыга* стрекозой , которая пѣла , пѣла , да и умерла съ голоду. „ — „ Да скажите , мапушка , кто ихъ превратилъ въ такія швари ? „ — „ Кто бы то ни былъ ; я это знаю , отвѣчала улыбнувшись *Прозорлида*. — „ Какъ же это могло спашься , мапушка ? вишь стрекоза умерла. „ — А теперь она жива , сказала *Прозорлида* засмѣявшись : „ что тебѣ до того нужды ? — Дочь моя ! послушай , что

что я тебѣ скажу. Ежели выборъ твоихъ подругъ будешь зависѣть отъ тебѣ, то я напередъ сказываю, что тебѣ нѣчего перенимать у *Красы* и у *Пряги*. Если ты будешь во всемъ слѣдовать *Красѣ*, то съ этою бабочкой утонешь въ болотѣ, или сама будешь въпреную бабочкой; если же будешь подражать *Прягѣ*, то умрешь съ голоду, такъ же, какъ и спрекоза. — Любезная моя дочь! никогда не презирай поспоянной и прилѣжной пчелки; не смотри на то, что она не имѣетъ на себѣ щеголеватого убора бабочки, и не занимается лѣшомъ пустою музыкою и пляскою спрекозы. Выбери *Доуму* себѣ въ подруги; ты научишься отъ нее, какъ въ холодную зиму жизни своею проводишь дни въ удовольствіи и бытъ похожую на щасливую и спокойную пчелку.





ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ.

Не пейтеся, глаголюще: что ямы, или что пѣмь, или чимь одеждемся: всѣхъ бо сихъ языцы ищутъ. Вѣсть бо Отецъ вашъ Небесный, яко требуете сихъ всѣхъ. Матѣ. гл. 6, ст. 31 и 32.

XXVI.

Гансъ Егеде.

Вѣ Норвегіи жилъ священникъ, по имени Гансъ Егеде. Онъ зналъ изъ исторіи, что въ давнія времена многія семейства изъ Норвегіи и Исландіи переѣхали въ Гренландію, ввели тамъ Христіанство и построили церкви. Онъ желалъ узнать, въ какомъ сословіи сія земля нынѣ находится. Одинъ изъ его знакомыхъ, жившій въ Бергенѣ, увѣдомилъ его, что по тамошней Гренландіи, въ которой прежде сѣмались Норвежцы, занесена льдомъ и совсѣмъ не можно туда пробраться; на другой же сторонѣ живутъ только дикіе люди, не имѣющіе никакова сходства съ Данчанами и Норвежцами въ религіи, языкѣ и обычаяхъ.

Часть IV. No. 50. О о Доброй



Доброй священникъ сожалѣлъ о печальномъ состояніи сего народа и желалъ, чтобъ онъ получилъ познаніе о Христіянствѣ. Того ради писалъ онъ къ Дронштеймскому и Бергенскому Епископамъ и просилъ ихъ постараться, чтобъ бѣдные Гренландцы приняли участіе въ познаніи Бога и въ религіи; онъ самъ вызвался оставить свое мѣсто и ѣхать въ Гренландію, дабы показать ревность свою къ истинной пользѣ тамошнихъ жителей.

Оба Епископа похвалили его добросердечіе и ревность къ распространенію Христіянства и предложили о томъ Правительству. Но большая частьъ людей смѣялись надъ его предпріятіемъ. Пріятели его и родшвенники называли оное безуміемъ и совѣщали ему оставить свое намѣреніе.

Однако жь Егеде былъ поспояненъ; ни насмѣшки глупыхъ людей, ни пріятельскіе совѣщанія не могли переѣменить его мыслей. Ему удалось склонить жену свою на то, чтобъ она согласилась переѣхать съ нимъ въ Гренландію, и тогда съ его стороны не оставалось уже никакова препятствія. Но Правительство, не предвидя большой выгоды отъ торговли въ столь дальней и безплодной землѣ, не приняло его

его предложенія. Добросердечной Егеде испыталъ по же, что испыталъ Колумбъ. Сколь часто сей великой человекъ бывалъ осмѣянъ! сколь часто отказывали ему какъ безумному, когда онъ открылъ свое предпріятіе искать новаго Свѣта и просилъ себѣ вспоможенія!

Егеде, такъ же, какъ и Колумбъ, пребылъ постояненъ при всѣхъ затрудненіяхъ. Получивъ рѣшительной отказъ отъ Правительства, вознамѣрился онъ просить вспоможенія у богатыхъ и добрыхъ знакомцовъ своихъ въ Бергенѣ. Онъ представлялъ имъ, что хоша торговля въ Гренландіи не только не можетъ приносить прибыли, но еще и убытокъ причинитъ; однако Христіянская должность обязываетъ ихъ пожертвовать нѣкопорою частію имѣнія даннаго имъ отъ Бога, для того, чтобъ привести братьевъ своихъ бѣдныхъ Гренландцевъ къ познанію о Создателѣ и всеобщемъ Отцѣ. — Онъ просилъ неопшпунно дополъ, пока нѣкопорые обѣщали ему помогать деньгами. Онъ взялъ съ каждаго изъ нихъ подписку, и самъ подписался употребить на сіе предпріятіе 300 талеровъ (270 рублей), которые сосставляли все его имѣніе.

Примѣры вообще дѣйствуютъ болѣе всякихъ увѣщаній и доводовъ. Сей поступокъ великодушнаго священника сдѣлался извѣстнымъ; всѣ начали присылать къ нему деньги, и онъ весьма скоро собралъ 10000 шалеровъ. Все прочее шло удобно, какъ скоро нашлось довольно денегъ. Купили корабль и нагрузили его нужными сѣбными припасами и всемъ что пошребно для шпроенія дому. Кромѣ сего корабля пригошовлены были еще два корабля, изъ коихъ одинъ назначенъ былъ для ловли китовъ. Егедѣ поручено было надзираніе надъ торговыми распоряженіями. Ревность его и челоуѣколюбіе понравились Королю; онъ сдѣлалъ его Миссіонеромъ (*) и опредѣлилъ ему 300 шалеровъ жалованья.

Тогда - то досициѣ Егедѣ шого, чего домогался онъ десять лѣтъ, жершвуя своимъ спокойствіемъ и мѣшомъ. Въ Маѣ мѣсяцѣ 1721 году сѣлъ онъ на корабль съ женою и 4 дѣтьми.

На

(*) Миссіонерами называются шѣ духовные, коихъ посылаютъ въ языческія земли для обращенія невѣрныхъ и для распространенія Христіанства.

По двухмѣсячномъ путешествіи приближились они ко Гренландскому берегу; но чѣмъ ближе они къ нему приплывали; тѣмъ труднѣе путь ихъ становился. Ледъ шелъ на нихъ огромными горами въ шакомъ множествѣ, что корабли часто останавливались между льдинами. — Сія трудность приводила корабельныхъ служителей въ досаду и уныніе; они нѣсколько разъ предпринимали возвратиться въ отечество. Но всякой разъ ободрялъ ихъ Егеде, какъ второй Колумбъ; онъ представлялъ имъ, сколь постыдно для всѣхъ ихъ, возвратиться домой ничего не сдѣлавъ и обманувъ своихъ соотечественниковъ въ той надеждѣ, какую имѣли они на ихъ отважность и постоянство. Такимъ образомъ заставлялъ онъ ихъ преодолевать всѣ трудности и препятствія, пока наконецъ пристали они къ берегу.

Прежде, нежели начнемъ рассказывать о успѣхахъ ревностнаго священника въ его предпріятіи, занужное почитаемъ сообщить нашимъ читателямъ краткое описаніе той земли, которой благополучію вознамѣрился онъ посвятить труды свои.



Понынѣ еще не извѣстно о Гренландіи, оспровѣ ли она, или маперая земля. Она лежишѣ весьма далеко отѣ Европы кѣ Сѣверу, и еще сомнительно, кѣ Европѣ или кѣ Америкѣ должно ее причисляшѣ. Спужа шамѣ весьма велика. Берега покрышы превеликими льдинами, или ледяными горами, кошорыя далеко и по морю плаваюшѣ. Такія льдины имѣюшѣ иногда видѣ церкви сѣ колокольнею; иньяжѣ похожи бываюшѣ на замокъ сѣ высокими стѣнами, башнями и комнашами, а другія на корабль сѣ мачшами и парусами. Ледѣ весьма швердѣ и прозраченѣ; блескъ его можно видѣшѣ вѣ воздухѣ за нѣскольکو миль, такѣ, какѣ сѣверное сіяніе. Иногда попадающя на морѣ плавающія льдины около 100 миль вѣ длину и отѣ 20 до 40 вѣ ширину. Сіе обшпоятельство причиняетѣ шрудности и опасностѣ вѣ кораблеплаваниі по Сѣвернымѣ морямѣ.

Спужа вѣ Гренландіи зимою бываешѣ столь велика, чшо камни прыгаюшѣ и море дымишя на подобіе печи. Иногда не можно бываешѣ выйши изѣ дому безѣ шого, чшобѣ не ознобишѣ лица и рукѣ. Вѣ шакое время Гренландцы обыкновенно штерпѣваюшѣ голодѣ; для шого, чшо они не могутѣ выходишѣ искашѣ сѣбѣ пищи и при-

принуждены бывающѣ нѣсколько дней сряду поспитъ. — Лѣто весьма коротко; земля распахиваетъ сверху только въ юнѣ. Снѣгъ перестаетъ итти около половины того жѣ мѣсяца, и въ Августѣ опять начинается. Лѣтомъ Гренландцы долго не имѣютъ ночи, а зимою столь же долго не бываетъ у нихъ дня; однако жѣ въ сіе время звѣзды, мѣсяцъ и сѣверное сіяніе, которое всегда тамъ видно, свѣтятъ весьма ясно, такъ, что и ночью можно читать книгу.

Гренландцы, происходящіе безъ сомнѣнія отъ сосѣдовъ своихъ Сѣверныхъ Американцевъ, суть дикой народъ. Мы сообщимъ здѣсь краткое свѣдѣніе о странномъ образѣ ихъ жизни и обычаяхъ.

Они имѣютъ зимнія и лѣтнія жилища. Зимнія жилища бывающѣ на двѣ сажени въ ширину, отъ чепырехъ до двѣнапцати сажень въ длину, и на одну сажень въ вышину. Стѣны дѣлаются изъ большихъ камней съ землею и дерномъ, а кровли изъ бревенъ, которыя послѣ засыпаются щепами и травою, сверху жѣ покрываются также землею и дерномъ. Входъ такъ низокъ, что надобно ползти въ него на рукахъ и на ногахъ. Внутри хижины увѣшаны бывающѣ старыми кожами, ко-

порыя для шѣла кладущя иногда и на кровлю. Въ такой хижинѣ живешъ нѣсколько семействъ. Каждое семейство имѣешъ свой очагъ, состоящій изъ отрубка, укладеннаго камнями. На семъ очагѣ стоишъ каменная лампада, въ копорую вмѣсто свѣщильны и масла кладущъ мохъ съ рыбимъ жиромъ. Такая лампада не только свѣщилъ, но и нагрѣваешъ хижину. Надъ лампадою виситъ каменной кошелъ, въ кошоромъ всякая пища варится. Хижины бывающъ шеплы, по тому, что въ нихъ сполько же бываешъ очаговъ, сколько семействъ живешъ, и на всякомъ очагѣ день и ночь горишъ лампада; но какъ Гренландцы никогда не впускающъ въ нихъ свѣжаго воздуха и живущъ весьма неопряшно, по отъ сего происходишъ весьма неприяная вонь. — Женщины починавающъ или спрояшъ сіи зимнія хижины осенью. Весною переходяшъ они съ радостію въ лѣтнія жилища. — Лѣтнія жилища суть не иное что, какъ кожаныя палашки съ двойною покрывкою. Каждое семейство имѣешъ свою особливую палашку, въ кошорой находится очагъ, такъ же, какъ и въ зимней хижинѣ.

Гренландія весьма бесплодна, опчашъ по тому, что земля камениста,

отчаспи жь по причинѣ жестокой спужи; и для того жипели шамошніе получаютъ пропитаніе отъ ловли звѣрей и рыбы. Главную ихъ пищу составляютъ мелкая рыба, кошорую въ нѣкоторыя времена года ловятъ они сѣтями въ великомъ множествѣ, сушатъ и зимою ѣдятъ вмѣсто хлѣба. Ловля тюленей также для нихъ важна, по тому, что они не только употребляютъ сихъ живошныхъ въ пищу, но также дѣлаютъ изъ кожи ихъ платье и покрываютъ ею свои хижины и лодки.

Они поступаютъ весьма неопрятно съ пищею, кошорую варятъ. Въ случаѣ изобилія ѣдятъ весьма много; а сѣвши все, перпятъ по нѣскольку дней голодъ. — Бываютъ у нихъ праздники. Главной изъ сихъ праздниковъ есть *праздникъ солнца*, въ то время, когда солнце зимою къ нимъ возвращается и когда у насъ дни начинаютъ спановишься долѣе; ибо до сего времени бываетъ въ Гренландіи безп. ешанная ночь. Въ сей праздникъ ѣдятъ они чрезмѣрно много; а по томъ снимаютъ сполы и начинаютъ плясать по барабанному бою. Барабанщикъ бьетъ въ барабанъ палочкою и при каждомъ ударѣ дѣлаетъ смѣшныя кривлянья и прыгаетъ, не сходя со своего мѣста. Онъ провождаетъ инструментальную

ную свою музыку пѣснями о ловлѣ тюленей, о славныхъ дѣлахъ Гренландскаго народа и о возвращеніи солнца. Народъ опѣвываетъ на его пѣсни прыганьемъ и радостнымъ крикомъ. Успавши ложаются спать, а выпавшись, начинаютъ опять ѣсть, и продолжаютъ такимъ образомъ свое празднованіе до полѣ, пока сбѣдятъ весь запасъ.

Они говорятъ по большей части горломъ, и языкъ ихъ очень пруденъ. Прежде не имѣли они никакова понятія о письмѣ и пугались, видя, что бумага говоритъ, какъ то думали они, когда ктонибудь при нихъ чищалъ. — Ариемешика ихъ очень скудна; они умѣютъ щипать только до двашцати, для того, что человекъ у рукъ и у ногъ имѣетъ двашцать пальцевъ; когда жь хопятъ они означить *сто*, то говорятъ: *пять человекъ*, зная, что пять человекъ вмѣстѣ имѣютъ такое число пальцевъ, какое имъ означить надобно. Всего лучше знаютъ они свои родословія и умѣютъ перецитывать множество предковъ. Такое знаніе очень у нихъ полезно, для того, что бѣдной человекъ не потерпитъ нужды, еслии можетъ доказать, что онъ родственникъ какованибудь богатаго человека; ибо между Гренландцами никто

никпо не спыднхся бѣдныхъ родствениковѣ, въ чемѣ они имѣюшѣ преимущество предѣ многими Европейцами.

Гренланды думаютѣ, что земля, неподвижна, и что связи ея такѣ обѣщали, что онѣ часко ломаются и земля давно бы уже развалилась на часки, есплибѣ *Ангскоки* (такѣ называютѣ они своихъ свашыхъ, или жрецовѣ,) ихѣ не починивали. Сии жрецы показываютѣ иногда народу куски гнилова, дерева, увѣряя его что это опломки отѣ машины Свѣта. — Всѣ небесныя шѣла, по ихѣ мнѣнью, суть Гренландцы, взшедше по смерти на небо. — Они имѣютѣ весьма вздорное мнѣнне о громѣ; а имянно, они думаютѣ, что въ воздухѣ живутѣ двѣ спарухи въ маленькой хижинѣ, копорыя иногда бранятся и дерутся между собою за шюленью кожу, и когда сии спарухи начнутѣ драться, то хижина разваливается, лампада разбивается и огонь летаетѣ по воздуху. Вотѣ что починаютѣ они причиною молнii и грома.

Они имѣютѣ весьма жалкія понятія о религii; однакожь вѣрятѣ безсмертію и раю, копорой, по ихѣ мнѣнью, находится на днѣ морскомѣ. Они думаютѣ, что въ раю безпрестанно бываетѣ лѣто; что олени,

олени, птицы и рыбы находятяся тамъ въ изобиліи и живые шюлени сами падающъ въ копылы, копорые безпрестанно висящъ надъ огнемъ. Но естъ между ими и умные люди, копорые смѣющся сему вздорному мѣнію и признаются, что они не знаютъ, гдѣ рай, однако увѣрены въ томъ, что они будутъ нѣкогда жиць въ мирномъ и блаженномъ мѣстѣ.

Гансъ Егеде и спущники его, по прибытіи въ Гренландію, немедленно начали строить себѣ домъ изъ досокъ, камней и земли, чтобы прожить въ немъ зиму. Пока строеніе продолжалось, Егеде не имѣлъ времени производить предпріятіе свое въ дѣйство. Онъ старался шолько приманивать къ себѣ Гренландцовъ и поступалъ съ ними вѣсьма ласково.

Какъ скоро строеніе было окончано, то началъ онъ часто къ нимъ ходить, дабы познакомиться съ нимъ. Примѣшивъ, что Гренландцы полюбили маленькихъ его дѣшей, бралъ онъ ихъ съ собою. Онъ оставался даже ночевать и проводилъ по нѣскольку супокъ въ ихъ хижинахъ, чтобы научиться Гренландскому языку и узнать ихъ обычай. Нашедши сей народъ шоль дикимъ, какъ мы его описали, болѣе все-

го желалъ онъ научить его справедливости и истинѣ. Но не разумѣя Гренландскаго языка, не могъ онъ съ ними говорить. Между шѣмъ примѣчая какія нибудь несправедливости и непристойности, показывалъ имъ по знаками, но всегда съ любовью и ласкою. Гренландцы скоро возымѣли къ нему почтеніе, полюбили его и давали ему знать, что они желаютъ научиться у него чему нибудь доброму. Въ удовольствореніе сему желанію, Егеде приказалъ старшему своему сыну, кошорой умѣлъ рисовать, нарисовать нѣсколько исторій изъ Библии, показывалъ Гренландцамъ сіи каршинки и сколько возможно старался изъяснить оныя знаками, пока наконецъ, обращаясь съ ними довольно долго, научился столько ихъ языку, что могъ изъяснять имъ свои мысли изустно.

Такимъ образомъ положилъ Егеде въ Гренландіи основаніе Христіанской религіи. При щомъ осматривалъ онъ сію землю, узнавалъ ея свойство, выискивалъ выгоднѣйшія мѣста для заведенія новыхъ селеній и удобнѣйшіе для рыбной ловли заливы. — Въ такихъ упражненіяхъ проводилъ онъ два года, не получая ни оцѣ кого помощи. Корабельные служители, пріѣхавшіе съ нимъ изъ Норвегіи,
вѣ

въ праздности смопрѣли полько на его дѣла. Онѣ былѣ и шѣмѣ доволенѣ, что они жили спокойно и не дѣлали ему попрековѣ за то, что не имѣли шакова изобилія и есѣхѣ шѣхѣ выгодѣ, какихѣ бы они желали.

По прошествіи двухѣ лѣшѣ Король прислалѣ къ нему на помощь нѣсколько дуковныкѣ особѣ. — Егедѣ старался возбудитѣ въ сикѣ сотрудникахѣ своихѣ такую жѣ рзность къ пользѣ бѣдныхѣ Гренландцовѣ, какою самѣ онѣ имѣлѣ. Гренландцы онѣ времени до времени спашались внимательнѣе и охотнѣе его слушали. Многие изѣ нихѣ приняли Христіанскую вѣру и крестились. Онѣ имѣлѣ даже и шо удовольствіе, что они приходили къ нему изѣ разныхѣ мѣстѣ и сами просили его, чтообѣ онѣ посѣщалѣ ихѣ и говорилѣ сѣ ними о Богѣ.

Человѣколюбивой Егедѣ жилѣ и шрудился въ Гренландіи уже болѣе десяти лѣшѣ, какѣ въ первой разѣ появилась шамѣ оспа. Одинѣ Гренландской мальчикѣ, бывшій въ Копенгагенѣ, вывезѣ опшуда сѣ собою спрашную сію болѣзнь. Гренландцы, не знавши ее никогда прежде, не знали и никакова прошивѣ нея средства. Она свирѣпшвовала между ими

сшоль

споль жестоко, что изъ двухъ сотъ семействъ, жившихъ около Датскаго селенія, едва припцашъ оспалось въ живыхъ. Въ семъ бѣдствіи многіе приходили къ Датчанамъ и просили у нихъ помощи; особливо жъ прибѣгали они, съ прозбами къ Егедѣ, на котораго болѣе всѣхъ надѣялись. Великодушной священникъ принималъ ихъ и давалъ имъ мѣсто въ шѣсной своей комнатѣ. Онъ со своею женою день и ночь смотрѣлъ за больными, давалъ имъ лѣкарства, ободрялъ ихъ и утѣшалъ. Многіе умирали на его рукахъ; часто долженъ онъ былъ вставать ночью, дабы подать нужную помощь, и самъ вышаскивалъ изъ дому умершихъ.

Гренландцы платили ему за сіи челоуѣколюбивыя попеченія любовію и благодарностію. Онъ снискалъ чрезъ то совершенную ихъ довѣренность. — Между умершими въ его домъ находился одинъ преспарѣлой Гренландецъ, которой прежде не уважалъ того, что говорилъ Егедѣ, и смѣялся надъ нимъ. Но тогда будучи свидѣтелемъ его благодѣтельности, былъ онъ пронутъ, научился почивать какъ его самага, шакъ и его религію, и при смѣрши говорилъ ему: „ Ты дѣлаешь для насъ то, чего бы и единосемцы наши не



сдѣлали. Ты почешься о насъ, какъ отецъ; погребашь нашихъ мерпвыхъ, чтобы хищныя пшицы и дикіе звѣри ихъ не пожирали. Ты учишь насъ дѣлаться блаженными и умирать съ радостію, надѣясь по смерти лучшей жизни. „Такое искреннее признаніе умирающаго спарика было лучше всѣхъ великолѣпныхъ похвалъ для неушомимаго въ добрыхъ дѣлахъ Егеде.

Какъ для Гренландцовъ, такъ и для пріѣхавшихъ съ нимъ Дашчанъ и Норвежцовъ былъ, онъ необходимо нуженъ. При всякомъ новомъ спроеніи, при рыбной ловлѣ и при другихъ полезныхъ предпріятіяхъ всегда пребывали у него совѣта и наставленія. Никто безъ него не предпринималъ осмапривать окреспныя мѣста. Гренландцы никого сполько не уважали, какъ его; они дѣлали для него больше, нежели для своихъ единосемцовъ.

(Окончаніе сообщено будетъ въ слѣдующемъ листѣ.)





ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ

Ищите же прежде царствія Божія и правды его, и сія вся приложатся вамъ.
Маше. гл. 6. сш. 33.

Гансъ Егеде. (Окончаніе.)

Егеде снискавши себѣ довѣренность и уваженіе Гренландцовъ, пользовался шѣмъ въ произведеніи въ дѣйство добраго своего намѣренія. Сколь же велика была довѣренность ихъ къ нему, тому послужилъ примѣромъ слѣдующее приключеніе.

Нѣкогда случилось, что Дащчане пристали къ берегу въ шакомъ мѣстѣ, гдѣ прежде никогда еще ихъ не видали. Гренландцы сбѣжались на берегъ съ луками и стрѣлами, чтобы ихъ прогнать. Но какъ скоро показался Егеде, и какъ скоро услышали они его имя (которое уже во всей Гренландіи было извѣстно), то они съ радостію приняли Дащчанъ, позвали ихъ въ свои хижины и охотно вызвались дащимъ проводниковъ до ихъ селенія.

Въ самое то время, когда всѣ дѣла были въ лучшемъ состояніи, преставился Король Фридрихъ IV. Наслѣдникъ его Христіанъ VI, вскорѣ по вступленіи на престолъ, отправилъ въ Гренландію нѣскольکو кораблей съ повелѣніемъ, чѣтобъ всѣ шамошнія заведенія были оставлены, и чѣтобъ поселившіеся шамъ Дашчане возвратились въ Данію. Однако приказалъ онъ объявить, чѣто никто не будетъ принужденъ возвратиться, и естли нѣкопорые поселенцы добровольно захопашъ оспашъ въ Гренландіи, то получашъ они на годъ запасу, но впредъ не могутъ уже ожидать помощи изъ своего отечества.

Удобно можно себѣ представить, чѣто сія неожиданная переменна была для Егедегромовымъ ударомъ. Десять лѣтъ спарался онъ о томъ, чѣтобъ его отправили въ Гренландію; десять лѣтъ жилъ онъ шамъ, преодолевая разныя затрудненія и перенося многія шягости для пользы шакова народа, копорой опять впалъ бы въ невѣжество и дикость, естлибъ онъ его оставилъ. Въ самое то время, когда шорговля начинала имѣть благополучной успѣхъ, когда Гренландцы начали прилпашъ къ Христіанской религіи, когда

всѣ

всѣ главныя препятствія были уничтожены, въ самое по время увидѣлъ онъ себя принужденнымъ оставить всю пріятную свою надежду. — Онъ утѣшался нѣсколько позволеніемъ остаться въ Гренландіи, кто добровольно на то согласишся; однако всѣ его старанія уговорить къ тому нѣкоторыхъ изъ своихъ соудниковъ, были тщетны. Всѣ они поспѣшали оставить сію дикую и скучную землю.

Между тѣмъ не возможно было перевезти все вдругъ на тѣхъ корабляхъ, конныя были присланы. Егѣде выпросилъ позволеніе остаться съ десятью челоуками для присмотру надъ оставленными вещами, за которыми должно было приехать на другой годъ еще нѣсколько кораблей. Онъ смотрѣлъ, какъ другіе отправлялись, не только не раскаяваясь въ своемъ намѣреніи, но еще радуясь тому, что онъ можетъ по крайней мѣрѣ еще одинъ годъ прожить съ любимыми своими Гренландцами. Все прочее оставилъ онъ на волю Провидѣнія. Онъ предпріялъ остаться въ Гренландіи со своимъ семействомъ, хотя бы всѣ прочіе его оставили; онъ хотѣлъ лучше подвергнуться самымъ мягочувствительнымъ трудностямъ, а не

допустишь, чтобъ уничтожилось все то, что онъ уже сдѣлалъ.

Но по щасію не дошелъ онъ до такой крайности. Онъ препроводилъ зиму съ удовольствіемъ по большей части въ бѣдныхъ хижинахъ у Гренландцовъ, кошорые еще болѣе полюбили его, видя, что онъ для нихъ оспался въ Гренландіи. Въ слѣдующее лѣто прибылъ туда корабль съ новыми поселенцами и со сѣбспными припасами; ибо Король перемѣнилъ свои мысли и снова опредѣлилъ продолжать въ Гренландіи торговлю и стараніе обратишь шамошнихъ жипелей въ Христіянскую вѣру.

Егеде несказанно обрадовался сему извѣстію. Онъ продолжалъ шрудиться съ новою ревностію. Благополучной успѣхъ награждалъ его шруды; множество Гренландцовъ приняли не шолько Христіянскую вѣру, но и лучшей образъ жизни. Не оспалась шщешною и надежда его, что слѣдствія челошкшлюбивыхъ его стараній современемъ гораздо виднѣе будущъ; ибо Христіянская религія и понынѣ ошъ времени до времени болѣе распространяется въ сей дикой землѣ, и торговля шамошняя также продолжается.

Старой Егедѣ жилъ въ Гренландіи до шѣхъ поръ, пока возвратился шуда большой сынъ его Павелъ Егедѣ, котораго послалъ онъ въ Копенгагенъ учиться. По томъ выпросилъ онъ себѣ увольненіе и поручилъ начатое дѣло сему сыну, не для того, чшобъ оно самому ему наскучило, но для того, что онъ ослабѣвъ отъ старости, не въ состояніи уже былъ выдерживать долге шѣ шрудности, какія онъ споль много лѣшѣ переносилъ. — Не за долго до отъѣзда его изъ Гренландіи умерла жена его, великодушная женщина, которая охотно послѣдовала за своимъ мужемъ въ отдаленную дикую землю и шамъ раздѣляла съ нимъ всѣ шрудности и опасности. —

Онъ пріѣхалъ въ Копенгагенъ, гдѣ опредѣлено ему было еще 500 шалеровъ жалованья. Тамъ до самой смерти своей обучалъ онъ Гренландскому языку молодыхъ духовныхъ особъ, назначенныхъ Миссіонерами съ Гренландію. Онъ умеръ въ 1758 году, и понесъ съ собою ушѣшеніе, что онъ положилъ основаніе просвѣщенію и благополучію цѣлаго народа, которой безъ него можетъ быть весьма бы еще долго пребылъ въ слѣпотѣ и суевѣріи. — Старшій его сынъ также пе

ѣхалъ въ Копенгагенъ , чтобы занять его мѣсто ; а другой его сынъ и понынѣ еще живешъ въ Гренландіи и ревностнымъ попеченіемъ о пользѣ сея земли оказываешъ себя достойнымъ своего отца.

XXVII.

Великая польза трудолюбія.

Добросердѣ посѣщалъ нѣкогда своего брата , который жилъ въ одномъ уѣзномъ городѣ , и принявъ имъ былъ съ нѣжносцію. — Онъ спросилъ у него : каково живущъ его дѣши и что онѣ дѣлаюшъ ? — „ Пойдемъ со мною , естли хочешь ихъ посмотришь , отвѣчалъ ему братъ и повелъ его въ комнату къ своимъ дѣшамъ. Подходя къ ней слышали они громкой крикъ , брань и сшукъ ; а отворивши дверь увидѣли двухъ мальчиковъ , которые шаскали другъ друга за волосы ; прочія жъ дѣши прыгали по сподамъ и по сшульямъ и шумѣли шакъ , какъ рабша самаго низкаго состоянія. Отецъ ихъ разсердился и бсѣвъ разбору началъ бишь каждого , кто первой ему поцадался.

Тогда крикъ снова поднялся. — „ Я не виновашъ ! „ кричалъ одинъ : „ Пенірѣ
МЕНИ

меня ударилъ. „ — „ Нѣтъ! нѣтъ! ба-
 пюшка, кричалъ Петрѣ: „ онѣ лжеть;
 не вѣрьте ему. Послушайте; я вамъ же
 расскажу „ — онѣ взялъ у меня часов-
 никъ. — „ Я ничего не сдѣлалъ, кри-
 чалъ претій: „ вошѣ, Марья, она вино-
 ваша — она опняла у меня куклу. „
 — „ Опняла? кричала Марья: „ какъ оп-
 няла? Ты мнѣ ее продалъ; я заплашила
 тебѣ за нее при горсти орѣховъ. „ —

Добросердѣ оглушенъ былъ симъ шу-
 момъ. Онѣ взялъ своего брата за руку
 и вывелъ его въ другую комнату. —
 „ Боже мой! „ вскричалъ онѣ: „ что это
 за поведеніе! „ — „ Это всякой день
 бываешь, отвѣчалъ братъ его. „ Дѣши
 мои не даюшѣ мнѣ ни на одинѣ часѣ по-
 кою. Онѣ безпрестанно шумяшѣ, кри-
 чашѣ, дерущся и браняшся. Мнѣ нельзя
 ми на минушу выпуститѣ палку изъ рукъ;
 ничѣмъ, кромѣ побой, уняшѣ ихъ не
 можно. „

„ Это ужасно! „ сказалъ Добро-
 сердѣ: „ дѣши твои мучашѣ только те-
 бя, вмѣсто того, чтобѣ приносить тебѣ
 удовольствіе. „

Братъ. Ты правду говоришь; онѣ дѣ-
 даюшѣ мнѣ жизнь непріятною.

Добросердѣ. И сами онѣ также несчастливы, для того, что ты всегда ихъ бьешь

Братъ. Онѣ эпова и спояшѣ. Для чего ведушѣ онѣ себя такъ дурно?

Добросердѣ. Развѣ нѣшѣ уже кромѣ побой никакова инова способа заспавишѣ ихъ лучше себя веспи? — Я знаю многихъ дѣшей, копорыя совсѣмъ и не знаюшѣ, что такое побои, но ведушѣ себя очень хорошо.

Братъ. Желалъ бы я знать, какъ онѣ воспишывающся?

Добросердѣ. Я расскажу тебѣ о ихъ воспипаніи. Но скажи мнѣ сперва, что дѣлаюшѣ свои дѣши?

Братъ. Что дѣлаюшѣ? — Онѣ еще такъ малы; можно ли имъ чтонибудь дѣлать?

Добросердѣ. А для чего не можно? Создашель для того и сошворилъ насъ, чтобъ мы работали. Склонность наша, всегда чтонибудь дѣлать, такъ сильна, что мы не можемъ ей прошивишѣся, и естѣли не находимъ добраго и полезнаго упражненія, то принимаемъ за дурное. — Повѣрь мнѣ, что дѣши свои для того шолько постушаюшѣ такъ непристойно, что имъ дѣлать нѣчего.

Братъ.

Братъ. Но какоежь дашь имъ дѣло?

Добросердъ. Объ эшомъ послѣ поговоримъ; а шеперь пойду я-опять къ швоимъ дѣшямъ.

Онъ пошелъ къ дѣшямъ, кошорыя сидѣли въ разныхъ углахъ и плакали. — „О чемъ вы плачете, друзья мои?“, спросилъ *Добросердъ.*

Дѣти. Какъ же намъ не плакашь? Развѣ вы не видѣли, какъ бапюшка насъ билъ?

Добросердъ. Эшо мнѣ жалко; но вы сами въ шомъ виноваты; я видѣлъ какъ вы непристойно поступали.

Дѣти (начали упрекать другъ друга и кричали всѣ вмѣстѣ:) Эшо все ошѣ шебя, Пепрѣ! пы ко мнѣ приспалъ — Лжешь пы; я шебя не прогалъ — Не пы ли опнялъ у меня — пожалуй замолчи; пы очень глупъ! — Вотъ, дядюшка, вы сами слышите, какъ онъ бранился! —

Добросердъ. Я не за шѣмъ сюда пришелъ; чшобы слушашъ вашу брань. Я хочу сказашь вамъ нѣчто пріянное.

Дѣти. А чшо? — чшо шакое? дядюшка!

Добросердъ. Я намѣренъ сдѣлашь шо, чшобъ вы впредь не подучали побой.

Дѣти. Ахъ! когда бы вы это сдѣлали! — однако нѣшѣ, этому не лѣзя спашься; бапюшкѣ никогда не переспашь насѣ бишь; онѣ очень сардишѣ.

Добросердѣ. Повѣрьте мнѣ, что я это сдѣлаю, ешѣли пошько вы меня послушаетесь.

Дѣти. Мы сѣ радостью будемѣ дѣлать все, что вы прикажете, пошько чтобѣ бапюшка переспашѣ насѣ бишь.

Добросердѣ началѣ сѣ ласкою уговаривать ихѣ, чтобѣ онѣ принялись за какую нибудѣ работу и представлалѣ имѣ пользу, какая отѣ того произойти можетѣ. Дѣши еще общали ему охотно дѣлать все то, что онѣ прикажетѣ.

По томѣ пошелѣ онѣ къ своему брату и уговорилѣ его принять кѣ себѣ для дочерей своихѣ надзирательницу, которая была бы добраго нрава и хорошаго поведения, и могла бы учить ихѣ разнымѣ женскимѣ рукодѣльямѣ. По щаспию скоро можно было найти такую женщину въ томѣ городѣ, гдѣ жилѣ братѣ Добросердовѣ. — Для мальчиковѣ также наняшѣ былѣ учитель, копорой училѣ ихѣ исторіи, географіи, Нѣмецкому языку и рисовать, а въ праздные часы заставлялѣ заниматьса садовою работою или дру-

кимъ какимъ нибудь полезнымъ упражне-
ніемъ. — Сдѣлавши такое распоряженіе,
Добросердѣ уѣхалъ.

По прошествіи года посѣтилъ онъ
отца своего брата и нашелъ въ его до-
мѣ великую переѣну. — Дѣти выбѣжа-
ли къ нему навстрѣчу и приняли его съ
великою радостію. Онъ показывали ему
свою работу и благодарили его за то,
что онъ показалъ имъ столь хорошее
средство општанъ отъ прежняго своего
дурнаго поведенія.

Отецъ ихъ также встрѣтилъ Добросер-
да съ радостію. — „Я не знаю, говорилъ
онъ обнимая его, какъ мнѣ тебя благо-
дарить. Ты сдѣлалъ всѣхъ насъ щасшли-
выми. Теперь я весьма доволенъ своими
дѣтьми. Съ того времени, какъ ты отъ
насъ уѣхалъ, во весь годъ не имѣлъ я
больше трехъ разъ причины наказывать
ихъ. Онѣ перестали браниться и дращи-
ся между собою. Всякой день дѣлаютъ
онѣ мнѣ новое удовольствіе своею пра-
дѣлностью и хорошимъ поведеніемъ.“

 XXVIII.

Магнитъ.

Учитель обѣщалъ нѣкогда показашь ученикамъ своимъ нѣчто весьма доспойное примѣчанія. — Онъ взялъ магнитъ и приложилъ къ нему желѣзной ключъ; ключъ приспалъ къ магниту и держался на воздухѣ. — По помѣ насыпалъ онъ на гладкой сполѣ желѣзныхъ опилокъ и началъ подъ споломъ водить магнитомъ по доскѣ, на копорой сверху опилки лежали; опилки прыгали и бѣгали по сполу.

Дѣти удивлялись и просили учителя, чшобъ онъ располковалъ имъ, какъ это дѣлается?

„Я не могу вамъ эшова сказашь, отвѣчалъ учитель: „а знаю шолько то, что оно натурально. Вы сами видите, что магнитъ причиною шому, что опилки двигаются; и это дѣйствіе имѣетъ онъ всегда, какъ у меня въ рукахъ, такъ и у всякова другога. Впредъ увидите вы не мало такихъ же удивительныхъ дѣйствій, и не будете понимать, какъ онъ происходитъ, хоща онъ и натурален.“

„Больше бы могъ я вамъ сказашь, продолжалъ онъ, ешльибъ вы спросили у меня о пользѣ магнита. — Польза его очень

очень велика. Онѣ имѣютъ такое свойство, что естли напрешь имѣ спальную иглу, то она остріемъ всегда будетъ оборачиваться къ Сѣверу. Нарочно дѣлаются шакія иглы съ кончиками на подобіе стрѣлы и назираются магнитомъ. Онѣ называющся компасами, и какъ бы ихъ ни оборачивали, стрѣлка всегда указываетъ на Сѣверъ. Мореплаватели узнаютъ по компасамъ на морѣ, въ которую сторону имѣ плыть надобно, и шакимъ образомъ переправляются въ дальнія земли, въ которыя нѣтъ инова пуши, какъ шолько по морю. Посредствомъ мореплаванія жители всего земнаго шара познакомились другъ со другомъ и торгуютъ, то ест мѣняющся шѣмъ, чего у однихъ много, а у другихъ недостаешъ. Также посредствомъ мореплаванія люди научились лучше познавать славу Божію въ Его швореніи, нежели прежде, когда еще не могли они переѣзжать въ чужія земли и видѣть шамъ новыя удивительныя вещи, которыхъ нѣтъ въ опечесствѣ ихъ. — Но безъ компасовъ мореплаваніе было бы подвержено великимъ затрудненіямъ, да и совсѣмъ невозможно. — И шакъ вы видите, сколь полезенъ эшотъ камень, которой называешся *магнитомъ*.,,

Дѣши

Дѣти радовались и благодарили Бога за то, что Онъ далъ пварямъ Своимъ такія удивительныя свойства, а человека одарилъ разумомъ, дабы онъ узнавалъ пользу вещей. Онъ просили своего учителя, чтобы, онъ сообщалъ имъ болѣе такихъ пріятныхъ знаний. —

Любопытные часто спрашиваютъ : „ какъ это дѣлается? какъ это происходитъ? „ — „ Какая отъ этого польза, или къ чему это употребляется? „ такъ спрашиваютъ тѣ, которые хотѣли бытъ искусными и знающими.

XXIX.

Награжденной великодушной поступокъ.

Графъ М**, Генералъ въ службѣ Римскаго Императора, имѣлъ великую охоту къ лошадямъ. Въ одномъ изъ своихъ помѣстій въ Богеміи содержалъ онъ большой конскій заводъ, копорой стоилъ ему весьма дорого.

Въ 1771 году былъ въ Богеміи великой неурожай и цѣна овса необычайно возвысилась. Пріятели совѣщовали Графу продать своихъ лошадей. Однако онъ не могъ рѣшиться расстаться съ тѣмъ, что приносило ему столько удовольствія.

Всякое утро ходилъ онъ въ свои конюшни, осматривать любимыхъ своихъ

лошадей. Однажды возвращаясь опшуда, увидѣлъ онѣ плачущую спарую женщину, кошорая ему кланялась.

„Ахѣ, Ваше Сіапшельство! какѣ я завидую вашимѣ лошадямѣ!“, говорила она.

„Вѣ чемѣ?“, спросилѣ Графѣ удивившись.

„Больной мой мужѣ, я и просѣ дѣшей опвѣчала спаруха, умираемѣ сѣ голоду; а лошади ваши всякой день получаюшѣ довольно корму и наѣдаюшѣ досыща.“

Графѣ подалѣ ей червонецѣ и пошелѣ задумавшись вѣ свои комнашы.

Человѣколюбіе одержало вѣ его сердце вѣрхѣ надѣ любимую его охопою. Онѣ приказалѣ продать почши всѣхѣ своихѣ лошадей и оставилѣ для себя шолько шѣхѣ, безѣ которыхѣ не могѣ онѣ обойтись. Овесѣ, кошораго запасено было весьма много, приказалѣ онѣ раздать неимущимѣ своимѣ креспьянамѣ. Сѣно также было продано, и какѣ за него, шакѣ и за лошадей вырученныя деньги употреблены были на вспомошествованіе бѣднымѣ. — Тогда Графѣ имѣлѣ удовольствіе видѣшь, что никто уже изѣ его креспьянѣ не опасался умереть сѣ голоду.

Кто по опыту знаетѣ, сколь сильны бываюшѣ вѣ человекѣ любимыя его

склонности, которыми давно привыкъ онъ удовлетворяеть, пошь только можеть судить, сколь великодушно Графъ М** въ семъ случаѣ поступилъ.

Вскорѣ по томъ Богемскіе крестьяне взбунтовались. Они разбойничали по дорогамъ и грабили господскіе дома. Нѣкоторые изъ сихъ бунтовщиковъ пришли ко Графскимъ деревнямъ и уговаривали крестьянъ его, чшобъ они согласились грабить вмѣстѣ съ ними. Однако сіи благодарные люди не только опъ пого опказались, но еще напавши нечаянно на бунтовщиковъ, прогнали ихъ опъ помѣстій своего господина.

Графъ былъ тогда въ Вѣнѣ. Легко можно себѣ представить, какъ онъ обрадовался шакой пріятной вѣсти.

„Какъ обязанъ я бѣдною старухою! „ вскричалъ онъ: „если бъ она не опважилась представить мнѣ свою нищету, то можеть быть большая часть крестьянъ моихъ остались бы въ прежнемъ состояніи, пришли бы опъ голоду въ опчаяніе, побили бы моихъ опкупщиковъ и управителей, и разграбили бы въ деревняхъ все мое имѣніе. — Я долженъ опредѣлеть ей по смерти хорошее содержаніе. „





ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ.

Не пугайтеся убо на утрѣй, утрений бо
собою печется: довлѣтъ днєви злоба еѣо.
Машѣ. гл. 6, сп. 34.

XXX.

Сѣверное сіяніе.

Нѣкогда зимою Андрей и Софія были
въ гостяхъ у своей тещки, и какъ
въ зимнее время дни бывающъ корочки,
то онѣ возвратились домой уже поздно
въ вечеру. Отецъ ихъ примѣшилъ, что
онѣ были невеселы и блѣдны. Однако
не привыкши при всякой перемѣнѣ лица
спрашивашъ у нихъ: „здоровы ли вы?
— что съ вами сдѣлалось?“, — не
спросилъ и въ этотъ вечеръ; но припи-
савши невеселость ихъ и блѣдность
усталости, опустилъ только ихъ по-
ранѣ спать.

На другой день поутру услышалъ
онъ, что дѣши пошконьку разговаривали
между собою. — „Ахъ, какъ это спра-
Часть IV. №. 52. Р р шно!“,

но! „ говорила Софія. — „ Я не испугался бы, опвѣчалъ Андрей, еспѣли бы прохожіе не наговорили мнѣ, что это не передъ добромъ и что непременно случится какое нибудь несчастіе. Они меня наспрашивали. „ —

Отецъ захопѣлъ узнать, о какомъ страхѣ онѣ говорили, и какъ онѣ по обыкновенію пришли къ нему, то онѣ спросилъ у нихъ: „ Скажите мнѣ, что вчера съ вами случилось? Вы были вчера блѣдны и невеселы, да и сегодня говорили о чемъ-то страшномъ и о какомъ-то несчастіи. Чего вы напугались? Длѣ чего вы таишесь отъ меня? Или вы боитесь, чтобъ и меня не испугать?

„ Мы знаемъ, батюшка, опвѣчала Софія, что вы посмѣялись бы надъ нами, и для того не сказали мы вамъ, что мы вчера видѣли и чего напугались.

Отецъ. Тѣмъ нужнѣе мнѣ это знать, чтобъ я могъ располковать вамъ, что вы боялись напрасно. — Что жъ съ вами случилось? — Конечно увидѣли вы на улицѣ пень и почли его за человѣка безъ головы? не правда ли?

Софія. Братецъ, расскажи ты батюшкѣ, что мы вчера видѣли; ты лучше меня разсмотрѣлъ; а я такъ напугалась,

галась, что и посмотрѣшь вверхъ не смѣла.

Андрей. Вчера, какъ солнце закатилось, небо было очень чисто; но вдругъ нашло съ Сѣверной стороны большое темное облако; по томъ около эпова темноватое облако появился бѣлой свѣшъ, и послѣ перемѣнился въ огненные лучи; они иногда пропадали, и опять появлялись въ разныхъ видахъ и свѣшили такъ ясно, какъ бы днемъ.

Отецъ. И эпова-по великолѣпнаго сяннiя, копорое вамъ свѣшило, вы испугались?

Софія. Какъ же не испугаться? — Въ этомъ облакѣ видны были два войска, убитые люди, гробы, и еще много шакова спрашнаго; войска сражались между собою. Говоряшъ, что все это бываешъ передъ войною, передъ голодомъ, или передъ моровою язвою.

Отецъ. Въ самомъ ли дѣлѣ ты все это видѣла?

Софія. Сперва я ничего не видѣла; но люди, копорые шли по улицѣ, говорили объ этомъ и указывали другъ другу; а послѣ и сама я все увидѣла.

Отецъ. Ты ничего бы не увидѣла, есшьлибъ глупые люди не наполнили тво-

его воображенія войсками, убишыми и гробами; они и сами бы ничего эпова не видѣли, есльибѣ голова ихѣ не была наполнена суевѣрными мнѣніями и воображеніями о такихѣ воздушныхѣ явленіяхѣ. Я самѣ смотрѣлъ вчера на Сѣверное сіяніе, которе вы видѣли; однако не примѣшилѣ я вѣ немѣ ни войскѣ, ни гробовѣ, и не думалѣ ни о какомѣ печальномѣ предвѣщаніи, а еще радовался, думая, что и вы увидите это великолѣпное явленіе съ добрыми чувствованіями. Я хотѣлъ еще вчера поговорить съ вами обѣ немѣ, но примѣшилѣ, что вы успали, и для того опложилѣ до нынѣшняго дня. — Теперь мнѣ очень прискорбно слышать, что вы вмѣсто того, чтобѣ радоваться такому прекрасному явленію, боялись его. Какѣ вамѣ не спыдно?

Андрей. Не правду ли я сказывалѣ тебѣ сесприца, что прохожіе говорили пустое, и что облака казались имѣ войсками и убишыми людьми? То же и имѣ я говорилѣ; но они не хотѣли мнѣ вѣришь и называли меня безбожникомѣ; а по помѣ, бапюшка, начали они рассказывать обѣ огненныхѣ змѣяхѣ и о томѣ, какѣ звѣзды съ неба падають и шакѣ насѣ напугали, что мы дрожали отѣ спраху.

Отецѣ.

Отецъ. Кто такъ еще легковѣренъ, какъ вы, тому легко можно сдѣлаться суевѣрнымъ, по естъ, почищать естественное происшествіе сверхъестественнымъ, не спараться узнать, что оно въ самомъ дѣлѣ естъ, и послѣ боясья того, что ни мало не спрашно. — Мнѣ очень не пріятно, что вы вчера повѣрили глупымъ людямъ и попустому напугались. Вамъ надобно бы спросить у меня о помѣ, что вы видѣли.

Софія. Извините насъ, бапюшка; это случилось съ нами еще въ первой разѣ и мы никогда еще не видали на небѣ такава явленія. — Впредь не будемъ мы вѣришь безъ разбору всему, что услышимъ, а сперва подумаемъ, о помѣ сами и спросимъ такихъ людей, которые умнѣ насъ.

Андрей. Но скажите жъ намъ, бапюшка, какое было это явленіе? — Какъ вы его называли? —

Отецъ. Оно называется *Сѣвернымъ сіяніемъ*, отчаспи по тому, что оно обыкновенно показывается съ Сѣверной стороны, отчаспи жъ по тому, что оно почти всякой день видно бываетъ въ тѣхъ земляхъ, которыя лежатъ далѣе къ Сѣверу; а у насъ случается оно гораздо

рѣже и обыкновенно осенью и зимою. Въ Швеціи, въ Норвегіи, въ Лапландіи и въ прочихъ Сѣверныхъ земляхъ бываетъ оно весьма часто. Тамошніе жители не только не боятся его, но еще радуются ему, для того, что оно свѣтитъ имъ въ долгіе вечера и ночи, и они могутъ работать при этомъ свѣтѣ, такъ, какъ днемъ.

Андрей. Отъ чего жъ происходитъ Сѣверное сіяніе?

Отцъ. Это еще не совсѣмъ извѣстно. Нѣкоторые физики почитаютъ его тонкими парами, которые въ Сѣверныхъ странахъ поднимаются изъ земли, собираются въ воздухъ и загораются. Одинъ славной физикъ, путешествуя по Лапландіи, наблюдалъ Сѣверное сіяніе весьма тщательно и примѣтилъ, что оно состоитъ изъ различныхъ замерзлыхъ паровъ; которые весьма высоко несятся въ воздухъ; лучи, отбрасываемые отъ солнца и отъ луны, освѣщаютъ ихъ, такъ, что они бывающъ намъ видны и испускающъ отъ себя блескъ, которой раздается очень далеко. А по тому не несправедливо думаютъ, что Сѣверное сіяніе бываетъ предъ морозомъ. — Другія мнѣнія о Сѣверномъ сіяніи трудно еще вамъ понять, и ко-
роѣ

рое изъ нихъ ни пріймемъ за справедливое, изъ каждаго можемъ видѣшь, что Сѣверное сіяніе не сверхъестественное явленіе, и что его сполько же мало должно бояться, какъ и всякова другаго явленія на небѣ.

Андрей. Я понимаю, что мы вчера боялись по пұсшому. — Теперь желалъ бы я еще знашь, есть ли вѣ самомъ дѣлѣ огненные змѣи, о копорыхъ мы вчера сполько наслышались, и какъ эшо происходитъ, что кажется, будпо звѣзды падають. Какъ намъ объ эшомъ думать должно?

Отецъ. Вѣ другое время услышите вы ошъ меня и объ эшомъ; а теперь пора всякому изъ насъ приняшь за свое дѣло.

XXXI.

Другой разговоръ о нѣкоторыхъ воздушныхъ явленіяхъ.

Андрей и Софія увидѣвши Сѣверное сіяніе и узнавши, что оно шакое, начали примѣчать шакія воздушныя явленія больше, нежели прежде, и когда случалось какое нибудь, шо онѣ шощасъ при-

ходили къ своему отцу, спрашиваешь, что оно значить.

Однажды Софія прибѣжавши къ нему, говорила: „Бабушка! я теперь видѣла какъ звѣзда упала; она лешѣла, лешѣла, шакъ, какъ маленькая ракета, и вдругъ погасла.“

Отецъ (усмѣхаясь.) Для чего жь ты не выбѣжала и не подняла ее?

Софія. Чему жь вы смѣетесь? — Вотъ посмотрите, вотъ и другая! Видите ли, какъ она лешить? —

Отецъ. Удивительно! я никогда не думалъ, чтобы звѣзды были шакъ малы.

Софія. Но это можетъ быть только частица, либо искра отъ звѣзды.

Отецъ. Видно, что ты великая астрономка.

Софія. Я еще почти ничего не знаю о звѣздахъ; однако я слыхала, будто онѣ падаютъ, да и въ самомъ дѣлѣ шакъ кажется.

Отецъ. Ты слышала это отъ шакъ-кихъ людей, кошорымъ шакъ же, какъ и тебѣ казалось, и кошорые не знали, что звѣзды на нѣсколько милліоновъ миль выше того мѣста, гдѣ эшѣ искры показывающся.

Софія.

Софія. Скажице жь мнѣ, бабюшка, что это въ самомъ дѣлѣ?

Отецъ. Не уже ли ты сама не можешь догадаться? — Развѣ не слыхала ты отъ меня, какъ загорающія въ воздухѣ масляныя и сѣрные пары, когда я говорилъ съ вами о молніи?

Софія. А! а! такъ это шо же. — Мнѣ самой иногда это на умѣ приходило.

Отецъ. Точно шо же. — Масляныя и сѣрные пары собираются вмѣстѣ и загорающія отъ своего движенія, а когда онѣ падають внизъ, то водяныя пары ихъ загашають.

Андрей. Не могутъ ли такіе горючіе пары собиращься и въ большомъ количествѣ?

Отецъ. Безъ сомнѣнія, могутъ.

Андрей. А! теперь я понимаю, о чемъ мы слышали въ прошъ вечеръ, какъ было Сѣверное сіяніе. Столяръ, которой для васъ работаешъ рассказывалъ, что лѣтъ дванцатьтому назадъ, видѣть былъ на воздухѣ большой огненной шаръ и свѣшилъ гораздо яснѣе полнова мѣсяца, такъ, что всѣ тогда перепугались; и послѣ этого шаръ раздробился съ ужаснымъ шрескомъ.

Софія. Это конечно было чтонибудь другое, а не пары.

Отецъ. Нѣшъ; тѣ же самыя сѣрные, селипряныя и масляныя пары, копорыя со-брались шолько вѣ большемѣ множествѣ и вѣ видѣ шара. Водяныя пары не могли запушипъ ихъ шакъ, какъ маленькую искру; и для шого эшопѣ шарѣ наконецѣ самѣ раздробился и произвелъ шрескѣ.

Софія. Еще мы слышали шогда о лешучемѣ огненномѣ змѣѣ. Говоряшъ, шчо онѣ очень опасенѣ; онѣ лешаетѣ по воз-духу и спарается пробирашъся сквозъ шрубы вѣ домы.

Отецъ. По швоему описанію эшопѣ огненной змѣѣ вѣ самомѣ дѣлѣ очень опа-сенѣ. — Но ты спала бы о немѣ ду-машъ совсѣмѣ иначе, ешълибѣ увидѣла когда нибудѣ, бѣглою огонь. — Подайше мнѣ шпиршу. —

(*Дѣти подали шпирту; отецъ на-лилъ нѣсколько сго на шольъ шолосою и зажегъ.*)

— Вошѣ вамѣ огненной змѣѣ; онѣ ползешѣ по шолу, пока находишѣ себѣ шщу.

Софія. Но отѣ шего жѣ эшо вѣ воз-духѣ бываетѣ?

Отецъ. Такой огненной шарѣ о кошо-ромѣ мы шеперь шолько говорили, опу-скаясь внизѣ, находишѣ шакую же горячую
маше.

матерію и такіе жь пары, изъ какихъ онъ самъ состоишь, зажигаешь ихъ, и изъ эшова-шо выходишь летучій змѣй съ длиннымъ огненнымъ хвостомъ.

Софія. Ахъ! какъ я была глупа, когда думала, будшо въ самомъ дѣлѣ есть огненные змѣи, копорые лешають по воздуху!

Отець. И для шого-шо дѣши должны не вдругъ вѣришь всему, что онъ слышашъ, но спрашивать у старыхъ людей, чтобы не повѣришь какимъ нибудь неѣпосямъ.

Софія. Но для чего жь эшошь огненной змѣй всегда къ шрубамъ прилешаетъ?

Отець. Для шого, что онъ находишь шамъ такія жь масляныя и сѣрчныя матеріи, изъ какихъ онъ состоишь, а особливо когда изъ шрубы дымъ ишетъ.



Любезные читашели! изъ предъидушихъ разговоровъ могли вы видѣшь, сколь полезно учишься физикъ, шо есть приобрѣшашъ справедливое познаніе о дѣлахъ Божіихъ въ нашурѣ, или мірѣ. Не одно шолько суевѣрное мнѣніе о Сѣверномъ

номъ сіяніи — нѣтъ! много есть нелѣпыхъ мнѣній и заблужденій, копорыя дѣлають людей несчастными, подобно тому какъ несчастны нѣкоторые люди, копорые почитая Сѣверное сіяніе предвѣщаніемъ какого нибудь несчастія, боясь и печалятся безъ причины. Но кто научится знать натуральныя причины разныхъ приключеній, бывающихъ въ мірѣ, тогда избавится отъ многихъ заблужденій и нелѣпостей; онъ такъ скажетъ, короче познакомится съ природою. И такъ будьте внимательны, когда имѣете случай узнать что нибудь такое, и спрашивайте умныхъ людей о томъ, чего вы не разумѣете, дабы они вамъ то объяснили и заблаговременно научили васъ, какъ вамъ объ ономъ думать должно. Постыдно человеку жить въ мірѣ и не знать его, или знать, очень мало; постыдно прожить нѣсколько лѣтъ и остаться столь же незнающимъ, какъ бы и совсѣмъ не живши. — Многие люди отъ незнанія бываютъ недовольны многими вещами и хуля ихъ погрѣшаютъ предъ великимъ Создателемъ. Еслибъ сіи люди были знающіе, то вмѣсто неудовольствія и хулы, съ глубочайшимъ почтеніемъ удивлялись бы премудрости Творца. Вотъ какъ велика польза такова познанія! Са-
мое

мое спокойствіе ваше въ жизни ошѣ него зависитѣ.

Чтобы съ нашей стороны по возможности споспѣшествовать сей вашей пользѣ, намѣрены мы на слѣдующій годѣ помѣщать въ листахъ нашихъ болѣе такихъ піесѣ, копорыя служили бы къ доспавленію вамѣ нѣкопорыхъ нужныхъ знаній. Мы надѣемся сдѣлать вамѣ чрезѣ то удовольствіе, по тому, что вы будете тогда имѣть случай узнавать много хорошаго, чего вы прежде еще не знали; а это добрымъ дѣшямѣ всегда бываетѣ пріятно.

К О Н Е Ц Ъ

Четвертой части.



случающихся въ человѣческой жизни. Спр. 72. — XIV. Протагоръ и Димокришъ. Спр. 79. — XV. Ананицерисъ и Платонъ. Спр. 80.

№ 41. — XVI. Дамонъ и Пиеасъ. Драма для дѣшей, въ одномъ дѣйствіи. Спр. 81. — XVII. Примѣчаніе къ предъидущей драмѣ. Спр. 95.

№ 46. — XXVIII. Разговоръ о повиновеніи, какое дѣши должны оказывать своимъ родителямъ. Спр. 97.

№ 47. — Окончаніе разговора о повиновеніи, какое дѣши должны оказывать своимъ родителямъ. Спр. 113. — XIX. Три разговора о воздухѣ. Разговоръ первой. Спр. 120. — XX. Спарикъ и трое юношей. Спр. 127.

№ 48. — Продолженіе разговоровъ о воздухѣ. Разговоръ второй. Спр. 129. — Разговоръ третій. Спр. 134. — XXI. Должно привыкать, сколько можно обходиться безъ чужой помощи. Спр. 142. — XXII. Примѣръ дружбы. Спр. 144.

№ 49. — XXIII. Досподамятное произшествіе въ нашурѣ. Спр. 145. — XXIV. Анекдотъ. Спр. 150. — XXV. Ба-

Бабочка съ золошыми крыльшками, спре-
коза съ поненькими ножками и прилѣж-
ная пчелка. Сказка. Стр. 154.

№ 50. — XXVI. Гансъ Егеде. Стр. 161.

№ 51. — Гансъ Егеде. (Окончаніе)
Стр. 177. — XXVII. Великая польза
шрудолюбія. Стр. 182. — XXVIII. Маг-
нитъ, Стр. 188. — XXIX. Награжден-
ной великодушной поступокъ. Стр. 190.

№ 52. — XXX. Сѣверное сіяніе.
Стр. 193. — XXXI. Другой разговоръ
о нѣкоторыхъ воздушныхъ явленіяхъ. Стр.
199. — Заключеніе. Стр. 203.

